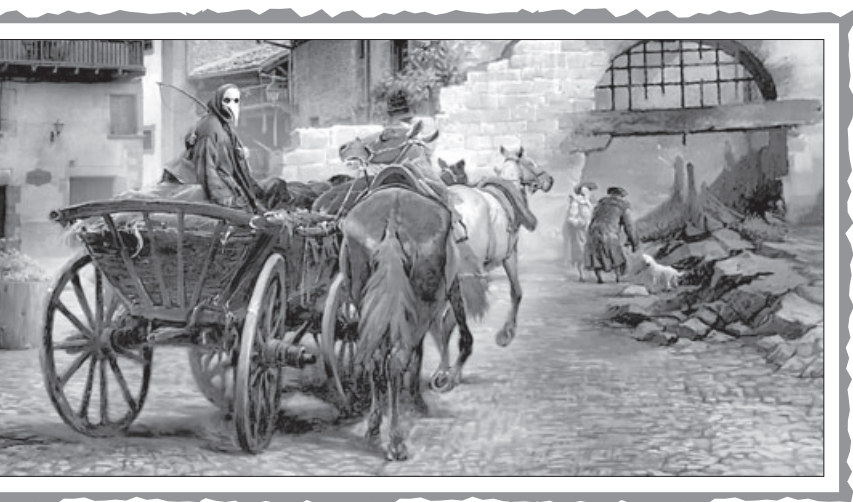

Тетралогия
в одном
томе

ПАВЕЛ КОРЦЕВ

Экзорцист

Москва, 2019

ЦАВЕЛ КОРЦЕВ

Тетралогия
в одном
томе

- Проклятый металл •
- Жнец •
- Мор •
- Осквернитель •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 2005 году
Выпуск 167

Художник
О. Юдин

Корнев П. Н.
К67 Экзорцист: Проклятый металл; Жнец; Мор; Осквернитель:
Романы; Святой сыск: Повесть. — М.: «Издательство АЛЬ-
ФА-КНИГА», 2019. — 1193 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2836-6

Бесы из века в век рвутся в души людей из серой Бездны, в которой никогда ничего не происходило и никогда ничего происходить не будет. Экзорцисты и экзекуторы молитвами и огнем спасают души бесноватых, изгоняя нечистых обратно в породившую их пустоту. Так было с самого сотворения мира и так должно было быть до конца его дней.

Но появился человек, способный повелевать бесами будто собственными вассалами. И разнеслась подобно чуме по городам новая ересь. И встали одержимые под знамена монарха-вероотступника. И оказались забыты старые договоры и обеты, а в воздухе запахло большой войной. Войной, в которой яд и кинжалы будут значить ничуть не меньше, чем армии и крепостные стены. Войной всех против всех.

Какое, спросите вы, к этому имеет отношение разведной агент королевской Тайной службы Себастьян Март?

Не стоило ему братья за изгнание бесов, только и всего.

В издание включена не публиковавшаяся ранее повесть «Святой сыск» о приключениях Себастьяна Марта в Норвегии. События, разворачивающиеся в ней, происходят параллельно сюжетной линии романа «Мор».

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2836-6

© Корнев П. Н., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

• Проклятый
металл •

© Yudin 2010

*Год 948 от Великого Собора
Месяц Святого Доминика Просветителя*

Год девятьсот сорок восьмой от Великого Собора запомнился жителям Ланса как год недорода и год бесславного окончания вконец разорившей континентальные провинции войны. Горожан будоражили слухи о скором конце света, сельский люд в сердцах поминал засушливое лето, дождливую осень и раннюю морозную зиму. А еще — все поглядывали в небо на сулящую новые неприятности кровавую комету. И пусть никто толком не мог объяснить, какие именно несчастья вскоре обрушатся на страну, надежд на перемены к лучшему у подданных Джеймса Третьего почти не осталось. Да и какой прок от пустых надежд, когда вот-вот придется положить зубы на полку?

Всадники, что направлялись на поклон к известному на побережье отшельнику, в полной мере ощутили на себе дурное настроение местных жителей. Радовались им разве что владельцы харчевен и постоянных дворов, да и у тех за фальшивыми улыбками скрывалось желание опустошить кошельки путников до последнего денье. Напроситься же на постой в какой-нибудь захудалой деревеньке и вовсе было пустой затеей. Обыватели, с суевренным ужасом боявшиеся сглаза и порчи, не пускали чужаков даже на порог.

Слишком уж часто в последнее время поражала души людей бесноватость. И слишком опрометчиво поступил монарх, повелев закрыть миссии ордена Изгоняющих и выдворить братьев-экзорцистов из страны. Приходские священники были способны изгнать из человека беса далеко не всегда...

С пролива дул холодный, пронизывающий насквозь ветер, к полудню стеной повалил мокрый снег, но двое верховых и не подумали укрыться от ненастья на постоялом дворе. Молодой человек лет двадцати от роду, с резкими и властными чертами лица, кутался в плащ и очевидным образом злился на спутника, который поспешил тронуться в путь, едва только рассвело. Тот ехал впереди и помалкивал, однако усилившийся ветер и летевший прямо в глаза снег портители настроение и ему. К тому же щегольская короткая куртка, отороченная куньим мехом, совсем не подходила для разыгравшейся непогоды.

— Смотрю, Патрик, ты сам не рад уже, что на своем настоял? — не смог удержаться от шпильки молодой человек. — Вот отморозишь себе что-нибудь, вспомнишь мои слова...

— Прошу вас, дорогой Эдвард, пожалейте мое бедное сердце. — Патрик, граф Нейл, приложил руку к левой стороне груди, но глаза его остались холодными и бесстрастными.

— Пожалеть? С чего бы? Я не хотел сюда ехать. Я боюсь даже подумать, что станется с отцом, когда он прослышит про авантюру, на которую подбил его наследника некий граф...

— А я боюсь подумать, что стало бы с неким наследником престола, попадись он на глаза его величеству в ту пору, когда не вполне владел собой. Мне и так уже пришлось позаботиться о вашем излишне болтливом камердинере.

— С вами, Патрик, не поболтаешь... И вместе с тем монастырь Святого Мартина находится несколько ближе к столице, чем эта дыра Пригге. — Принц выплюнул название захудалой деревушки с нескрываемым презрением. — И переплывать через Ланмар не пришлось бы...

— Вот именно, монастырь Святого Мартина находится слишком близко к столице. Кроме того, я вовсе не уверен, что настоятель способен снять порчу, зато поставить в известность вашего батюшку он бы ни в коем случае не забыл.

— И что с того? Избавь он меня к тому времени от беса...

— Мой дорогой принц, первородство вовсе не гарантирует престолонаследия! Слухи об одержимости гарантированно закроют вам дорогу к трону. А если присовокупить к ним самоубийство супруги, которое вряд ли можно объяснить одной только послеродовой горячкой...

— Я не имею к этому никакого отношения!

— Могли бы поменьше волочиться за придворными красотками... — вполголоса заметил граф, но был услышан.

— Довольно, Патрик! Ты прекрасно знаешь, зачем отец устроил этот брак. Он кинул меня лордам с континента, как кидают кость своре голодных псов! Да, эти напыщенные болваны сразу позабыли о проигранной Норвейму войне, а герцог Риз пошел на такие уступки, о которых мы и мечтать не могли! Но знай я наперед, что его дочь окажется сущей ведьмой, я бы и близко к ней не подошел! Ты же видишь — эта стерва даже после смерти продолжает портить мне кровь!

— Ваша любвеобильность, мой принц...

— Да что любвеобильность?! Ведьма, она и есть ведьма, и моя верность не изменила бы ее природы!

— Так-то оно так, но измена есть грех, а любой грех открывает бесам дорогу в душу. Не было бы греха, глядишь, и не пришлось бы нам ташиться за тридевять земель.

— Вот только не надо читать мне нотаций! Лучше объясни, зачем мы едем к какому-то затворнику, если легко можем посетить миссию ордена Изгоняющих в Нильмаре?

— Погода плохо влияет на вашу способность к здравым рассуждениям, мой дорогой принц. Вы хотите, чтобы о вашей проблеме моментально стало известно в Акрае? Желаете оказаться на крючке у Стильга?

— Но тайна исповеди...

— Когда тайна исповеди мешает государственным интересам, о ней принято забывать. Между тем всем известно, кому экзорцисты служат на самом деле. Ваш батюшка выставил их из страны вовсе не в припадке дурного настроения, как растрезвонили потом на каждом углу.

— Тебе всюду заговоры мерещатся!

— Тем и живу, — нахмурился граф. — Но почему вы так настроены против местного отшельника? Его успехи в изгнании бесов признавали даже экзорцисты!

— Мне претит сама мысль прибегать к помощи еретика!

— Ну, тогда вам одна дорога...

— Куда? — заинтересовался принц.

— В Норвейм. Вот братья-эксекюторы удивятся...

— Патрик, не испытывай моего терпения!

— Мне удалиться?

— Нет, бесы тебя заберут! — рявкнул Эдвард и, чуть помедлив, тихо заметил: — Прости, Патрик, я просто не хочу иметь никаких дел с отступником, пусть даже он и являет миру чудеса святости. Как мне говорили, его рассуждения полны ереси.

— С каких пор вы стали таким благочестивым? — удивился граф.

— С тех пор, как в мою душу вцепился этот клятый бес! Я не живу сейчас, а существую...

— Вы и дальше собираетесь существовать? — уточнил Патрик, который за последнее время успел свыкнуться с резкими перепадами настроения его высочества и уже не обращал на них внимания. — Или все же намерены стать Эдвардом Первым?

— Откуда такая любовь к риторическим вопросам? — нахмурился принц.

Но едва он только собрался сказать графу какую-нибудь гадость, как лес расступился, и всадники выехали на просторную поляну.

— Мы на месте. — Патрик указал на темный силуэт двухэтажного дома.

— А неплохо этот отшельник устроился, — задумчиво огляделся по сторонам принц.

Выбежавший из пристроя служка ловко принял поводья и повел лошадей к приспособленному под конюшню сараю.

— Добро пожаловать! — указал на крыльцо граф Нейл.

— Только после тебя, — бросил ему в ответ Эдвард.

Пропустив графа вперед, принц расстегнул застежки плаща, на ладонь выдвинул из ножен меч и бросил его обратно.

— Говорите, это мне везде заговоры мерещатся? — не упустил возможности съехидничать Патрик и, кое-как сбив с куртки снег, без стука распахнул дверь.

Принц последовал за ним. Откинул с головы капюшон и внимательно оглядел просторную комнату, у дальней стены которой в камине гудело высокое пламя. Рядом громоздилась сложенная из сухих дров высокая поленница, так что ненастье хозяин дома встречал во всеору-

жии. Впрочем, вышедший к гостям отшельник ничуть не походил на человека, которого мог смутить обычный снегопад.

— Ваше высочество, — слегка склонил голову мужчина неопределенного возраста, облаченный в длинную байковую хламиду, — большая честь для меня видеть вас здесь...

— Неужели?..

Эдвард бросил мокрый плащ на спинку кресла и прошел к камину. Интересоваться, откуда затворник знает, кто к нему пожаловал, он и не подумал. Спрашивать имя хозяина — тоже. Ни к чему это.

— У вас есть основания сомневаться в моих словах? — мягко улыбнулся отшельник.

— А у меня есть основания вам доверять?

— Однако же именно вы почтили меня визитом...

— Туше! — хохотнул Патрик и сел поближе к камину. — Надеюсь, вы не откажете замерзшим путникам в стаканчике бренди?

— Или подогретого вина, — уставился Эдвард на хозяина, почтение которого к гостям было, без всякого сомнения, показным. Уж ко-го-кого, а лицемеров и лжецов принц на своем веку навидался достаточно.

— Я не держу в доме хмельного, — вежливо, но твердо сказал затворник. — Думаю, не хуже бренди вас согреет травяной чай.

Эдвард досадливо поморщился, но предложенную кружку, над которой курился легкий дымок, принял. Отхлебнул. Насутился. Досадливо посмотрел на отшельника и рубанул сплеча:

— Ты можешь мне помочь?

— Смотря что вы хотите от меня получить, ваше высочество, — ушел от прямого ответа хозяин лесного жилища.

— А сам ты этого не понимаешь?

— Я понимаю лишь, что на вас наслали порчу. Еще я вижу беса, терзающего вашу душу. Каждодневные молитвы за здоровье членов королевской семьи пока не дают ему обрести должную силу...

— Ах вот как? — Эдвард в раздражении грохнул кружкой. — Обрести должную силу? Ты так это называешь?

— Не важно, как я это называю, важно, что я могу этому помешать. Полагаю, вы хотите избавиться от порчи...

— Bravo! — зааплодировал принц. — Друг мой, да ты, оказывается, настоящий мыслитель. И как только догадался?

— Ваше высочество, вы уверены, что хотите именно этого? — спокойно продолжил отшельник, не обратив ни малейшего внимания на прозвучавшую в словах собеседника издевку.

— А что еще ты можешь мне предложить? Развернуться и отправиться домой?

— Отнюдь нет. — Невозмутимость на мгновение покинула хозяина дома, но он моментально взял себя в руки: — Порчу можно вернуть. Порчу можно передать другому человеку...

— Какие ты мерзости говоришь! — скривился Эдвард и вскочил на ноги. — Нет! Все, чего я хочу, — это избавиться от нее навсегда. Если тебе это по силам, называй свою цену.

— Не все в этом мире измеряется деньгами...

— Не стоит испытывать мое терпение!

— Выслушайте меня, ваше высочество...

— Разговор тут короткий: либо ты можешь снять порчу, либо нет!

— Могу.

— Тогда в чем проблема?

— Прежде чем что-либо сделать, я должен объяснить возможные последствия, — скрестил на груди руки раздраженный упрямством принца отшельник.

— Ваше высочество! — встрепенулся вдруг граф Нейл. — Выслушайте его. Не зря же мы проделали этот длинный и, так скажем, не очень приятный путь.

— Не уверен! — В глазах принца полыхнула ярость, однако здравый смысл быстро взял верх. — Ладно, говори, чего ты там хотел...

— Сначала просветите, что именно с вами произошло. Мне нужны подробности.

— Подробности? — фыркнул Эдвард. — Одна ведьма натравила на меня бесов, вот и все подробности!

— Если вы не хотите об этом говорить, боюсь, я ничем не смогу помочь...

— А-а-а, бес с тобой! — махнул рукой принц. — Моя супруга была на сносях, когда кто-то наплел ей обо мне всяких небылиц. Роды начались раньше срока, после них она и вовсе обезумела. Отказывалась глядеть на сына, бормотала что-то странное о тьме, проклятии и расплате. Несколько дней назад ее нашли удавившейся собственным шелковым палантинном, а в ночь после похорон... в ночь после похорон моей душой попытался завладеть бес!

— Люди часто используют силы, не до конца понимая их природу, — кивнул отшельник.

— Не до конца понимая? — уставился на него принц. — Ты меня слышал вообще? Она призвала на мою голову беса!

— Бесы всего лишь частицы Бездны, обитающие в великой пустоте. К истинной Тьме они не имеют никакого отношения.

— Что?! Ты в своем уме?! — подскочил как ужаленный Эдвард. — Частицы Бездны? Да только всенощное бдение о королевской семье не позволило этой твари живьем утянуть меня в преисподнюю!

— Не все так просто, ваше высочество. Бесы — лишь сгустки силы. Не скверна, но порождения пустоты! Сами по себе эти создания не хороши и не плохи. Другое дело, что они способны проникать лишь в души, отягощенные грехом, ведь именно такие души лишены целостности. И поскольку грех изначально темен...

— Избавь меня от своих еретических бредней! — приказал принц. — А не то живо отправишься на костер!

— Не надо угрозы. Я просто пытаюсь помочь. И изгнание беса — это крайний вариант. С моей помощью вы сможете взять над ним верх и получить его силу...

— Замолчи! Об этом не может быть и речи! Избавь меня от порчи, если можешь, и тогда я закрою глаза на крамольные речи, что ты ведешь в моем присутствии!

— Я спасу вас, но кто поможет остальным бесноватым, чьи души полны скверны лишь потому, что некому позаботиться о них и настаивать на пути истинный? — повысил вдруг голос отшельник. — Вы столкнулись с обитателями Бездны исключительно из-за наведенной порчи, но есть и те, кто от рождения наделен даром соприкасаться с иным миром.

— Бесноватость — это дар? — хмыкнул граф Нейл.

— Бесноватыми пусть занимаются экзорцисты! — отрубил принц.

— Экзорцисты калечат души, выжигая из них то, чего сами не понимают! — вмиг растерял всю свою невозмутимость отшельник. — Больше них вреда приносят только экзекуторы, но тех изначально ведет корысть и жажда власти...

— И что мне теперь, устроить приют для бесноватых?

Принц схватил со стола кружку с чаем и в три глотка осушил ее до дна. Темечко заломило, будто кто-то бился в голову, желая вырваться наружу. Эдвард выудил из кармашка четки и судорожно принялся перебирать их, пытаясь успокоить бешено стучавшее сердце.

— Нет, ваше высочество, — покачал головой отшельник. — Природу Бездны нужно изучать. Когда мы познаем ее, мы изменим мир! Кому нужны мертвые люди, именуемые святыми? Надо построить новые храмы...

— Довольно! — Принц с трудом унял бившую его дрожь, до боли стиснув пальцами граненые бусины четок. — Патрик, он и вправду спятил или мне только кажется?

— Ваше высочество, — отшельник шагнул к Эдварду, — вы просто не представляете, что это даст вам лично. Бесы — не только проклятие, но и оружие. Понимая их природу и используя их, вы легко сокрушите всех врагов...

— Для начала я должен буду перебить половину собственных подданных, — с явственно прозвучавшим презрением в голосе ответил принц. — Против меня выступают все: чернь, лорды, Церковь. Ланс и Драгарн тоже не останутся в стороне: они давно точат зуб на наши континентальные провинции, а война с еретиками — прекрасный повод для военного союза.

— Но...

— Никаких «но»! — не выдержал Эдвард. — Называй свою цену и не морочь мне больше голову!

— Чтобы избавить вас от порчи, я буду вынужден принять ее на себя. — Отшельник внезапно успокоился. Зеленые глаза потемнели, а потом и вовсе сменили оттенок: один загорелся желтым огнем, второй

стал серым, словно припорошенная дорожной пылью стекляшка. — Однако, если вы примете мое предложение...

— Еще раз услышу об этой ереси, отправлю на костер, — пообещал принц и в сердцах кинул в графа Нейла перчаткой. — Ты куда вообще меня притащил?

— А что, был большой выбор? — пожал плечами граф и поднялся на ноги. — Назовите уже свою цену, почтенный, или мы немедленно отбываем.

Отшельник несколько мгновений играл с графом в гляделки, потом опустил глаза и после недолгой паузы сразил принца наповал:

— Я хочу стать наставником вашего сына.

— Что?! Отдать первенца еретику?! — Эдвард от такой наглости потерял дар речи и заперхал. Придя в себя, он кинул на стол туго набитый кошель и многозначительно похлопал ладонью по рукояти меча. — Выбирай: золото или сталь.

— Ваше высочество, — ухватил принца за руку Патрик, — так нельзя!

— Нельзя? — прошипел принц в лицо советнику. — А ему надо мной издеваться можно?

— Нельзя вершить самосуд! Если узнают...

— Мне не нужно золото, — подлил масла в огонь отшельник.

— Ну что ж, — оставил в покое меч Эдвард, — ты сам выбрал свою судьбу. Уж поверь, я позабочусь, чтобы еще до захода солнца твой прах развеяли по ветру!

— Не думаю, что это в вашей власти, — не испугался угроз еретик. — В последнее время во владениях герцога Риза ваше слово мало что значит. Он, говорят, души в своей дочери не чаял...

— Ах ты подлец! — вскипел принц и вдруг хлопнул себя по лбу. — Герцог Риз! Ну конечно, как я сразу не сообразил!

— Мальчик получит прекрасное образование, можете не сомневаться.

— Моего сына еретик учить не будет! Никогда такому не бывать!

Эдвард схватил плащ и зашагал на выход, но у двери его нагнал Патрик.

— Ваше высочество, одумайтесь, — зашептал он на ухо принцу. — Из ведьминого отродья так и сяк не выйдет толку!

— Он не только ее сын, в его жилах течет и моя кровь! — осадил графа Эдвард. — Не забывай об этом!

— Но наполовину в нем порченая кровь Ризов, — уперся граф Нейл. — Прежде чем мы уедем, подумайте: хотите ли вы собственными руками преподнести корону одному из своих братьев?

— К бесам трон!

— Дорогой Эдвард! Возьмите себя в руки! В конце концов, мало ли что может случиться, пока ребенок растет? Никто из нас не вечен...

— А ведь и верно, — одумался принц, сунул Патрику скомканный плащ и, вернувшись в комнату, убрал в карман забытый на столе кошель. — Приступай, отшельник!

— Слово дано?

— Слово дано!

— Да будет так! — важно кивнул затворник и протянул руку к голове наследника престола.

Коснулся.

Эдварда передернуло от отвращения, он хотел было отодвинуться, но не успел: в глазах вспыхнули искры, тело наполнила смертная слабость, и принцу пришлось опереться о стол, чтобы не рухнуть на пол.

Мгновение спустя отшельник резко — будто жнец серпом взмахнул — отнял руку, и граф Нейл с изумлением увидел, что меж крепко сжатых пальцев у того извивается выдернутая из его высочества тень — тень куда более темная, чем ей полагалось быть при столь скудном освещении.

Еретик взмок от напряжения, его всего перекорежило, словно какая-то иная сущность пыталась перекроить человеческое тело по собственным меркам. И все же отшельник оказался сильнее: когда его посеревшие пальцы разжались, от вырванной из принца тьмы не осталось и следа.

— Это все?.. — Эдвард помотал головой, прислушиваясь к собственным ощущениям. Понял, что разъедавшая все последние дни душу язва больше не высасывает из него силы, и широко улыбнулся: — Благодарить-то какая...

— Да, ваше высочество. Как и договаривались, я вырвал беса из вашей души и заточил его в своей.

Отшельник вытер разом вспотевшее лицо и размеренно задышал, пытаясь унять лихорадочное сердцебиение.

— Вот и замечательно...

Принц забрал у графа плащ и, не прощаясь, устремился прочь из этого странного места. Он снова чувствовал себя живым, здоровым и полным сил. И это приводило его в неописуемый восторг.

— В семь лет, — толкнул Эдварда в спину голос отшельника. — Когда вашему сыну исполнится семь лет, я жду его у себя.

— Что? — недоуменно обернулся принц, который мыслями был уже далеко отсюда, потом вспомнил об уговоре и небрежно махнул рукой: — Ну да, конечно, конечно...

— И еще, ваше высочество! Я запер беса в себе, но, если со мной что-нибудь случится, он непременно вернется по вашу душу.

Эдвард в бешенстве хлопнул дверью, молча вышел на крыльцо и расправил плечи. Набрал полную грудь морозного воздуха и моментально унял обуявший его гнев. Пусть в малыше и течет порченная кровь Ризов, еретик не станет его наставником никогда. Даже если ради этого принцу придется кого-то убить.

Никогда!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Год 971 от Великого Собора

Глава 1 ЭКЗОРЦИСТ. ЛЮДИ И БЕСЫ

Месяц Святого Огюста Зодчего

I

Почтовая карета прибыла на главную площадь Ронева, когда городские часы — одна из двух городских достопримечательностей — отбивали полдень. Делали они это словно нехотя: медленно, с долгими перерывами между разносившимся над крышами домов звоном медного гонга. Механизм часов давно следовало перебрать или, на худой конец, смазать, но у магистрата до этого никак не доходили руки. У магистрата вообще до многого не доходили руки — такие уж это были люди. Под стать часам: неторопливые, привыкшие делать лишь то, что отложить на завтра уже нет никакой возможности. Да другого от них и не требовалось. Как-то незаметно переросший из захудалого поселения в коронный город, Ронев существовал и худо-бедно развивался только благодаря своей второй и главной достопримечательности — королевской тюрьме.

Сейчас уже не верилось, но когда-то в тюрьме не хватало свободных камер. Заключенные ломали мрамор и малахит, добывали медную и серебряную руду на местных рудниках, и разросшийся вокруг тюрьмы городок процветал. Но рудники иссякли, и как-то незаметно ушло в прошлое былое благополучие. Благополучие ушло, а тюрьма и королевский гарнизон остались. Горожане затянули пояса, но привыкли. Так и жили: без излишеств, зато с уверенностью в завтрашнем дне. Все верно: преступники на их веку точно не переведутся.

Дежурившие на площади стражники были истинными детьми своего города — обрюзгшие от дармового пива дядьки в мятых форменных плащах составили алебарды к ограде занимаемого королевской почтой особняка и отчаянно скучали, дожидаясь конца смены. Караул на главной площади считался чем-то вроде наказания: целый день торчать на глазах у начальства и важных шишек из магистрата было серьезным испытанием для привыкших к куда более вольной жизни блюстителей порядка.

Поднятые воротники плащей и нахлобученные по самые уши шляпы худо-бедно защищали от порывов студеного осеннего ветерка, но, когда тусклое солнце скрывалось за серыми кучевыми облаками, становилось и вовсе тоскливо. Поэтому при появлении из почтовой кареты экзорциста начальник караула просто опешил от такой несправедливости.

Высокий, похожий на пугало в кожаном плаще до пят и широкополой шляпе, экзорцист одним только видом своим вызвал у уныло переглянувшихся стражников изжогу. Мало того что с самого пользы как с козла молока, так еще и в карету с ним никто из добрых подданных короля Альберта Второго — да продлят Святые годы его жизни! — в здравом уме не сядет. Только по большой нужде. А значит, с путешественников сшибить пару монет сегодня точно не получится. Плакал дневной калым...

Прекрасно понимая, какое впечатление произвел на оробело паливших на меня стражников, я поднял руку и требовательно прищелкнул пальцами. Перчатки из толстой кожи смягчили щелчок, и прозвучал он едва ли громче звона нашитых по краям шляпы и швам плаща серебряных колокольчиков, но начальник караула моментально оказался рядом.

— Чем могу служить, господин экзорцист? — уставившись на носки своих пыльных сапог, выпалил он.

— Как пройти к ближайшему постоялому двору? — вытащив из кареты увесистую дорожную сумку, спросил я.

Из-за закрывавшей низ лица кожаной полумаски голос прозвучал глухо, и стражник вздрогнул от неожиданности. Совсем они здесь запуганные. На полдень отсюда все не так. В Стильге перед законом все равны. Даже братья-экзорцисты ордена Изгоняющих. На словах, конечно, но и это немало.

— Прямо по улице, господин экзорцист, — указал куда-то за карету десятник. — Как рынок пройдете, так сразу постоялый двор будет — «Жареный петух», не промахнетесь.

— Держи.

Я щелчком большого пальца отправил в воздух мелкую серебряную монетку, нисколько не сомневаясь в ее дальнейшей судьбе. Но нет — стражник промахнулся, и грош звякнул о брусчатку. Совсем они тут мышей не ловят. И не думаю, что в гарнизоне дела лучше обстоят. Сожрут их. Или Стильг, или полуночный сосед — Норвейм. Да и между собой эти малые королевства, великие герцогства и прочие вольные баронства перегрызться могут запросто.

— Благодарю, господин...

Не слушая, я закинул на левое плечо ремень сумки и двинулся в указанном направлении. Узконосые сапоги — не такие уж и неудобные, как могло показаться на первый взгляд, — цокали по брусчатке набойками, в тон им звенели многочисленные серебряные колокольчики.

Цок-цок. Диги-дон, диги-дон. Цок-цок. Диги-дон...

Неудивительно, что все встречные заблаговременно переходили на другую сторону дороги, поспешно заскакивали в проулки и старательно отворачивались, боясь даже взглянуть в мою сторону. Ну как же, нельзя взглядом с экзорцистом встречаться, никак нельзя! Если уж они бесноватого зачаровать могут, просто посмотрев в глаза, то страшно даже подумать, что с простым человеком станется. Вот и от звона их колокольчиков молоко скисает...

Вскоре камни брусчатки под моими ногами сменили гнилые доски мостовой, и цокот набоек стих. Но жителей Ронева так легко, оказалось, не провести, и они продолжили шарахаться от меня почище чем от мытаря. Как дети малые...

Впрочем, на огибающей рынок улочке прятаться было особо некуда, и горожане торопливо жались в разные стороны, стараясь ненароком не коснуться моего плаща. В шуме и гаме торгового района звон колокольчиков почти потерялся, но, уловив на миг сбившийся перезвон, я, не глядя, ткнул локтем за спину. Тут же крутнулся на каблуке и добавил ребром ладони.

Второй удар вышел смазанным: пытавшийся срезать колокольчик шельмец согнулся, зажимая сломанный локтем нос, и получил не ребром ладони по шее, а серебряной накладкой на обшлаге по лбу. Повезло. Совсем еще молоденький парнишка, распластав руки, навзничь рухнул в дорожную грязь, но никто из прохожих даже не замедлил шага. Разве что замерший в подворотне соседнего дома крепкий парень сунул руку под рваную куцую куртку, но перехватил мой взгляд и решил не дергаться. Умный мальчик.

Больше ничего интересного по дороге в «Жареный петух» не приключилось. Да и что интересного может случиться в этом вшивом Роневе? Дыра! Хотя если разобраться, то вся Марна — одна сплошная дыра. Будем надеяться, что хоть клопов на постоялом дворе не окажется. На вино приличное точно рассчитывать не приходится. Да оно и к лучшему.

Следивший за фыркавшими у коновязи лошадьми малец при моем появлении как ошпаренный бросился в дом, так что хозяин постоялого двора успел выйти из кухни и встретил меня в обеденной зале.

— Господин экзорцист... — То ли сутулый от природы, то ли слегка горбатый мужчина торопливо вытер руки о грязный передник и наверхника собирался заявить, что его скромное заведение недостойно принимать у себя столь важную персону, «а вот на соседней улице...», но замолчал, сбитый с толку звоном серебряных колокольчиков.

Дин-дигидон-дин-дигидон.

— Таз горячей воды и обед принесешь в комнату, — не дав ему времени собраться с мыслями, заявил я. Уже обращал внимание — перезвон нашитых на одежду колокольчиков зачастую и нормальных людей путает. На бесноватых тоже, получается, должен действовать неплохо. — Съеду завтра.

— А... — видимо, решил прояснить вопрос с оплатой содержатель постоялого двора.

— Или мне спуститься пообедать сюда? — оглядел я просторную залу.

— Прошу, — пискнул моментально прикинувший возможные убытки хозяин. Его понять можно: мало того что постояльцы разбегутся, так еще и слушок нехороший по городу сейчас же пойдет. Никто ведь не поверит, будто экзорцист здесь всего лишь на ночлег остановиться решил. — Проводи господина в угловую комнату, живо!

— На втором этаже? — шмыгнул носом получивший подзатыльник мальчишка.

— На втором занята. На третьем, — зло прошипел хозяин и, уже улыбаясь, мне: — Когда изволите отобедать?..

— Неси. Вина... Вина не надо. — Поправив врезавшийся в плечо ремень сумки, я направился вслед за мальчишкой.

Комната оказалась вполне себе ничего. Два окна, широкая кровать. В углу стол с заправленной лампадой. На стене рядом с рукомоиником отшлифованная железная пластина. Разве что камин не затоплен, но холодно ночью быть не должно.

Молоденькая служанка — весьма симпатичная, если бы не побледневшее от страха личико, — принесла свежее постельное белье, перестелила кровать и чуть ли не бегом выскочила из комнаты. Дура.

Следом зашел давешний малец и поставил на пол у рукомоиника бадью с горячей водой. Дождавшись притащившего поднос с обедом хозяина, я запер дверь и на всякий случай подсунул под нее заранее припасенный деревянный клин. Повесил на стул опостылевшие за время путешествия плащ и шляпу, кинул поверх полумаску и перчатки. Сапоги отправились в дальний угол комнаты, пояс с парой ножей заслужил более уважительного обращения, а вот кожаные штаны, жилетка и теплая рубаха... Нет, так не пойдет — мало ли в какой спешке собираться придется.

Аккуратно сложив одежду, я намылил подбородок, разложил вытасненную из сумки бритву и принялся соскребать колючую рыжую щетину. Отражение на отполированной железной пластине отчаянно кривнулось, и все же лучше так, чем опять бриться вслепую.

Много времени на приведение себя в человеческий вид мне не понадобилось, и, ополоснув лицо холодной водой, я снял крышку со стоявшего на подносе блюда. Что у нас здесь?.. Фаршированная щука. Плюс пара вареных яиц, два ломтя белого хлеба и зелень. Еще и кувшин с холодным пивом. Неплохо. Очень даже неплохо.

Расправившись с обедом, я вытащил из сумки три обтянутых кожей фолианта и переставил один из стульев поближе к окну. Пока не стемнело, стоит немного самообразованием заняться. Чуток почиताю — и спать. Денек завтра будет не из легких.

Вот только с чего начать? «Духи, бесы, призраки и особенности изгнания оных», «Бесноватость как она есть» или «Ритуалы изгнания

младших бесов» с раритетным полным списком диспута сторонников догмы о младших бесах и приверженцев теории «скверны»?

Ладно, начну с «Бесноватости...», а там видно будет. Хорошо бы, конечно, переодеться в нормальную одежду, спуститься вниз да гульнуть как следует. Потом вернуться хоть с той же пугливой служаночкой и кувшином приличного вина и...

Ну нет — никаких «и»! Сегодня придется обойтись пивом и книгами. Не самая лучшая компания для молодого здорового организма, но могло быть и хуже. И уж точно будет хуже, если завтра с утра не смогу с похмелья голову от подушки оторвать. Так что книги, книги и еще раз книги. А потом — спать.

Разбудили меня на рассвете. Получивший мелкую медную монету хозяйский мальчишка не подвел и заколотил в дверь еще до первых петухов. Отчаянно зевая и ежась от прикосновения к телу холодной кожи, я наскоро оделся, прицепил на пояс ножны с серебряным серпом и достал полумаску. Вроде все.

Ан нет! Совсем забыл. Нашарив на дне сумки пару длинных, слегка изогнутых кинжалов, спрятал их под плащ. Думаю, со стороны ничего заметно быть не должно. Да даже если и углядит кто — не страшно. Имею право.

Утром Ронев показался еще более неприглядным городком, чем вчера по приезде. Уж не знаю, как такое могло быть, но те же самые дома и улицы сегодня вызвали неприкрытое отвращение. Грязь, серость и покрывающая все тень безнадеги.

Или дело во мне?

Поправив ремень сумки, я задумался об этом, но тут же решил, что не стоит забивать голову всякой ерундой. На деле сосредоточиться надо. Как-никак не развлекаться приехал.

И только под конец прогулки по словно вымершему городу я вдруг сообразил, что именно действовало на нервы с самого начала. Тишина. Предрассветная тишина пуховой периной накрыла Ронев, и даже звон серебряных колокольчиков не мог разорвать ее мертвой хватки. А вот когда городок начал оживать — захлопали ставни, загрохал подковывавший лошадей кузнец, забрехали на ранних прохожих собаки, — сразу стало легче. Будто из дурного сна в нормальный мир вернулся. Какая тишина, какие кошмары? Захолустье, оно захолустье и есть.

Стороживший калитку у ворот тюрьмы стражник завернулся в плащ и прислонился к стене в небольшом, защищенном от дождя и ветра закутке. Впрочем, показное разгильдяйство оказалось насквозь мнимым — дежуривший в будке караул внимательно приглядывал за своим выставленным на улицу собратом.

— Стой, кто идет! — перехватив алебарду, завопил молодой парень. Из-за дождя звона моих колокольчиков он не расслышал, а потому из-

рядно перепугался, углядев вынырнувшую из водной пелены фигуру в длинном плаще.— Замри, говорю!

— Ты, часом, не слепой? — не останавливаясь, поинтересовался я. Хлынувший некоторое время назад с неба ливень, как и предстоящее дело, вовсе не самым лучшим образом сказался на моем настроении. — Где начальник караула?

— Проходите, господин экзорцист, — лязгнул зубами служивый. И когда решил, что его уже не расслышат, горестно вздохнул: — Еще один! Принесла ж нелегкая...

Замерев на месте, я обернулся, но парень уже отвернулся и упорно делал вид, будто проглотил язык. Ничего не оставалось, кроме как распахнуть дверь и зайти в караулку.

— Вы по делу, господин экзорцист? — поинтересовался начальник караула, сидевший у печки, в которой весело трещали поленья. Пузатый дядька лет сорока окинул меня внимательным взглядом, так и не решившись, впрочем, взглянуть в лицо.

— Да. — Я положил сумку на пол и вытащил из нее футляр со списком письма коменданта тюрьмы в столичную миссию ордена Изгоняющих. — По делу.

— А! Так вы из-за бесноватого, будь он неладен! — вернул мне письмо старший, едва глянув на бумагу. — Опоздали, господин экзорцист. Брат-эзекутор из Пламенной Длани уже с час как приехал...

— Уверен? — подался вперед я.

— Да разве ж их с кем спутаешь? — с довольным видом развел руками охранник. — И письмо у него тоже было.

— Отведите меня к коменданту, — распорядился я.

Дело оборачивалось хуже некуда. Набравший большую силу в Норвеиме и соседних королевствах, орден с бесноватыми не церемонился. Те, кому повезло, заканчивали свои дни на костре, а вот кому не повезло... Ладно, не будем о печальном.

— Не могу, — пожал плечами начальник караула. — Дела у вас, господин эзекутор, получается, уже нет, а господин комендант страсть как не любит, когда его без должной причины беспокоят.

— Немедленно! — скрипнул зубами я.

— Сию минуту! — вскопил на ноги стражник. Уж не знаю, что он сумел разглядеть в моих глазах, но с лица заметно сбледнул. Выходит, все верно разглядел. — Яр, проводи господина экзорциста...

Внутренний двор, решетка, длинный темный коридор, открытый переход, лестница на второй этаж, караулка, снова коридор.

Путь до коменданта отложился в моей памяти плохо; в голове стучала одна только мысль: опоздал, опоздал, опоздал!

Ни чад факелов, ни вонь тюремных помещений не были способны ни на минуту отвлечь от заставлявшего бешено колотиться сердце предчувствия. Неужели все? Или что-то еще можно сделать?

Рывком распахнув дверь в секретарскую коменданта, охранник представил меня заспанному писарю и моментально умчался прочь. В

полутемном помещении, кроме секретаря и двух охранников, никого не было, и я едва сдержал горестный вздох.

— Как вас записать, господин экзорцист? — прикрыв рот ссохшейся от старости ладонью, зевнул писарь.

— Так и запишите. — Я направился к двери в рабочий кабинет коменданта. — Брат-эзекутор у господина коменданта?

— Да, он осмотрел бесноватого и только что вернулся... — кивнул старик и всполошился: — Но мне нужно имя!

— Разве жалкий набор звуков может передать уникальность человеческой души? — не оборачиваясь, бросил я и уставился на перегородившего дорогу охранника. — Ну и?

— С оружием нельзя, — указал на серп долговязый усатый ветеран. Якобы сонные глаза внимательно обшарили плащ, и, думаю, не совпади количество и форма колокольчиков с должными, сидеть мне в одиночной камере до скончания веков.

— Это ритуальная вещь, — возразил я и кинул сумку на пол.

— Позвольте?

— Пожалуйста.

— Проходите, — разрешил ветеран, осмотрев покрытое черными символами серебряное лезвие, и, словно извиняясь, добавил: — Служба есть служба...

— Пустое, — отмахнулся я и распахнул дверь.

— Не пускаясь в пространные рассуждения, сразу могу сказать: ваш заключенный... — закинувший ногу на ногу худощавый мужчина с щегольскими усиками запнулся, поднялся из придвинутого поближе к столу коменданта тюрьмы кресла и отсалютовал мне хрустальным бокалом, — ваш заключенный меня не заинтересовал, но вот брат-экзорцист, думаю, не откажется уделить ему свое драгоценное время.

— Уделю, — уставился я на эзекутора. И какая нелегкая занесла его в эти края? Некстати, совсем некстати.

— Вот и замечательно! — Щеголь допил вино и поставил бокал на стол. В отличие от меня, рабочее одеяние — короткую кожаную куртку с серебряными заклепками, полностью закрывавшую лицо маску и длинный фартук — он успел сменить на коричневый камзол и бриджи для верховой езды. А вот для заляпаных грязью сапог замены не нашлось, да и потертые ножны с саблей тоже служили своему владельцу явно не первый год. Из благородных? Должно быть. Тонкие черты лица, изящные пальцы, длинные, слегка вьющиеся волосы. Двигается легко, будто танцор или опытный фехтовальщик. Такой своего не упустит, так какого беса он работу на меня перекинул? Что-то заподозрил? — Благодарю за гостеприимство, но позвольте с вами раскланяться...

— Не останетесь на завтрак? — с легким разочарованием в голосе уточнил вслед за гостем поднявшийся на ноги обрюзгший комендант, который не обратил на меня ровным счетом никакого внимания. Ну, это и понятно: вон дворянский перстень на пальце. Скучно ему тут,

бедолаге. Только вот человек его круга заглянул, и надо же такому случиться — сразу уезжает.

— Дела, дела... — Экзекутор махнул на прощанье шляпой с длинным синим пером и остановился в дверях. — Надеюсь, кто-нибудь донесет мои вещи до кареты?

— О чем речь! — всплеснул руками комендант. — Эдмунд, ты слышал?

— Да, господин комендант, — откликнулся из коридора тот самый ветеран.

— Потом проводи господина экзорциста до камеры его сиятельства, — потянулся за графином с вином комендант и поспешил от меня избавиться: — Если что-то понадобится, обращайтесь к старшему надзирателю.

— Непременно, — все еще не веря в такую удачу, кивнул я и вслед за охранником направился на выход. — Непременно...

Камера бесноватого находилась в тюремном подвале. Нет, вряд ли «подвал» — подходящее слово. Подземелье?.. Тоже не то.

Вполне возможно, при наличии свободного времени я бы сумел подобрать название для каменного мешка, запрятанного в самом дальнем уголке нижнего тюремного уровня, но, честно говоря, сейчас моим единственным желанием было убраться отсюда подобру-поздорову. Пока есть такая возможность. Едва разгоняемая чадящими факелами тьма, пронизывающий даже сквозь плащ холод, постоянно капающая с потолка вода и невыносимая вонь делали пребывание в подвале сродни заточению в чреве ледяного змея. А то и того похуже...

И ладно бы здесь одних бесноватых содержали — так нет, тут и одиночные карцеры, тут и казематы смертников. Понятно, что обитатели ни первых, ни вторых апартаментов здесь надолго не задерживаются, но и пару дней пребывания в таких условиях без ущерба для собственного рассудка мог выдержать далеко не каждый. Впрочем, застенки для душевнобольных особым комфортом тоже традиционно не отличались.

— И давно он в таком состоянии? — поморщился я, когда отвечающий за тюремный подвал надзиратель собственноручно отпер дверь в камеру к бесноватому. Сделал он это без особой опаски: открывшийся дверной проем перегораживала добротная решетка. Почти не ржавая, что по местным меркам — нечто из ряда вон. Еще и петли маслом смазаны!

— На второй день, как сюда привезли, припадок приключился. Получается, послезавтра полудекада будет, — припомнил державший факел Эдмунд. — Сначала решили, умом повредился, а главный медик ни в какую: одержимость это. Думали, настоятель монастыря поможет, да только не взялся он беса изгонять.

— К стулу, говорю, давно его привязали? — уточнил вопрос я.

Руки и ноги очень худого мужчины лет сорока были примотаны кожаными ремнями к добротному дубовому стулу, намертво приколо-

ченному железными штырями прямо к полу. По всклокоченной бороде текли слюны, черный зрачок растекся почти во весь правый глаз. Левый глаз был закрыт, и из него сочились редкие слезинки. На первый взгляд бесноватый ничем не отличался от какого-нибудь запойного мужика, но ведь внешность обманчива, не так ли?

— А! Это! — фыркнул охранник коменданта. — Перед приходом экзекутора. Господин комендант распорядился.

— С час назад, — уточнил старший надзиратель. — У меня все отмечено.

— Отпирайте, — тяжело вздохнул я. — Экзекутор-то чего делал?

— Ходил, смотрел, пальцем в глаз вон залез. — Надзиратель начал подбирать ключ к замку решетки. — Еще жег чего-то, только-только вонь выветрилась...

— Пусть жаровню принесут. — Пропустив вперед Эдмунда, я прошел в камеру и обошел вокруг стула с бесноватым. Тот на наше появление никак не отреагировал и продолжил отрешенно качать головой из стороны в сторону. — Говорил чего экзекутор?

— Бормотал что-то себе под нос. — Тюремщик кликнул помощника и повесил кольцо с ключами на пустующий крюк для факела. — Но ничего путного. Шибко слова умные были.

— При его разговоре с господином комендантом вы присутствовали, — напомнил мне Эдмунд.

— Присутствовал, — кивнул я. Но тоже ничего не понял. Орден Пламенной длани уничтожал бесноватых по всей полуночи, а тут вдруг такая разборчивость. По спине вновь пробежали мурашки. — Этого за что сюда?

— Заговор против его величества Альберта Второго учинил, — прошептал мне охранник коменданта. Одержимый открыл второй глаз и зарычал. — Всех на плаху, а у господина маркиза слишком благородная кровь оказалась. На пожизненное к нам отправили.

— Понятно.

Присев рядом с принесенной двумя охранниками жаровней, я вытащил из сумки несколько перевязанных тесьмой пучков трав и кинул на угли. Перебивая вонь, по камере распространился едкий аромат полыни, а моментально закашлявшийся бесноватый вместе с кровью выплюнул несколько фраз на неизвестном языке.

— Я это... Позовете! — выскочил в коридор старший надзиратель.

— Факелов пусть принесут! — крикнул ему вдогонку я. Добавил на угли несколько засохших комочков сосновой смолы, полпригоршни истолченного листа зверобоя, крапивы и чертополоха. Этого явно было недостаточно, и, скovyрнув пробку, я поднес к носу маркиза бутылек черного стекла.

Бесноватого начало трясти, зрачки уменьшились и стали размером с булавочные головки, а глаза налились кровью. Стул затрещал, на руках набухли вены, ремни глубоко врезались в кожу. Казалось, еще немного, и заключенный разорвет путы, и обеспокоенный Эдмунд несколько раз для пробы взмахнул короткой дубинкой.

— Стой, — одернул его я и накинул на шею маркиза ожерелье с оправленными в серебро изумрудами, янтарем, бирюзой и несколько неуместно смотревшимся здесь змеевиком. На заключенного будто ушат холодной воды вылили. Он враз обмяк, а из уголка рта вновь потянулась тоненькая струйка слюны.

— Извините, если отвлекаю, господин экзорцист, — охранник коменданта отошел к двери, когда прибежавшие стражники закрепили на стенах факелы и в камере сразу посветлело, — но отчего люди становятся одержимыми? Как бесы выбирают своих жертв? И только ли в бесах дело?

— Да как вам сказать? — Я обильно посыпал пол серым порошком из провощенного пакета, и влажный камень моментально высох. Потом достал широкую кисть с беличьим ворсом и принялся сметать в сторону образовавшийся бурый налет. — Есть две общепринятые теории, и даже на Великом Соборе не удалось свести их воедино.

— И что это за... теории? — запнулся на незнакомом слове охранник.

— Основатели моего ордена были убеждены, что бесы рвутся в наш мир. И в ущербную из-за греховных помыслов душу им проникнуть проще, но и только. А экзекуторы, будь они неладны, во главу угла ставят нравственную чистоту человека. Будто бы это греховные помыслы и деяния притягивают к себе еще большую скверну.

— И поэтому нет смысла бесов изгонять, раз причина в человеке? Они не жертвы, но соучастники? — догадался Эдмунд. — Надежней отправить на костер.

— Точно, — кивнул я и достал из сумки кусок известняка. Рукавом вытер шамыгавший из-за холода и сырости нос и начал вписывать стул с маркизом в пентакль. Убедившись, что белые линии нигде не прерываются, обвел пятиконечную звезду неровным кругом и поднялся с колен. — Ну а мы хоть и не считаем, что бесноватые суть образцы благочестия, но уверены: если кто-то получит второй шанс, хуже от этого не будет. Напротив — такой человек только укрепится в своей вере.

— Вашим словам недостает убежденности, — покачал головой охранник.

— Да ну? А чем я, по-вашему, занимаюсь? От нечего делать развлекаюсь?

— Нет, просто брат-экзекутор был куда более уверен в собственной правоте, — смутился Эдмунд.

— Фанатик, — хмыкнул я и вернулся к нанесению на пол сложной вязи ритуальных символов.

— Он говорил, — ветеран пропустил мои слова мимо ушей, — будто изгнанная из одержимого скверна не исчезает, а ищет новую жертву. После смерти же бесноватого она остается в мертвом теле.

— Любопытная теория, — кивнул я, припоминая соответствующую главу пухлого тома «Бесноватость как она есть». — А вот мы считаем, что изгнанный бес оставляет частичку себя в нашем мире и возвраща-

ется в преисподнюю ослабленным. Если же дело заканчивается смертью одержимого, то бес забирает с собой душу человека и становится сильнее. Именно поэтому бесноватые склонны к самоубийствам.

— Почему бы вам не организовать философский диспут? — прищурился из-за заполнившего камеру дыма тлевших в жаровне трав Эдмунд, внимательно наблюдавший за тем, как я расставляю свечи в вершины пентакля.

— И мы, и они слишком заняты своим делом, чтобы устраивать представления для развлечения черни и скучающих бездельников из благородных, — намеренно более резко, чем следовало, ответил я. Кто ты, господин охранник? И откуда слова такие умные знаешь? Поддашься на провокацию или промолчишь?

Эдмунд промолчал.

Я зажег все пять свечей, аккуратно снял с шеи одержимого ожерелье и принялся хлопками отбивать нехитрый ритм. Начавший было выкрикивать непонятные слова, маркиз на шестом хлопке замолчал и до крови прикусил губу. И это было весьма кстати: от переходивших в истошные вопли криков закладывало уши.

Окурил его дымом тлевших в жаровне трав, я раскрыл кожаный футляр и осторожно, за тонкую цепочку, выудил оттуда оправленное в серебро зеркальце. Бесноватый тут же завороченно уставился на монотонно раскачивающийся перед его носом амулет. Уставился страшно, мертво — двигались одни лишь зрачки, онемевшее же лицо своей отрешенностью теперь больше напоминало фарфоровую маску.

В теории все просто: гипноз погружает человека в транс, и этот нехитрый вроде бы трюк лишает бесов возможности скрываться в глубинах чужого подсознания. Это в теории — *«Бесноватость как она есть», глава «Зеркала и оптические иллюзии»*.

На практике дело обстоит несколько иначе: очень уж неприятный и болезненный процесс — изгнание потустороннего существа. Куда там вырыванию зубов и отрезанию конечностей! Тут человек сам становится полем битвы между бесом и экзорцистом, и зачастую одного только гипноза оказывается недостаточно, чтобы уберечь разум одержимого от разрушения.

Не дожидаясь, пока маркиз окончательно перестанет осознавать реальность, я разжал специальным ножом его зубы и влил в рот заранее приготовленную микстуру. Обычное дело — даже опытные экзорцисты предпочитают подстраховаться. Куда уж мне! Думаю, Эдмунд сразу понял, что имеет дело с новичком. Отсюда и расспросы. Надо бы только прояснить один момент...

Тяжело переведя дух, я бросил на жаровню новую порцию трав и обнажил серебряный серп. До конца ритуала изгнания оставалось еще немало, но сейчас приближался самый ответственный момент — факелы светят достаточно ярко и надо попытаться отсечь от маркиза его тень, чтобы лишить беса последней возможности бегства. «Ритуалы изгнания младших бесов», том первый, глава «Тени, как двери в потусторонний мир».

Взмах серебряного полумесяца, к моему немалому удивлению, и в самом деле заставил тени затрепетать. Рука ощутила странное сопротивление; почудилось, будто в камере посветлело, но тут в горле маркиза вдруг что-то заклокотало. Он судорожно сглотнул, захрипел и уронил голову на грудь. В голос выругавшись, я стянул перчатку, откинул длинные волосы с костлявой шеи бесноватого, но, как ни старался, не смог уловить ни малейшего биения пульса.

— Лекаря, быстро! — развернулся я к охраннику коменданта. — И старшего надзирателя зови! Живее!

Эдмунд выскочил в коридор, рывкнул на стражников и сразу же вернулся.

— Что с ним? — ошарашенно уставился он на обвисшего на стуле заключенного.

— Мертв, — пожал плечами, буркнул я и начал тушить свечи.

— Это понятно. — Охранник остановился перед пентаклем, не решаясь ступить дальше. — Но почему?

— Такое иногда бывает. — Поняв наконец причину замешательства Эдмунда, я подошвой стер часть прочерченного на полу круга и принялся собирать вещи. — Теперь можно.

— Благодарю, — бросился тот к маркизу и убедился в правоте моих слов: заключенный не дышал. — Но почему?

— Возможно, бес успел полностью пожрать его душу, возможно, просто оказался слишком силен. — Заслышав топот ног в коридоре, я поторопился закрыть сумку и поднялся с колен. — Экзорцизм как наука еще находится в стадии становления. И мы не скрываем, что знаем пока слишком мало.

— Умер?! — взвыл заскочивший в камеру старший надзиратель. — Это ж надо! Именно в мою смену!

— Такое иногда случается, — как можно спокойней вновь повторил я. — Разве раньше бесноватые не умирали?

— Раньше они умирали всегда. — Старший надзиратель хлебнул из кожаной фляги вина. — На костре при большом скоплении народа. А не в моем подвале!

— Сколько помню, бесноватыми всегда занимался глава столичного отделения ордена Пламенной Длани Ян Верг. Тот самый экзекутор, которого вы у коменданта встретили, — объяснил Эдмунд. — От него никто ничего другого и не ждал. Королевским ревизорам хватало одной расписки...

— Надеюсь, и моей будет достаточно, — хмыкнул я.

— А тело? Это ж сколько мороки! — горестно вздохнул надзиратель и вдруг оживился: — Слушай, Эдмунд, а давай вытащим его во двор и сожжем, а? Никто ж не узнает, живой он был или мертвый!

— Забудь, — отмахнулся от него охранник коменданта. — И готовь бумаги на передачу тела на тюремное кладбище.

— Разве его не выдадут родственникам? — уточнил я, в принципе имея представление о принятой в тюрьме процедуре.

— Нет, — мотнул головой Эдмунд. — В королевском указе ясно звучало, что маркиз останется здесь навсегда. И смерть не является основанием для помилования. Его похоронят на тюремном кладбище.

— Простых-то мы родственникам выдаем. — Захмелевший старший надзиратель снова приложился к фляге и подмигнул: — За определенную мзду. А гольтиьбу всякую — прямиком в печь. Но у маркиза-то, у маркиза отдельная могилка будет!..

— Хватит пить. — Охранник коменданта вырвал у болтуна фляжку. — Старик учует — греха не оберешься!

— Старик? — удивился я.

— Главный медик, — буркнул Эдмунд.

— Понятно. — Я отряхнул пыльные колени кожаных штанов. — Что за день такой сегодня? И что бы экзекутору за это дело не взяться? Вот удружил так удружил!

— Сам удивляюсь, — кивнул Эдмунд. — Первый раз с ним такое.

— Так-так-так. Что у нас здесьстряслось? — Растолкав не успевших податься в стороны охранников, в камеру заскочил маленький сухонький старичок в меховой шапке и теплом плаще. Потянув носом воздух, он моментально обернулся к забившемуся в угол старшему надзирателю: — Пил?

— За упокой его сиятельства, — не растерялся тот. — В рамках этикета...

— Ну, смотри у меня, — погрозил пальцем лекарь, потом отвлекся на труп и сразу же позабыл обо всем на свете. Несколько минут он кружил вокруг сидевшего на стуле мертвеца, оттягивал ему веки, залезал пальцами в рот и наконец повернулся к нам: — Какие-то микстуры давали?

— Да, — опередив меня, ответил Эдмунд. — Господин экзорцист изгонял беса и...

— Понятно. Ослабленный организм маркиза этого просто не выдержал, — пришел к логичному в этой ситуации выводу старик. — Значит, нам остается только убедиться, что он действительно мертв.

— Убедиться? — не поверил я собственным ушам.

— Разумеется! Похоронить его светлость живым будет по меньшей мере неучтиво, — усмехнулся медик и, заметив жаровню с углями, не раздумывая, сунул в нее широкий нож с обухом в палец толщиной. — Сколько хитрецов трупами прикидывалось! Но у нас свои методы...

— Что за варварство? — возмутился я, достал из сумки длинную спицу и насквозь проткнул еще не успевшую окоченеть кисть мертвеца. Крови не было, маркиз, разумеется, и не поморщился. — Какие доказательства еще нужны?

— Впечатляет. — Медик вынул из жаровни нож с раскаленным докрасна лезвием. — Но мы уж по старинке... — Он легко опустился на одно колено, ухватил босую ступню мертвеца и сунул лезвие между мизинцем и безымянным пальцем. Шипение, вонь горелой плоти. — Вот и все. Теперь составим бумагу и передадим тело на кладбище.

— Бумаги будем заполнять наверху? — поежился я. — Надеюсь, это не займет много времени. Мне надо успеть на вечернюю почтовую карету в Сарин.

— Боюсь, господин экзорцист, ничего не получится. — Старик вытер пальцы о полу плаща.

— С чего бы это? — насторожился я.

— Нет уверенности, что ритуал изгнания доведен до конца, — как само собой разумеющееся заявил тюремный медик, который подозрительно хорошо знал правила ордена Изгоняющих. — В этом случае первую ночь экзорцист должен провести рядом с трупом, чтобы помешать бесу вновь завладеть лишенным души телом.

— Ритуал был проведен надлежащим образом, — возразил я.

— У меня имеются большие сомнения на этот счет, — твердо заявил старик. — И я лично поставлю в известность и коменданта, и казначея. Хотите получить плату — придется присмотреть за трупом сегодняшней ночью. Хотя платить вам, господин экзорцист, особо не за что.

— Ночь на тюремном кладбище? — обреченно вздохнул я. Вот бес! Терять целые сутки было никак нельзя. Особенно в свете последних событий.

— Ночь. На кладбище, — отрезал медик. — И стандартная плата за изгнание увеличена не будет.

— Твою мать! — так, чтобы никто не расслышал, выдохнул себе под нос я. — У меня есть предложение получше.

— Сжечь труп? — обрадовался старший надзиратель, но сразу же заткнулся, когда его незаметно для медика ткнул в бок Эдмунд.

— Вот, — вытащил я из сумки два потертых серебряных медальона размером с ноготь большого пальца и мешочек серебряных же гвоздей с крестообразными шляпками. — Медальоны положите на глаза, гвоздями заколотите гроб. И похоронить маркиза надо до заката. Советую с этим не тянуть. Да! К телу лишний раз лучше не прикасайтесь. Мало ли...

— Этого будет достаточно? — взвесил в руке мешочек с гвоздями сверливший меня пристальным взглядом старик.

— Вполне, — кивнул я и закинул ремень сумки на плечо. — И не забудьте подготовить расписку о получении серебра.

— Непременно. — Медик спрятал мешочек в кошель. — Эдмунд, проводи господина экзорциста в канцелярию, начинайте оформлять бумаги. Эй, бездельники! Ну-ка помогите...

— Не тяните с похоронами, — еще раз напомнил медику я и направился на выход из камеры. — Не тяните!..

II

Хорошее правило — меньше знаешь, крепче спишь. Не суй нос в чужие дела, и все будет хорошо. Ну или, по крайней мере, тебе его случайно не прищемят. Многие люди избежали бы кучи неприятностей, следуй они этому правилу. Да только такова уж человеческая натура,

что запах чужих тайн манит ничуть не меньше, чем звон полновесных золотых монет. Непонятно кем пущенные слухи; обрастающие массой невероятных подробностей сплетни; байки, из которых уже и не вышелушить изначальное зерно истины, — будьте уверены, найдется и на них любитель покопаться в чужом грязном белье.

Но некоторые пошли дальше — они сделали тайны своим ремеслом, своим оружием. Таких полно и на улице, и в королевском дворце. Кто с кем спит, кто чего стащил и где спустил. Верные ставки, наводки, скелеты в шкафу, тайники и клады. Интриги, заговоры, секреты и совсем уж невероятные подробности частной жизни внешне добропорядочных обывателей.

Стражники, частные шпики, наводчики, стукачи и соглядатаи стараются изо всех сил, но они зачастую и не подозревают, что где-то рядом плавают хищные рыбины совсем другого калибра. Некоторые улавливают расходящиеся от этих монстров волны, другие и не догадываются, отчего начинаются войны, рушатся банкирские дома и скоропостижно умирают высокопоставленные вельможи. Но скрывающиеся во тьме игроки вовсе не тщеславны: громкие титулы, ордена и всеобщее восхищение не для них. Они просто делают свою работу. И если об этих людях мало кто слышал — значит, работа сделана хорошо.

Бродячего проповедника, по случайному совпадению приехавшего в Ронев накануне, я нашел неподалеку от рынка. Все необходимые бумаги к этому времени уже были оформлены, золото до последнего шелега получено, да и съехать с постоялого двора удалось без проволочек — благо хозяин такому повороту событий был безумно рад. Так что, наскоро перекусив, я пешком отправился к отделению королевской почты, откуда через несколько часов отъезжала карета в Сарин. Времени в запасе оставалось в избытке, так почему бы не прогуляться по городу? И что с того, что Ронев — провинциальная дыра? Все лучше, чем напиваться дрянным пивом или разбавленным вином на постоялом дворе. И реши кто-то присоединиться ко мне в прогулке по городу — незаметно, следуя где-нибудь в отдалении, — он бы, несомненно, уверился, что господин экзорцист просто-напросто пытается убить время. Отчасти это была чистая правда, но только отчасти...

— Век человеческий недолог, и оттого люди увлекаются плотскими радостями, забывая о бессмертии души. А ведь только исполнение заветов Святых может даровать достойное посмертие, — вещал вборзавшийся на сооруженный посреди широкого пустыря помост бородастый и нечесаный проповедник. — Изначальный Свет дарит душе человеческой бессмертие, но Тьма и ее слуги готовы пойти на любые хитрости, чтобы совратить ее, наполнить скверной и обречь на вечные муки в Пустоте. Бесам невыносим любой отблеск Изначального Света, и чем больше душ людских они гасят, тем сильнее становится Тьма. Опомнитесь! Отбросьте греховные помыслы и восславьте Святых, ибо лишь их заступничество сдерживает голодных тварей, заточенных в безвремяе! Святые поведут нас на последнюю битву, на

битву, в которой Изначальный Свет должен будет окончательно и бесповоротно превозмочь Извечную Тьму!

Собравшихся послушать увещания проповедника было не так уж и мало — лениво переговариваясь между собой, месили раскисшую от дождя грязь десятка три горожан. Откровения старца они в большинстве своем пропускали мимо ушей — просто для такой дыры, как этот городок, приезд бродячего проповедника с кучкой последователей служил не самым худшим развитием.

— Какая чушь! — устало вздохнул я, и стоявший на краю пустыря мужчина в промокшей войлочной шляпе, башмаках со стоптанными деревянными подошвами и в залатанном сером плаще кивнул, соглашаясь с моими словами.

— Он слишком вольно трактует откровения преподобного Модеста Оражского. — Мужчина решил, что нашел благодарного слушателя, и двинулся рядом со мной по переулку. — Эти откровения и сами по себе не носят канонического характера, а в таком изложении не могут применяться вовсе. Я неоднократно обращал на это внимание достопочтенного Огюста, но он не желает прислушиваться к гласу рассудка!

— О! Так вы знакомы с проповедником? — хмыкнул я и огляделся по сторонам.

— Так и есть. — Мужчина обернулся к оставшейся в отдалении толпе и поджал губы. — Какого беса ты сюда приперся?

— Брожу по городу, у меня полно времени до вечерней кареты, — пожав плечами, не обратил я никакого внимания на тон собеседника. — Увидел проповедника, подошел. Меня, знаете ли, всегда интересовали вопросы теологии.

— Ага, когда кошельки на рынке срезал и по подворотням людям руки-ноги ломал, ты только о теологии и думал, — буркнул мужчина, которому по долгу службы была известна вся история моей жизни. Малькольм Паре, граф Ронский, барон Лир и прочая был не последним лицом в королевской тайной службе Стильга. Правда, узнать его в этом оборвыше не удалось бы и собственной жене. К тому же сейчас господин граф возглавлял торговое посольство в Пахарту. — Что с маркизом?

— С маркизом все хорошо, — ухмыльнулся я. — Будет. Если его выкопают этой ночью. К утру он уже очнется.

— Тогда что случилось? — Граф в упор уставился на меня.

Вообще, организовать побег мятежному маркизу проблем бы не составило и без моего маскарада — в прогнившем насквозь королевстве купить можно было любого. Но в этом-то и заключалась главная проблема: с такой же легкостью любого и продают. А слухи... слухи в этом деле ни к чему. Прознай кто о спасении маркиза, и его ценность для Стильга сразу упадет ниже некуда. Вот и пришлось разыграть спектакль со мной в роли заезжего экзорциста.

— Информатор, который держал связь с маркизом и который проведет вас на кладбище, человек надежный? — Я замедлил шаг, подбирая слова.

Вькрасть маркиза мертвого оказалось гораздо проще, чем живого. Тюремная охрана неплохо зарабатывала, продавая предназначенные к сожжению тела родственникам по куда более умеренным расценкам, нежели собственное начальство. Да и свой человек среди канцелярских крыс тоже пришелся ко двору. Вот только были у меня насчет него большие сомнения...

— Я держу его за яйца, — пожал плечами Малькольм. — И держу крепко. Все ясно?

— Тогда поинтересуйтесь у этого кастрата, какого беса он заранее не предупредил, что комендант предпочитает работать с одним и тем же экзекутором, неким Яном Вергом? Который сегодня успел первым пообщаться с маркизом!

— Бесов трус! — зарычал граф и неожиданно ухмыльнулся. — Нашел-таки способ оставить меня в дураках, чернильная душа! Как все прошло?

— Разумеется, экзекутор сразу понял, что маркиз ломает комедию...

— Но, раз прибыл экзорцист, ничего коменданту не сказал? — догадался Малькольм. Все верно, у Пламенных не самые лучшие отношения с Изгоняющими. И это еще слабо сказано. — Значит, он захотел, чтобы ты тоже помучился, выводя симулянта на чистую воду?

— А вместо этого маркиз отправился к праотцам, и когда экзекутор об этом узнает...

— ...то непременно начнет травить эту байку на каждом углу, — вновь перебил меня граф. — Придется тебе им заняться.

— Узнайте, куда он отправился. — Я поправил врезавшийся в плечо ремень сумки. В любом случае сначала придется добраться до Сарина и вернуть одежду и вещи одному равнодушному к золоту брату-экзорцисту. Чтобы он не натворил глупостей, за ним приглядывали два моих парня, но тянуть с возвращением не стоило: в приграничный со Стильгом городок экзорцист прибыл по делам. — Пока еще не поздно...

— Отправляйся в Сарин, — несказанно удивил меня наморщивший лоб Паре. — Экзекутор с двумя слугами выехал туда за час до полудня. Если повезет, перехватишь в городе, нет — знаешь, к кому обратиться. Тебе помогут взять след.

— Если вы знали о приезде экзекутора...

— Не знали, — развеял мои сомнения Малькольм. — Наш человек дежурил на воротах, когда тот уже покидал город. Не упusti его, Себастьян. Если запорем эту операцию, окажемся в такой заднице, что тебе и не снилось.

— Что-то случилось? — насторожился я, уловив какую-то недосказанность в словах графа. Да и тон его мне не понравился категорически. Иные висельники с родными и то веселей прощаются.

— Не слышал, что ли? — вновь неспешно зашагал по переулку Паре. — Накануне коронации Эдварда Второго в Лансе арестовали всех наших людей. Всех до единого!

— Предательство?

— Всех агентов не знал даже я, — невесело усмехнулся Малькольм. — Нет, в Лансе что-то непонятное затевается...

— Говорят, и со смертью Эдварда Первого не все чисто?
— Многие говорят, — кивнул граф. — Одна надежда, что они с Норвеймом сцепятся.

— Хорошо бы...

— Ладно, это все к делу не относится. Ты, главное, экзекутора не упусти. Очень тебя прошу.

— Постараюсь, — буркнул я и, не прощаясь, зашагал к почтовому отделению. Большая политика сейчас меня интересовала мало. Куда сильнее волновал вопрос, что именно понадобилось экзекутору в Сарине. Вот и экзорцист туда по делам приехал...

Почтовой кареты я дожидаться не стал. Побродив какое-то время по площади, отправился к полуденным воротам, нанял экипаж и уже через пару часов был в небольшой рыбацкой деревеньке на берегу Щучьего озера. Никаких дел там у меня не было и, пугая своим видом моментально разбежавшуюся по хатам детвору, я протопал напрямик к пристани. Желающих уплыть на ближайшей лодке сразу заметно поубавилось, да и оставшиеся выглядели не шибко счастливыми от такого попутчика. Какая-то тетка с великовозрастной дочуркой, хмурый корабейник с двумя то ли охранниками, то ли племянниками и нервно теребивший сумку с эмблемой гильдии лекарей малец. Подмастерье домой на каникулы отправился, не иначе.

Меня предстоящее путешествие по озеру тоже особо не вдохновляло, но другого способа нагнать экзекутора или хотя бы наверстать упущенное в тюрьме время в голову не приходило. На почтовой карете быть мне в Сарине завтра к полудню. Если не к вечеру. Слишком много деревень и поселков по пути. Да и кучер никуда не торопится, ему не за это деньги платят. И на ночь он, как только темнеть начнет, остановится. Другое дело — лодка. Щучье озеро неширокое, вытянутое. Если объезжать, полдня потерять можно. Напрямик, при попутном ветре — от силы час. Думаю, экзекутор не будет гнать лошадей, и в Сарин мы прибудем почти одновременно. Но тут уж как карта ляжет.

О! Вон и лодка показалась. Надеюсь, они из-за непогоды не решат на этой стороне заночевать. Да нет — не должны. Волны невысокие, дождь утих, только морось в воздухе и висит. И людей как-никак прилично собралось.

Волновался я напрасно. Стоило сойти на пристань прибывшим с той стороны пассажирам, как настороженно посматривавшая на небо команда начала готовиться к обратному отплытию. Ветер крепчал, показавшиеся было разрывы в тяжелых облаках вновь затянуло, но хозяин бившейся бортом о доски пристани лоханки не желал упускать идущий в руки заработок.

Все, отчалили...

— Сходим, сходим живее! — заорал старший матрос, как только скучавший на пристани паренек закрепил кинутый ему конец каната.

Хлипкие сходни шатались под ногами, шибавшие в борт волны раскачивали лодку, и пассажиры, по мнению команды, слишком уж

медленно и неторопливо перебирались на пристань. Впрочем, на эти крики никто особого внимания не обращал. Кричит — и пусть себе кричит. Работа у человека такая.

Выругавшись, я поправил чуть не сорванную ветром с головы шляпу и посмотрел на небо. Уже темнеет.

Погода преподнесла неприятный сюрприз, когда лодка была на середине озера: ветер сменился на встречный, и плавание заняло куда больше времени, нежели обычно. Так что добраться до Сарина сегодня мне все же не светило. Можно, конечно, попытаться подыскать попутчиков, да только, того и гляди, гроза начнется. Нет, в такую непогоду, да еще под вечер, никто в дорогу точно не отправится. Одна надежда — экзекутор в пути тоже задержится.

Бывать в этой деревеньке раньше — в более привычном обличье — мне доводилось неоднократно, и, закинув на плечо ремень дорожной сумки, я направился к видневшейся за лодочными сараями островерхой крыше. «Пьяный пескарь» — не то место, куда, остановившись один раз, хочется возвращаться снова и снова, но выбирать не приходится. Пытаться наприсниться на постой к какой-нибудь горячей вдовушке в моем положении чревато весьма неприятными последствиями.

Слухи и сплетни, будь они неладны! Слухи и сплетни...

Снять комнату проблем не составило. Корчмарь, правда, как ему думалось, незаметно складывал пальцы в отгоняющие зло фигуры, но и только. Рыба оказалась подгоревшей, вино — кислым. На обслуживавших посетителей девиц я даже не глянул. Вряд ли с прошлого раза они похорошели. Да и не до того сейчас — пора спать ложиться: как удалось выяснить с помощью пары подзатыльников и медяка у пригладивавшего за двором корчмы мальчонки, каждый день еще до рассвета в город уходили возы с ночным уловом. И что-то мне подсказывало: торговцы рыбой не откажут экзорцисту в пустынной просьбе подвезти до Сарина. Вот только вставать придется ни свет ни заря. Нет, определенно надо выспаться.

— Господин экзорцист! Господин экзорцист!

Стук в дверь вырвал меня из полудремы, когда я уже отложил толстенный том «Бесноватости...» и задул свечу. Интересно пишут, бес их забери! А мне, кроме донесений да перехваченной корреспонденции, ничего в последнее время читать и не доводилось.

— Чего надо?! — выдернув из ножен лежавший под рукой кинжал, раздраженно рявкнул я.

— Господин экзорцист, беда! — Молодой парень перестал колошматить в дверь и запричитал: — В гостю бесы вселились! Помогите!..

— Проваливай! — зарычал я и брякнул первое, что пришло в голову: — Гонца в город отправляйте!

— Она совсем плохая, — и не подумал отстать от меня парень. — Ночь эту может и не пережить, а ее отец хорошие деньги предлагает. Десять золотых!

— Стыльгских крон?

— Нет, шелегов!

— Не интересуется, — вновь отказался я. — Проваливай, кому сказано!

Почему фальшивомонетки не подделывают марнийские шелеги? Да потому, что в подделках золота зачастую оказывается больше, чем в настоящих! Шутка шуткой, но за пределами Марны за попытку расплатиться монетой местной чеканки вполне можно схлопотать по морде.

— Господин экзорцист, — вновь взвыли за дверью, — не губите невинную душу!

— Невинную? — рассмеялся я. — Что-то с трудом верится!

— Меня не губите! Хозяин живьем шкуру спустит, если без вас вернусь...

— Ну, меня сохранность твоей шкуры волнует мало. — Я вновь развалился на кровати и недовольно поморщился: если этот олух так и будет торчать под дверью, выспаться сегодня не светит. — Проваливай!

— Но что я ему скажу? — Парень и не думал отправляться восвояси. — Запрет, как пить дать запрет. У нас же постояльцев, считай, завтра и не останется! И новые не пойдут! Вконец разоримся. Не берите грех на душу!

— Скажи, мол, господину экзорцисту вставать рано, выспаться хочется, — едва сдерживаясь от ругательств, ответил я.

— Так как же вы выспитесь, господин экзорцист, если я всю ночь под дверью вас умолять буду? — совершенно искренне удивился паренек.

— Проваливай! Добром прошу! — Размахнувшись, я метнул кинжал, и он с глухим стуком глубоко вошел в дверное полотно. — Выйду, кишки выпущу!

— Господин экзорцист, — минуту спустя тихонько поинтересовался прекрасный понявший природу стука посыльный, — вы ведь у нас проездом?

— Тебе какое дело? — Я нашарил второй кинжал.

— Если проездом, значит, в Сарин направляетесь, — предположил парень. — А у хозяина фургон есть. Помогите, и уже к утру в городе будете. Чего ночь терять? Клопов только кормить...

— Фургон? — заинтересовался я. Да и как не заинтересоваться? Мальца этого послать подальше ума много не надо. Вот сам корчмарь да еще с отцом девицы притащится — другое дело. Отвертеться уже не получится, придется идти бесноватую смотреть. Потому как отказавшийся провести ритуал изгнания экзорцист — еще большая редкость, чем добрый и отзывчивый мытарь. Сразу слухи пойдут. А слухи-то как раз и не нужны. — Тебя как зовут, искуситель?

— Грегором кличут, — с облегчением выдохнул парень.

— Так ты, выходит, стильгского короля тезка? — усмехнулся я, натягивая холодные штаны. — Постоялицу вашу я посмотрю, так и быть. Но если что-то серьезное, сам за изгнание не возьмусь. Ясно?

— Конечно!

• Жнец •

Год 973 от Великого Собора

Глава 1 ЭКЗОРЦИСТ. ЕЩЕ ОДИН ШАНС?

Месяц Святого Огюста Зодчего

Допрос — это всегда неприятно. Особенно если арестанта выворачивает наизнанку не замученный рутинной стражником, а профессионал, твердо намеренный получить нужный ему результат. Юли не юли, все одно рано или поздно он выведет тебя на чистую воду. Нет, конечно, всегда есть возможность не отвечать на вопросы вообще, но — не советую. В этом случае придет черед специалиста несколько иного профиля, и, вполне может статься, клещи и раскаленное железо заставят рассказать даже то, до чего никогда не докопался бы обычный дознаватель.

Именно поэтому я и не думал отмалчиваться, благо на этот раз совесть была абсолютно чиста. Но вот убедить в этом следователя никак не получалось. Ну да работа у человека такая — никому не верить. Мне и самому на его месте оказываться не раз доводилось, прекрасно представляю, каких нервов стоит не сорваться на крик или не вlepить за трещину. Что ни говори, далеко не каждый может без малого сутки сдерживать себя, получая на одни и те же вопросы одни и те же ответы.

Нет, вру. Формулировка вопросов и их порядок постоянно менялись. Было бы мне что скрывать, давно бы уже попался на противоречиях; и так обойти пару скользких моментов удалось с величайшим трудом.

— Сколько наконечников вы привезли с острова? — делая какие-то пометки на лежавшем перед ним листе писчей бумаги, в очередной раз уточнил дознаватель.

— Двадцать семь. — Скользнув взглядом по невзрачному мужчине средних лет, я зажмурился и помассировал уставшие глаза.

— Другие наконечники на острове имеются?

— Нет. — Перед отплытием я по настоянию Рауля все же прошелся по лесу, выискивая остававшиеся в деревьях куски проклятого металла. — Но островитяне пообещали изготовить за зиму еще два...

— Как именно выглядели наконечники? — Дознаватель пропустил мою последнюю реплику мимо ушей.

— Темный металл, без каких-либо следов ржавчины, довольно грубаяковка...

— То есть в Адмиралтейство вы привезли другие наконечники?

— В Адмиралтейство наконечники привез не я.

— И тем не менее?

— Другие.

— Почему же тогда вы заявили, что «тьма слишком сильна», и захлопнули крышку сундука? — уставился на меня дознаватель, под глазами которого набухли темные мешки. — Как вы это объясните?

— В тот момент мне показалось неразумным объявлять во всеулышание о пропаже наконечников, — пожал я плечами.

И так Малькольм Паре потом чуть не прибил, реакцию же остальных вельмож страшно было даже представить. Четвертовали бы, как пить дать четвертовали. Без суда и следствия, прямо на месте.

— Вы с первого взгляда смогли определить, что кто-то подменил содержимое сундука?

— Да.

— Каким образом?

— Появление ржавчины. Другие размеры. Отсутствие проклятия.

— Кто-нибудь другой мог заметить подмену?

— По первым двум признакам — граф Луринга и Вильям Чесмарци. Но они в сундук заглянуть не успели.

— Кто еще?

— По третьему признаку любой из братьев-экзорцистов. Если бы им объяснили, на что следует обратить внимание.

— Когда вы последний раз видели настоящие наконечники? — вновь взялся за перо дознаватель.

— На корабле, перед тем как был заколочен сундук.

— Кто еще находился с вами в тот момент?

— Граф Луринга и Вильям Чесмарци.

Все эти вопросы давно уже сидели у меня в печенке, но выказывать своего раздражения ни в коем случае не стоило. Как бы чего не вышло. Дыбы там или игл под ногти...

— В дальнейшем кто-нибудь из вас оставался наедине с сундуком?

— Нет, мы сразу вытащили его на пирс.

— Таким образом, вы утверждаете, что возможность подменить наконечники была только у Джоэля Янга и Грая Фокса, доверенных лиц главы надзорной коллегии Якоба Ланье?

— Я ничего такого не утверждаю. Я говорю лишь о том, что к ним в карету погрузили настоящие наконечники, а в Адмиралтейство привезли уже подделку. Как и кем был осуществлен подлог, мне неизвестно.

— Хорошо, — задумчиво уставился в потолок следователь. — Если рассуждать теоретически, могли Янг и Фокс вскрыть сундук и спрятать наконечники под одеждой или в карете?

— Нет. — Выдвигать обвинения против этих господ было весьма и весьма недальновидно. Это все равно что прилюдно плюнуть в лицо Ланье. — Я находился рядом с ними и почувствовал бы исходящие от металла эманации тьмы.

— Но пропажу наконечников вы обнаружили, лишь открыв сундук! — попытался подловить меня на противоречиях дознаватель.

— На сундук были нанесены специальные знаки, блокировавшие тьму внутри.

— Вот оно как, — почесал нос пером мужчина и неожиданно решил сменить тему. — Кто организовал нападение на брата-экзорциста во время плавания?

— Не знаю, — совершенно искренне ответил я.

— Но какие-либо предположения у вас по этому поводу имеются?

— Вариантов немного: или Ланс, или Драгарн.

— Почему же вы не захватили агента противника живым?

— После покушения состояние моего здоровья оставляло желать лучшего. — Я невольно поморщился из-за кольнувшей макушку боли. — А на острове задержание исполнителя живым могло поставить под угрозу выполнение первоочередной задачи.

— Ясно, — вновь сделал какую-то пометку дознаватель. — И тем не менее Драгарн или Ланс?

— Преследовавший нас корабль шел под флагом военного флота Драгарна, но способ поддержания связи более характерен для еретиков...

В этот момент скрипнула дверь, и в комнату заглянул Малькольм Паре.

— Вы еще не закончили? — уточнил он.

— В принципе вопросов у меня больше нет, ваше сиятельство, — покачал головой дознаватель.

— Себастьян...

— Да? — невольно напрягся я.

— Пошли...

Я поднялся со стула и на негнущихся ногах зашагал на выход. Вряд ли, конечно, Паре меня в пыточную или на эшафот самолично сопроводить решил, но задание-то, как ни крути, провалено. За такое по голове не погладят. И от того, что не один я оказался в столь неприглядном положении, ничуть не легче. Запросто козлом отпущения сделать могут. Пусть Малькольм Паре выглядит вполне довольным жизнью, расслабляться не стоит — он-то как раз сухим из воды при любом раскладе выйдет. А раз пропажа наконечников стала головной болью надзорной коллегии, еще и в выигрыше останется.

— Надеюсь, мы не в пыточную перемещаемся, ваше сиятельство? — не шибко весело пошутил я.

— Нет, она дальше по коридору, — то ли отшутился, то ли на полном серьезе сказал Паре и начал подниматься по лестнице на второй этаж. — Я, конечно, не могу ничего гарантировать, но, если не будешь ваять дурака, посещение оной тебе не грозит.

— Вот спасибо, — буркнул я, — успокоили так успокоили...

Граф только хмыкнул и ничего на это саркастическое замечание отвечать не стал. Проводив меня в просторный кабинет, он указал на застеленный белой скатертью стол с расставленными вокруг него плетеными креслами и предложил:

— Присаживайся.

— Нежели кормить будут? — усмехнулся я и подошел к широченному, практически во всю стену, окну. Привезли меня сюда ночью, и

ничего толком рассмотреть возможности не представилось. А как ни крути, любопытно глянуть, где именно мы сейчас находимся.

За окном оказался сад. Начавшие желтеть деревья, ухоженные газоны, посыпанные мелкой галькой тропинки.

Где я?!

— Мне казалось, человеку в твоём положении кусок в горло не полезет, — как бы невзначай намекнул Паре, что расслабляться не стоит.

— Совершенно верно! — ухмыльнулся я и принялся разглядывать висевшие на стенах картины. Ничего в этой мазне не понимаю, но одно могу сказать точно — рамы вовсе не из дешёвых. На полу ковры, портьеры золотыми нитями прошиты. — А знаете почему? Потому что у меня язык к глотке присох уже!

— Ну, на чай можешь рассчитывать.

— Ваша доброта не знает границ, — вновь отвернулся я к окну. — Где это мы, господин Паре?

Но ответил мне не Малькольм. Непонятно когда успевший присоединиться к нам мужчина средних лет пожал графу руку и улыбнулся:

— Вы в моём охотничьем домике.

— Ваша светлость... — вздрогнув от неожиданности, поклонился я.

Скажи мне кто ещё вчера, что буду чай с советником его величества распивать, даже не улыбнулся бы. А ведь без чая точно не обойдется, слуги стол на три персоны сервируют. Охотничий домик? Ну надо же...

— Присаживайтесь, — предложил герцог Мор. — Разговор нам предстоит долгий.

— К полудню мне надо быть во дворце, — напомнил Малькольм Паре.

— Не настолько долгий.

Я уселся за стол, и моментально оказавшийся рядом слуга наполнил чашку.

— Думаю, Себастьян, вы гадаете, зачем мы здесь собрались? — прищурился внимательно разглядывавший меня герцог, когда слуги покинули кабинет.

— Нет, — покачал головой я. — Вот причина, по которой здесь оказался я, действительно представляет определенный интерес, ваша светлость.

— Рауль отзывался о вас лучшим образом...

— И тем не менее это не объясняет, почему я пью чай, а не даю показания.

— Ну, тебе хватило ума захлопнуть крышку сундука до того, как обнаружилась подмена, — усмехнулся Малькольм Паре и, подцепив щипчиками, кинул в чашку один кусочек сахара.

— Исчезновение наконечников не предано огласке?

— Именно.

— И выходит, надо отыскать их, прежде чем станет известно о пропавшем, — продолжил я выстраивать логическую цепочку. — Лишних людей посвящать в происходящее нецелесообразно, поэтому вновь возникла необходимость в моих услугах.

— Тоже верно.

— В итоге все упирается во время. Как долго можно будет замалчивать это происшествие?

— Кого надо, мы о пропаже уже известили, — немало удивил меня своим заявлением герцог. — Остальные... остальные не должны узнать о ней вовсе.

— Боюсь, я уже ничего не понимаю, — признал очевидное я и, чтобы скрыть замешательство, отпил чая.

— Чей корабль пытался перехватить вас в море? — неожиданно заинтересовался Малькольм. — Кем была завербована часть отправленных в экспедицию солдат?

— Драгарн?

— Именно.

— И маршала на том заседании не было, — припомнил я. Просто совпадение или надзорная коллегия подсуежилась?

— Граф Ильме подал в отставку по состоянию здоровья, — улыбнулся герцог Мор.

— Вероятно, кто-то из его ведомства продался Драгарну?

— Один из заместителей, — просветил меня Паре. — В Лиране узнали о наконечниках и решили наложить на них руку, но, к счастью, попытка эта успехом не увенчалась.

— Получается, они уверены, что наконечники находятся у нас! — ухмыльнулся я.

— И поскольку это обстоятельство может переломить ход войны, Драгарн вынужден пойти на уступки. Усиление Ланса играет им на руку только до определенного предела, — подтвердил граф мою догадку.

— Заключенный союз обошелся нам очень недешево, помимо возвращения части Протектората, мы должны передать Драгарну полдюжины наконечников, — объяснил герцог. — До сих пор все висит на волоске, и это нельзя не принимать во внимание!

— Какие-то зацепки уже есть? — сразу перешел я к сути дела.

— Если не брать в расчет возможность вашего стовора... — до дрожи напугал меня намеренно сделавший паузу советник короля, — похитить наконечники могли только люди Ланье.

— Выходит, их слово против нашего...

— Ланье временно отстранен от работы и находится под домашним арестом, — как-то очень буднично заявил Малькольм Паре, — он не в состоянии оказать влияния на результаты расследования.

— На каком основании его отстранили?

— Официально? Провалил работу по выявлению драгарнской агентуры.

— Вы действительно полагаете, что именно Ланье организовал похищение наконечников? — Мысль эта просто не укладывалась у меня в голове. — Или... или просто подвернулась удачная возможность лишить его влияния?

— Как бы нам ни хотелось утопить Якоба, — очень медленно проговорил герцог, — в первую очередь необходимо вернуть наконечники.

— К тому же некоторые нюансы позволяют сделать вывод о непричастности к этому делу господина Ланье, — поднялся из-за стола Малькольм.

— Какие именно?

— Джоэль и Грай мертвы.

— Это еще ни о чем не говорит, — покачал головой я. Пусть волкодавы и были преданы лично главе надзорной коллегии, но при необходимости Ланье мог пожертвовать ими без малейших колебаний. Слишком ставки высоки, чтобы сентиментальничать. — Даже наоборот.

— Осмотревшие тела медики убеждены, что они умерли накануне вашего прибытия в Акраю.

— Вот как... — Удержаться от проклятия удалось с превеликим трудом. — На редкость запутанное дело...

— Найдите наконечники, — пропустил мимо ушей эту сентенцию герцог Мор и, не прощаясь, покинул кабинет. Даже о последствиях предупреждать не стал. Да и зачем? И так все ясно.

— Так понимаю, меня назначили козлом отпущения? — уточнил я у Паре.

— Не козлом отпущения, а старшим оперативной группы по розыску похищенного, — покачал головой граф и добавил: — Что в общем-то одно и то же.

— Благодарю за оказанное доверие, ваше сиятельство.

— Не паясничай, — нахмурился Малькольм. — Курировать тебя будет Рауль Луринага, он же и людей выделит.

— Ясно. С чего начнем?

— Тебе видней.

— Надо осмотреть тот сундук, — задумался я. — Да, без этого не обойтись.

— На кой бес? — поднялся из-за стола Паре.

— Если это тот самый сундук — одно дело. Если же его подменили — то совсем другой расклад получается.

Вслед за Малькольмом я спустился на первый этаж и в нерешительности остановился перед ведущей в подвал лестницей:

— Туда-то зачем?

— Нам в хранилище, — успокоил меня граф. — Пошли...

Сундук оказался тем самым, в этом не могло быть никаких сомнений. Даже корявые следы моей писанины на боковых стенках сохранились. И о чем это говорит? Только о том, что одна из версий благополучно отправилась псу под хвост, не успев даже толком появиться на свет.

— Что-то еще? — глянул на циферблат карманных часов Малькольм и захлопнул крышку. — Мне пора во дворец.

— Карету. Надо проверить карету, — сообразил я.

— Логично, — кивнул Паре. — Эрих тебя отвезет. И советую подойти к расследованию со всей серьезностью. Если опять дело завалишь...

— Не завалю, — напустив в голос уверенности, которой вовсе не ощущал, заявил я. — Не завалю...

Впрочем, и без того невеликая надежда на скорое раскрытие похищения стала совсем уж призрачной, стоило осмотреть карету, в которой Джоэль и Грай перевозили сундук с наконечниками.

— Ты куда меня привез? — поначалу и вовсе опешил я, когда Эрих остановил экипаж на обочине дороги неподалеку от въезда в Краю.

— Хотели карету осмотреть? — уточнил тот самый неприметный господин, возивший меня по городу в прошлый раз.

— Ну.

— Так вам во-о-он туда, — указал рукой в сторону Эверя подручный Малькольма Паре.

Я вполголоса выругался, сошел с обочины и побрел по высокой траве к росшим на берегу кустам. Ноги моментально промокли, но мне сейчас было не до того: у кустов маячило несколько стражников, да еще и гарью оттуда явственно тянуло. Неужто Джоэль и Грай тут свои дни окончили? Хотя нет, сомнительно это.

— Он со мной! — крикнул стражникам оставшийся на обочине Эрих, и бравые парни немного расслабились.

Кивнув расступившимся стражам порядка, я обошел кусты и мрачно уставился на обгоревший остов кареты. Вот ведь! Ну и какие после этого улики сохраниться могли? Сволочи...

— Ничего не трогали? — стараясь не перепачкаться в саже, заглянул я в почерневшее от копоти нутро кареты. Нет, не все так плохо. Дожливая погода свою роль все же сыграла.

— Никак нет, ваша милость, — доложил начальник караула.

— И внутрь никто не лазил? — Дыра в полу навела меня на кое-какие раздумья. Может, конечно, доски просто прогорели и вывалились, да только, может, совсем не в пожаре дело. А ну как их заранее выпилили? Жаль только, размеры дыры сейчас оценить сложно. Ладно, не так уж это и важно, по большому счету.

— Никто, ваша милость.

— Хорошо.

Я для виду важно покивал головой и отправился обратно к дождавшемуся меня на обочине подручному Малькольма Паре. Нет, что ни говори, мокасины для осенней распутицы — обувь не самая подходящая. Надо бы при первой возможности их на что-то более основательное сменить.

— Посмотрели? — забрался на козлы Эрих.

— Посмотрел. — Я полез в экипаж.

— Теперь во дворец?

— Во дворец. Только по Красильщиков надо проехать.

— Раз надо — проедем.

Велев остановиться на перекрестке Красильщиков и Погорелой, я выбрался из экипажа и прошелся по направлению к особняку Адмиралтейства. Долго идти не пришлось — примерно там, где и остановилась карета с наконечниками, когда у какой-то телеги впереди отвалилось колесо, обнаружилась темная щель ливневой канализации. Что ж, теперь понятно, каким образом похитителям удалось избавиться от проклятого металла. Остается выяснить, кто именно провернул эту

аферу, если Джоэль и Грай отдали Святым свои души еще накануне. Ну и отыскать наконечники будет, само собой, вовсе не лишним.

— Что-нибудь нашли? — поинтересовался Эрих, когда я вернулся к экипажу и принялся счищать налившуюся на мокасины грязь.

— Да так... — Откровенничать по понятным причинам не хотелось. — Все, езжай!

К дворцовому комплексу экипаж подъехал со стороны Закатного канала. Эрих сдал меня с рук на руки караулившим задние ворота «серым сюртукам» и со спокойной совестью откланялся. Явно предупрежденные руководством охранники излишнего любопытства к моей персоне проявлять не стали и незамедлительно проводили в приемную Рауля Луринги.

Обиталище главы дворцовой охраны впечатления не произвело. Неприметный флигелек на задворках, обшарпанная мебель, скрипящие половицы. Личности какие-то непонятные по темным коридорам шляются. И ко всему прочему вместо симпатичной девицы — а ничего другого я от графа и не ожидал — в приемной Луринги всем заправлял лысый старикан, при каждом удобном случае шпынявший дежуривших там караульных.

Между тем один из безропотно сносивших нападки секретаря охранников оказался навещавшим меня в тюрьме Сержантом. Выходит, действительно людей Пратта в помощь дворцовой охране перекинули.

— Проходите. — Старый хрыч явно горел желанием промариновать незваного гостя в приемной до конца дня, но приказа послушаться не посмел и препятствий чинить не стал.

Я распахнул дверь служебного кабинета Рауля и тотчас закашлялся из-за витавшего в воздухе табачного дыма — накурено в комнате было так, что хоть топор вешай. И это при настезь распахнутом окне!

— Дверь закрывай! — прикрикнул Луринга, прижимая к столу едва не раскиданные по комнате порывом сквозняка листы.

— День добрый. — Я без всякой спешки прошел в кабинет. — Как вы только не задохнулись тут...

— Привыкнешь, — фыркнул выстукивавший курительную трубку Джек Пратт.

— Не уверен, — покачал я головой и огляделся.

Небольшая комнатуха была сплошь заставлена какими-то шкафами, в углу притулился массивный сейф. Рядом с окном стоял заваленный бумагами стол, за которым и расположились Рауль и Джек. Больше в кабинете никого не было.

— Кофе? — Граф отложил на подставку курившуюся едким дымком трубку.

— Воздержусь. — Я уселся на подоконник. — Как-то не замечал за вами этой пагубной привычки.

— К кофе?

— К табакокурению.

— Я бросал.

— Оно и видно.

— Ладно, не стони, — оборвал меня набивавший трубку очередной порцией отравы Джек Пратт. — Мы тут не балду пинаем, а делом заняты.

— А кто-то спорит? — вздохнул я. Вид у этих гавриков был еще тот. Волосы растрепаны, глаза краснющие, сказать про одежду, что она в беспорядке, значит не сказать ничего. Неужели со вчерашнего дня тут заседают? — Судя по всему, вы по приказу его высочества разрабатываете план военной кампании против еретиков. Или чертите планы захвата дворца?

— Твой скептицизм, Себастьян, не имеет под собой никаких оснований. — Граф Луриंगा отпил остывшего кофе. — Учитывая объем свалившейся на нас работы...

— На нас? Так вы этого рыжего пройдоху надолго пригрели?

— Чья бы корова... — буркнул Пратт.

— Навсегда, — изрядно удивил меня Рауль.

— Вот как? Ведомство Ланье решили растащить по кускам?

— Нет, это просто я успел подсутиться, — заухмылялся граф. — Никто не хочет разделить участь герцога Алангорского.

— Не думаю, что этого так уж следует опасаться, — покачал я головой.

— Почему? — заинтересовался Джек.

— Марионетки — не самоубийцы. Это противно их природе.

— С чего ты так решил? — не согласился со мной Рауль. — Бесноватые очень часто накладывают на себя руки.

— Марионетки — не просто одержимые. Бес в них заперт, и он обречен умереть вместе с человеком.

— Полагаешь?

— Уверен. Если у беса не будет никаких шансов удрать, марионетка рисковать не станет.

— Возможно, в этом что-то есть. — Рауль задумчиво почесал заросший длинной щетиной подбородок. — Но как бы то ни было, дел у нас невпроворот.

— Тогда не буду вас отвлекать, — вздохнул я и потер зудевший из-за табачного дыма нос. — Кого отдадите под мое начало?

— Есть зацепки?

— Возможно.

— Рассказывай.

— Особо рассказывать пока нечего. Правильно ли я понимаю, что версия об участии в похищении самого Ланье не рассматривается?

— Неправильно, — твердо заявил Рауль. — Просто не надо на ней заикливаться. Канцлер прямо заявил, что не потерпит в этой ситуации никакого сведения счетов. А герцог Гастре не из тех, кто преудреждает дважды.

— Хорошо. Тогда скажу так: наконечники были похищены Джоэлем и Граем. Через отверстие в днище они выкинули их в канализацию, когда карета остановилась из-за якобы сломавшейся впереди телеги.

— Все бы ничего, — тяжело вздохнул Пратт, — но этих господ нашли мертвыми на задворках их любимой ресторации. Медики убеждены, что смерть наступила как минимум в ночь накануне вашего прибытия в порт.

— Это запутывает дело, — не стал я выдвигать никаких скоропалительных предположений. — Мне надо осмотреть место, где их нашли, и сами тела, само собой, тоже.

— Что-нибудь еще? — Граф потер воспаленные глаза и вновь принялся раскуривать трубку.

— Люди. Надежная нора. Деньги. И обувь.

— Обувь? — Джек перегнулся через край стола, глянул на заляпаные грязью мокасины и с довольным видом хохотнул. Настроение у него улучшилось прямо на глазах. Вот ведь гаденыш...

— Что-нибудь еще? — уточнил Рауль.

— Мне надо знать, почему смерть Джоэля и Грая сняла подозрение с Ланье.

Что дело нечисто, я заподозрил уже давно, а реакция Луринги только укрепила мои подозрения.

— Не сняла, — покачал головой граф, — но сместила акценты.

— В какую сторону?

— Когда я только устроился в охранку, лейб-егерь попытался убить нескольких высокопоставленных вельмож. Покушение не удалось, несостоявшийся убийца в ходе задержания погиб, но некоторое время спустя неподалеку было обнаружено раздетое до исподнего тело того самого курьера. Когда их положили рядом, отличить одно от другого не смогла даже жена.

— Брат-близнец?

— И в помине не было. К тому же шрамы у них тоже совпадали вплоть до царапин.

— Ясно, — задумался я. — Ясно... Вы когда-нибудь общались с Джоэлем и Граем до встречи в порту?

— Да, доводилось.

— И не заметили ничего подозрительного?

— Не знай я всех обстоятельств дела, никогда бы не поверил, что разговаривал с кем-то другим.

— Понятно. Ну, тогда вопросов больше нет.

— Значит, так... Деньги не проблема, квартира тоже. Обувь? Сейчас мерку снимут, к вечеру будет. В помощь... в помощь Джека бери, — быстренько разобрался с моими требованиями Рауль и с довольным видом откинулся на спинку стула. — Все, свободны.

— Пошли, помощничек, — потянул я рыжего пройдоху на выход. — Сапожник у вас собственный, что ли?

— Придворный.

— Хорошо живете.

В приемной мы столкнулись с господином Заре. Тот сделал вид, будто меня не узнал, я тоже афишировать наше знакомство не стал и, кивнув на прощанье Сержанту, вышел в коридор.

— Важная шишка? — обернулся я к задержавшемуся в приемной Джеку.

— Рик Заре? Заместитель Рауля.

— Да ну?!

— Не бери в голову, — успокоил меня Пратт. — Граф его на коротком поводке держит.

— Ясно. — Я вышел на крыльцо флигеля и уточнил: — А тебя?

— В смысле? — Рыжий пройдоха сделал вид, будто не понял вопроса.

— Твой статус в системе какой, говорю?

— Ну, вообще... — Парень гордо выпятил грудь, потом шумно выдохнул и махнул рукой. — А-а-а, никакой мой статус пока, просто никакой.

— Да ну? — засомневался я.

— Бумаги о назначении заместителем главы дворцовой охраны находятся на рассмотрении. Там, — ткнул пальцем в небо Джек. — И все будет зависеть от результатов расследования. Так что выручай.

— Ну, ты и проныра, — только и покачал я головой. — Ладно, пошли сапоги заказывать.

— Дальше куда?

— Транспорт у тебя есть?

— Пролетку возьмем.

— Тела Джоэля и Грая посмотреть надо. Ну и место, где их нашли.

— А потом?

— Суп с котом. Пошли давай...

Визит к сапожнику много времени не занял, и уже через четверть часа мы с Джеком уселись в подогнанную к задним воротам дворца пролетку, управлял которой наряженный в цветастую ливрею Пьер — еще один перекочевавший в охранку работник надзорной коллегии.

— Так! — хлопнул я себя по лбу. — А где мои вещички, кстати?

— На квартире, — как нечто само собой разумеющееся выдал Джек.

— В смысле?

— Ну, ты ж просил нору?

— Хочешь сказать, вы поиском жилища для меня заранее озаботились?

— А ты как думал? Я тебя к себе даже на коврик ночевать не пущу.

— А вот это я запомню...

— Куда ехать-то? — обернулся к нам Пьер.

— В морг, — распорядился я.

— Какой именно?

— На площадь Трех Каналов езжай, — подсказал Джек.

— Это который напротив здания тайной службы? — уточнил возница, сворачивая на какую-то узенькую улочку.

— Он самый.

— Слушай, Джек, — толкнул я локтем в бок рыжего пройдоху, — а вы меня в какую дыру засунуть собираетесь?

— Прямо в дыру! Нормальная комната в доме, где флотские квартируют. Я туда своих людей в охрану направлю, будешь жить, как у Святых за пазухой.

— Хотелось бы верить...

— Не бойсь, у нас все без обмана.

— Это ты пошутил сейчас?

— Да ладно тебе...

В морге ничего полезного разузнать не получилось. И дело было даже не в желании поскорее покинуть пропахший тяжелым трупным запахом подвал, вдоль стен которого тянулись бесконечные ряды лежанок. Иногда пустых, чаще — с накрытыми грязными дерюгами телами. Нет, просто я небезосновательно рассчитывал уловить следы бесноватости, а тела подручных Ланье оказались абсолютно чисты. Никаких остаточных эманаций скверны. Абсолютно никаких.

— Причину смерти установили? — вытирая руки, спросил я у вышедшего из своей каморки медика.

— Асфиксия.

— Яд или удушение?

— Удушение.

— Вот как? — Заявление это меня особо не удивило — темные полосы на шеях мертвецов говорили сами за себя. И все же концы с концами не сходились. Ни за что не поверю, что эти головорезы так легко дали бы себя улавить. — Это все?

— У обоих следы удара по голове, сразу за левым ухом, — шмыгнув носом медик. — И, судя по косвенным признакам, их предварительно одурманили.

— Их одурманили или они одурманили себя сами?

— Следов длительного употребления опиатов не обнаружено. Хотя вскрытие тел мы еще не проводили...

— Можете проводить. — Я кинул полотенце на пустую лежанку и зашагал на выход.

Картина складывалась крайне противоречивая. Следов бесноватости нет, но кто-то приложил немало усилий, чтобы отправить подручных Ланье на тот свет. Причем убийца — или убийцы? — затратил столько усилий исключительно для того, чтобы избежать кровопролития. Так что же было целью такой избирательности: тела или одежда? Одежда или тела? Наконечники похитили повиновавшиеся чужой воле живые мертвецы или кто-то умудрился принять их облик? Вот в чем вопрос.

— Ну и как успехи? — поинтересовался дожидавшийся меня на крыльце Джек Пратт.

— Так себе, — мрачно глянул я на затянутое серыми облаками небо. Вот и дождь уже накрапывать начал. — Закрытый экипаж не мог выжить, что ли?

— Зачем? — Джек накинул на голову капюшон плаща и зашагал к пролетке.

— Дай плащ погреться.

— Разбежался!

— Злой ты. — Я уселся на мокрое сиденье и поднял воротник куртки. — Поехали на квартиру.

— Тут до «Алмазной пичуги» рукой подать.

— Что за пичуга еще такая?

— Там тела обнаружили.

— Святые с тобой, поехали. Но, если я простыну и заболею, — виноват будешь ты.

— Как-нибудь переживу, — фыркнул Джек. — Меду привезу или там варенья малинового.

— Ловлю на слове. Пьер, свидетелем будешь.

— Не буду, — отказался возница. — Оно для здоровья вредно.

— Вот! — обрадовался рыжий пройдоха. — Моя школа!

— Что-нибудь с трупов пропало?

— Одежда и служебные бляхи.

— Понятно. А что с «Алмазной пичугой»? Джоэль и Грай часто там бывали?

— Только там и бывали. Они владели долей в этом доме и жили в квартирах над ресторацией.

— Так понимаю, обслугу вы уже наизнанку вывернули? — предположил я.

Пьер направил пролетку в какой-то переулок, и мы едва разминулись с нагруженной пустыми бочками телегой.

— До сих пор выворачиваем. Толку — ноль. Никто ничего не видел и не слышал.

— Ну кто-то же должен был подмешать наркотики им в пищу.

— А потом выманить на задний двор, надавать по башке, удавить, раздеть и утопить тела вон в той канаве. — Джек Пратт указал на терпящий в зарослях бурьяна ров. — И между тем никто ничего не видел.

— Так оно обычно и бывает.

Я вылез из пролетки и оглядел глухой дворик ресторации.

Колода для разделки мяса, поодаль — мусорка и лужа, в которую помой выплескивают. Какие-то оборвыши разгружают телегу с овощами, рядом трется бездомная собака. Но это сейчас — как стемнеет, думаю, тут никто в здравом рассудке шляться не станет. Чревато оно.

— На тела мальчишки случайно наткнулись, — вслед за мной подошел к канаве Джек. — Повезло.

— И что им тут понадобилось?

— Говорят, решили кораблики попускать, — ухмыльнулся рыжий. — Но думаю, присматривали, как чего с соседнего двора упереть.

— Возможно, — кивнул я. Несколько досок в начинавшемся за канавой заборе оказались подломлены, и из дыры за нами с интересом наблюдал наглый черный котяра с обтрепанными в бесчисленных драках ушами. — Все, поехали.

— С управляющим ресторацией разговаривать не будешь?

— Смысла не вижу.

— Замерз? — хохотнул Пратт.

— С тебя мед.

— Ты ж не заболел?!

— Заболел. Кхе-кхе. — Я уселся было в пролетку, потом глянул на распывшуюся в ехидной улыбке физиономию Джекка и тяжело вздохнул: — Ладно, бес с тобой, пошли поговорим.

— А разве есть смысл?

— Есть. У меня уже второй день и маковой росинки во рту не было.
— То есть ты хочешь за казенный счет брюхо набить? Ай-ай-ай, как нехорошо!

— Так! — Я остановился у черного хода ресторации и повернулся к Джеку: — А что у нас с деньгами?

— С какими деньгами? — Пратт посторонился, пропуская тащившего корзину с луком поваренка.

— Которые Рауль обещал выделить.

— У него и спрашивай.

— И спрошу, — пообещал я.

— И спроси, — фыркнул Джек и сунул служебную бляху в лицо удивленному нашим появлением с черного хода метрдотелю. — Управляющего в третий номер.

— У тебя здесь личный кабинет? — усмехнулся я, когда рыжий своим ключом отпер накладной замок и сломал налепленную на дверь сургучную печать.

— Я подумаю над этим. — Пратт прошел внутрь и указал на стоявший у противоположной стены диванчик. — Чувствуй себя как дома.

— Договорились.

Обстановка в кабинете, надо сказать, была подобрана со вкусом. Вот уж чего от Джоэля и Грая не ожидал, того не ожидал. По обеим сторонам двери обнаружили высокие, в рост человека, зеркала, а у придвинутого к дивану столика стояли два кресла. Под потолком висел светильник с обтянутым алой тканью абажуром, окно пряталось за шторой, в углу сверкал начищенной медью канделябр с огарками свечей.

— Неплохо здесь. — Я убрал куртку на обнаруженную за портьерой вешалку. — Уютно.

— И посторонний ничего в еду подсыпать не может.

— Если только не по пути с кухни.

— Тоже верно.

— Господа, — неуверенно заглянул в кабинет управляющий, молодой мужчина с напомаженными волосами. — Чем могу служить?

— Никто ничего нового не вспомнил? — по-хозяйски кинул плащ на спинку кресла Джек.

— Нет, — помрачнел управляющий и нервно пригладил прическу. — Ничего.

— Уходили они как обычно? — уточнил я. — Вместе или поодиночке?

— Вместе. Никто ничего необычного не заметил.

— То есть они частенько покидали ваше заведение через черный ход?

— Время от времени, — задумался напомаженный.

— А зачем?

— Покойные были не теми людьми, которым стоило задавать подобные вопросы.

— Ясно. — Джек плюхнулся на диванчик. — Накрывайте стол на две персоны. Особых изысков не надо, что на кухне есть, пусть то и тащат. И бутылку красного вина. С виноградников Лема прошлогоднего урожая в самый раз будет.

— Как скажете. — И управляющий поспешил покинуть кабинет.

— И возницу нашего покормите! — вслед ему крикнул я и подошел к канделябру. Могли в воск подмешать что-нибудь дурманящее сознание? Запросто. Но что нам даст подтверждение этой гипотезы? Да ровным счетом ничего.

— Не волнуйся, — Пратт достал кiset и трубку, — вот кто-кто, а Пьер голодным не останется.

— Убери, — попросил я, разглядывая в зеркало свою заросшую рыжеватой щетиной физиономию. — Сил нет больше эту гадость нюхать.

— На улице покурю. — Джек принялся набивать трубку.

— Это у вас такое поветрие в охранке, что ли?

— Ага, — хмыкнул тот и махнул рукой заглянувшему в дверь слуге: — Заносите, заносите...

Стол оказался накрыт буквально в мгновение ока. Раз — и стоят блюда, тарелки, бокалы и откупоренная бутылка вина. Волшебство, да и только.

— Уха. — Официант наполнил тарелки ароматным супом и потянулся за бутылкой.

— Свободен, — поспешил выпроводить его Пратт. — Дальше мы сами.

И в самом деле — без рук, что ли? Лишние уши нам вовсе ни к чему. Надо поговорить с Джеком по душам, ох надо...

Но к разговору мы приступили уже после трапезы. И уха, и жаркое под грибным соусом оказались выше всяких похвал, так что портить себе аппетит деловыми разговорами мы не стали. И только когда я разлил по бокалам темно-красное вино, Джек откинулся на диванчик и сыто зевнул:

— Ну и что ты по этому поводу думаешь?

— Мы в полной заднице.

Вино тоже оказалось неплохим, и я пригляделся к этикетке. «Тирошский рубин», урожай позапрошлого года. Неплохой год, выходит, был. Стоит запомнить.

— Думаешь, в полной?

— Именно. Если я хоть что-то понимаю в этой жизни, наконечников в Акрае уже нет.

— Тем не менее от нас ждут результата. — Джек поставил пустой фужер на стол. — И либо мы его обеспечим, либо падем смертью храбрых в процессе. Мне больше нравится первый вариант.

— Аналогично. — Я вновь наполнил бокалы. — Выходит, чтобы распутать эту головоломку, у нас есть в запасе самое большое пара дней. Иначе наконечники успеют покинуть Стиль.

— Считаешь, их попытаются вывезти посуху?

— Непременно. — Я вдохнул аромат вина. — Драгарн тоже намерен наложить на них лапу. Слишком высок риск погореть на таможенном досмотре.

— А если не заходить в порты?

— По нашему времени это ничего не гарантирует.

— Ты так уверен, что похищение организовал Ланс? Почему?

— Драгарн до сих пор не объявил нам войну.
— Логично. — Джек развалился на диване и принялся болтать ногой в воздухе. — Нет, хорошо здесь. Остается только выбрать из услуги пару девиц посимпатичней и запустить их на столе танцевать.
— Такое тут в порядке вещей?
— Вовсе нет, и как раз это меня и настораживает.
— Ты слишком плохо думаешь о покойных.
— Дай-то Святые...
— Ладно, собираться пора, — поднялся я из-за стола. — Как твой друг, кстати, поживает?
— Это который? — Пратт принялся раскуривать трубку.
— Чесмарци.
— Ох... кха-кха! — закашлялся рыжий. — Не поминай его лучше лишний раз.
— А что такое?
— Вместо Ланье сейчас временно обязанности исполняет Премине. Знаком с таким?
— Не доводилось.
— Зас...нец полный. Первым делом он к себе Чесмарци в заместители подтянул. — Джек накинул плащ и остановился в дверях. — Пошли, что ли?
— Выходит, с покровителем вопрос разрешился? — На ходу надевая куртку, я вышел из кабинета. — Ты номер печатывать не будешь, что ли?
— А зачем? Ты осмотр провел, пусть пользуются...
— Осмотр провел, да...
— Запишите на мой счет, — небрежно бросил рыжий метрдотелю и как ни в чем не бывало покинул ресторацию через черный ход.
— Силен. — Я последовал за приятелем и, забравшись в пролетку, скомандовал Пьеру: — Поехали.
Тот поспешно спрятал в карман плоскую фляжку и, стараясь дышать в сторону, уточнил:
— Куда?
— На квартиру, к этому... — ткнул меня в бок Джек.
Крепкий спиртовой дух он, без всякого сомнения, уловил, но, пребывая в благодушном настроении, замечаний подчиненному делать не стал. Совсем распустились...

Дом, в который мне предстояло заселиться, был выстроен неподалеку от порта. Далеко не самый престижный и спокойный район города, но квартировавшие тут морячки и сами могли пустить кровь любому уличному хулигану. А чтобы ни у кого из местных жуликов не возникло и мысли пожить в казенным имуществом, двор четырехэтажного особняка был обнесен высокой кованой оградой. Впрочем, на одни лишь штыри поверх забора флотские полагаться не стали — карауливший ворота седоусый дядька хоть и потерял неведомо когда все пальцы на левой руке, но как обращаться с висевшей на боку

боцманской дубинкой, наверняка не забыл. Да и дудка при нем. Тревогу поднять завсегда успеет.

— Открывай! — прикрикнул на сторожа Пьер.

Ветеран смерил нас презрительным взглядом, почесал за ухом и покачал головой:

— Насчет повозки указаний не было.

— Совсем обалдел, что ли, старый? — опешил парень.

Сторож отвернулся и демонстративно сплюнул под ноги коричневую от жевательного табака слюну.

— Ладно, пошли, — соскочил я с пролетки и зашагал к воротам. Тут уж седуосый медлить не стал и тотчас отпер калитку.

— Люди из дворцовой охраны были? — спросил сторожа последовавший за мной Джек.

— Да кого тут только не было! — скорчив недовольную гримасу, фыркнул старик. Пиетета перед сухопутными крысами он не испытывал совершенно. Дворцовая охранка? Делов-то...

— Пошли давай, — поторопил я рыжего пройдоху. Продрог — сил нет. Еще и морось эта. Так и в самом деле простыть недолго. — И в какую конуру меня заселили?

— Скажешь тоже, в конуру! — Джек глянул на сидевшего на цепи здорового дворового кобеля и ухмыльнулся: — Хотя, если хочешь...

— Иди ты... — Я распахнул дверь и прошел в просторный холл.

— Господа? — поднял на нас взгляд сидевший за конторкой крепко сбитый пожилой мужчина. Он подозрительно прищурился и обернулся к развалившемуся в глубоком кресле Сержанту: — Это, что ли, ваши?

— Они самые. — Сержант поднялся на ноги и доложил: — Все спокойно.

— Вот и замечательно, — кивнул Джек. — Пока здесь побудь, вечером пришлю кого-нибудь.

— Это зачем еще? — удивился я. — К чему столько охраны?

— А на всякий случай, — не стал ничего объяснять Пратт, мельком глянул в висевшее на стене зеркало и прищелкнул пальцами: — Ключ, пожалуйста...

— Я провожу.

Консьерж подхватил приставленный к стене костыль и заковылял к уходившей на верхние этажи лестнице. Причиной хромоты оказалась вовсе не старческая немощь — левая нога заканчивалась деревянной культей.

— Не стоит, — попытался остановить его Джек, но ничуть в этом не преуспел.

— Положено! — безапелляционно отшил его увечный моряк и обернулся к Сержанту: — Присмотри тут за хозяйством пока, молодой.

— Будет исполнено! — пряча улыбку, отрапортовал тот.

Консьерж довольно споро поднялся на второй этаж, отпер ближнюю к лестнице дверь и протянул мне ключ. Я прошел внутрь и огляделся. Одна комната, стол, пара стульев, у стены — койка, в углу

шифоньер. И что самое главное — мои вещички сюда в целости и сохранности привезли. Вот это действительно радует.

— Гальюн на этаже, — заявил прислонившийся к косяку старик. — Столоваться здесь будете?

— Нет, — за меня ответил Джек и сунул ветерану полмарки. — Ты моим спуску не давай, пусть не расслабляются.

— А то! — гордо выпятил грудь консьерж. — У меня не забалуешь! На флоте с полусотней таких олухов справлялся!

— Вот и здорово. — Пратт прикрыл дверь и усмехнулся, оглядев обстановку: — Простенько, как говорится, но со вкусом...

— Ты зачем людей ко мне приставил?

Скинув насквозь промокшие мокасины, я первым делом примерил предоставленные охранкой сапоги. А ведь хорошо сидят! И не жмет нигде вроде. Ладно, посмотрим, как носиться будут. Все же не по ноге шпнты...

— Опять по башке получить хочешь? — недобро усмехнулся Джек.

— Издеваешься?

— То-то же. Ну и какие у нас дальнейшие планы?

— Проедемся по городу, поговорим кое с кем.

— По поводу?

— Да ты знаешь...

Я вытащил из мешка шило и сунул его в голенище сапога. Ножны с превращенным в серп когтем прицепил на пояс.

— Ну? — поторопил меня рыжий.

— Очень это все на чью-то стандартную заготовку похоже.

— Ты действительно полагаешь, что Ланс привлек для этого дела местных мошенников?

— А почему нет? — Застегнув пряжку плаща, я нахлобучил на голову шляпу и посмотрелся в висевшее рядом с дверью зеркало. Сойдет. — Самим думать ничего не надо, а от исполнителей потом избавиться можно.

— Получается, мы будем гоняться за призраками? — Джек распахнул входную дверь и вышел в коридор.

— Получается, так. — Я два раза провернул в замке ключ и зашагал к лестнице. — Но это не страшно. Главное, чтобы результат был.

— Рад, что ты это понимаешь. Не хотелось бы на старости лет в Пахарту или Аврию уматывать. Хотя на островах, говорят, мужики в цене. Будешь любимым наложником у какой-нибудь богатенькой бабенки...

— Типун тебе на язык!

— Да шучу я, шучу. Какая Пахарта, какая Аврия? Не найдем наконецников — вздернут, и все дела.

— Шутник, блин...

— При чем здесь шутки? Это правда жизни! — с довольным видом хохотнул Джек. — Куда едем?

— Увидишь, — поморщился я. Тоже мне комедиант выискался. — Надеюсь, ты против посещения городского дна ничего не имеешь?

— Я? Да как ты мог такое подумать?

— Вот и замечательно...

Глава 2

ТЕМНЫЙ СОТНИК. ДОРОГА В МЕРН

Месяц Святого Огюста Зодчего

Последним Густав Сирлин похоронил Жака Бортье.

Да, старина Бортье продержался дольше всех. Остальные голово-резы Темной сотни стигнули один за другим в самом начале осени, когда как-то враз закончилось сопутствовавшее Густаву везение. Оно и неудивительно: государства Пакта капитулировали одно за другим, и войска Ланса без лишних сантиментов принялись наводить на оккупированных территориях порядок. Так вот и вышло, что дезертиры из вольных хищников в считанные дни превратились в загнанную дичь.

Засады, облавы, летучие отряды кавалерии...

Густав Сирлин надумал переждать лихое время в лесах, а потом и вовсе перебраться в Драгарн, но от выследивших остатки беглой сотни королевских егерей удалось уйти только ему да Жаку. И вот оно как в итоге вышло: ерундовый порез загноился и свел Бортье в могилу.

Был ли сотник рад тому, что старуха с косой в очередной раз обошла его стороной? Скорее, этот факт его просто устраивал. Закидывая комьями сырой земли тело спутника, Густав осознал, что давно уже не испытывал практически никаких эмоций. И даже непременный спутник беглецов — страх — утонул в бездонном омуте как-то незаметно затопившей его душу серой хмари безразличия.

Густав устал. Он просто очень сильно устал.

Летом был кураж. Летом его вела злая радость, и сотник щедро разбрасывался вышитой из Виктора Арка потусторонней силой. В глазах солдат он стал чуть ли не одним из небожителей. Но не лубочно-правильным Святым, а всемогущим повелителем битвы, одним взмахом руки способным раскидать десяток латников.

Что ж, какое-то время так оно и было. Пока не иссякла сила. Пока он не почувствовал, что вычерпан до дна. Опустошен и уподоблен высушенному ярким солнцем рыбьему костяку. Вымотан настолько, что даже таившаяся в глубине его души тьма не способна больше разгореться во всепожирающее черное пламя.

Когда это случилось? Две декады назад? Три? Он не помнил. Прошлое терялось в туманной пелене, а попытки разобраться в путаных обрывках воспоминаний заканчивались дикой головной болью.

Но если с тем, что для него есть лишь серое настоящее, Густав худо-бедно смирился, то принять роль обычного человека так и не смог. Осознание собственной никчемности жгло его изнутри, будто пожиравший торфяник подземный огонь. Жгло, не давало думать ни о чем другом, заставляло бежать куда глаза глядят, лишь бы подолгу не оставаться на одном месте.

Не потому ли и повалились на отряд все эти неприятности?

Кто знает?

Темный сотник предпочитал об этом не задумываться. В его сером настоящем места для прошлого больше не оставалось.

Но, может, оно и к лучшему?

Кинув на могилу последний ком земли, Густав отошел к лесному болотцу сполоснуть выпачканные в грязи руки, да так и замер, уставившись на дрожавшее из-за бежавшей по воде ряби отражение. Давно не стриженные лохмы всклокоченных волос, кудлатая борода, осунувшееся лицо с темными провалами воспаленных глаз.

Неприглядное зрелище. неприглядное и тревожное.

Сотник вытер ладони о замызганные штанины, вернулся к могиле и уселся на ствол вывороченного из земли вяза. Увиденное ему не понравилось. Весьма не понравилось. Давным-давно, чуть ли не в прошлой жизни, когда Густав бродяжничал и водил знакомство с разным отребьем, он вдоволь насмотрелся на опиумных курильщиков. Конченые людишки. Но так ли он теперь от них отличался?

Те грезили о затяжке дарящей блаженное забытье отравы, ему для полного счастья хватило бы и крупички потусторонней силы. Скверны, как пренебрежительно именовали ее недалекие святоши.

Впрочем, даже сейчас Сирлин продолжал презирать тех вконец опустившихся бродяг. Они сами выбрали свой путь. Он оказался заложником семейных тайн и ничего изменить в своей жизни уже не мог. Другое дело, что никогда к этому особо и не стремился.

И уж точно Густав не собирался подышать от жалости к самому себе в этом забытом всеми Святыми лесу.

Утопиться в болоте?

Как-нибудь в другой раз.

Кое-как приведя в порядок всклокоченную шевелюру, Густав подрезал бороду и кинул кинжал к валявшемуся на земле мечу. Потом избавился от засапожного ножа, вытряхнул из дорожного мешка колючугу и, посылнее напялив шляпу, зашагал в сторону тракта.

Сколько бы он ни просидел в чащобе — о нем не забудут. Жнец не из тех, кто прощает плевки в лицо. А уж на забывчивость Виктора Арка рассчитывать и вовсе глупо. Нет, единственное, что оставалось сотнику, — это как можно быстрее сбежать на полдень. В Драгарн. В Алезию. На худой конец — в Пахарту. Там его не достанут. Там можно будет переждать лихое время.

К тракту Густав вышел уже под вечер. Первым делом он нарвал лопухов и вычистил заляпанные болотной жижей сапоги, потом осмотрел одежду и недовольно поморщился. Солдатская куртка с темным пятном на месте споротой эмблемы полка и давно не стиранные штаны респектабельности бывшему сотнику не добавляли. С другой стороны, таких вот непонятных персонажей сейчас пруд пруди. В глаза он бросаться точно не будет, а это главное. На крайний случай в подклад куртки нужные бумаги зашиты. И золото — на золото надежды было даже больше, чем на поддельную подорожную.

Выбравшись на заросшую высокой пожухлой травой обочину, темный сотник с четверть часа подыскивал подходящее место, потом при-

глядел заросли только-только начавшего облетать орешника и уселся на лежавший неподалеку от них плоский камень. Если поедут солдаты или еще какой беспокойный люд — сигануть в кусты проблемой не станет. А торговый обоз или почтовая карета тут волей-неволей ход замедлят: сразу за его камнем тракт круто поворачивал, огибая болотину.

В кустах и в самом деле хорониться пришлось не единожды — армейские разезды по тракту мотались постоянно. Да и без служивых непонятного сброда на дороге хватало. Залегший в кустах Густав на глаза им не показывался: меньше всего он хотел угодить в переделку, ошибившись с выбором попутчиков.

Как-то незаметно подкрались ранние осенние сумерки, небо затянули облака и заморосил мелкий серый дождик. Темный сотник поехал, но с обочины уходить не стал. И не прогадал: вскоре на дороге появилась одинокая бричка. Правил ей худощавый мужчина лет сорока, под поднятым верхом прятался от дождя его спутник.

На повороте бричка замедлила ход, а когда Густав ступил на дорогу, и вовсе остановилась — возница сразу сообразил, что незнакомец успеет перехватить поводья, и нахлестывать лошадь не стал. Вместо этого он поудобней ухватил плеть и привстал с козел.

— До Мерна не подвезете, люди добрые? — припомнив название соседнего городка, выставил перед собой пустые руки Сирлин.

— На въезде солдаты подорожные проверяют, — предупредил возница.

— Не беда, — улыбнулся Густав. — Бумаги имеются.

— Тогда подвезу. — Мужчина на миг нахмурился, потом тяжело вздохнул и пожал плечами: — Почему не подвезти?

— Благодарю, — поспешил забраться в бричку сотник и протянул руку: — Густав.

— Фридрих, — представился хозяин брички и сунул плеть за голенище сапога.

Так и не скинувший с головы капюшона спутник возницы промолчал. Да и сам Фридрих не выказал особого желания продолжать разговор. И лишь когда мимо них в очередной раз проскакал отряд ланских кавалеристов, Сирлин не выдержал и поинтересовался:

— Неспokoйно в округе?

— А где сейчас спокойно? — вновь пожал плечами Фридрих, оказавшийся несколько старше, чем решил сотник поначалу. Теперь-то Густаву были прекрасно видны исчертившие лицо собеседника тонкие морщинки, набухшие вены и мешки под глазами.

— Тоже верно.

— Но летом и вовсе пришлось лиха хлебнуть. — Возница поправил шляпу с обтрепавшимися полями, из-под которой выбивались слегка выующиеся светлые волосы. — Из дома страшно выбраться было, не то что из города.

— И не говорите, — усмехнулся сотник. — Будь моя воля, из дома бы — ни ногой.

— Это точно. — Фридрих разглядел, что солдатская куртка на попутчике не ланского фасона, и тяжело вздохнул: — У меня сыновья на войне сгнули. Теперь вот приходится одному крутиться...

— А вы по какой части будете? — заинтересовался сотник.

— Лекарь я. В окрестных деревнях лекарей сейчас днем с огнем не сыщешь, вот и мотаюсь.

— Есть такое дело, — кивнул Густав, который не понаслышке знал, как непросто отыскать в разоренной войной стране самого завалющего костоправа. Особенно когда у тебя на руках раненый боец, а на хвосте висят королевские егеря.

— Но ничего, налаживается потихоньку жизнь, налаживается. Вот сначала жути натерпелись — просто беда.

— А что такое? Мародеры?

— Нет, солдаты себе лишнего не позволяли. Но, как наши город сдали, по ночам люди пропадать начали.

— Seriously?

— А то как же! Первую декаду все от страха тряслись. Сейчас как дурной сон то время вспоминается.

— Лихое времечко настало, — по необходимости поддерживать разговор кивнул Густав. — Остается надеяться, дальше лучше будет...

— Да будет, чего там. Простому люду все равно, кому подати платить. Главное, чтобы три шкуры не драли.

— А храмы Единения как?

— Дело привычки, — поежился Фридрих. — Кому невтерпеж, тот и дома Святым помолиться может, я так считаю. Но многих туда до сих пор силком сгоняют. Кого-то и пороли уже...

— Вот как?

— Да, было дело. А по мне, так храмы Единения ничем от молельных домов не отличаются... — Возница приметил глубокую лужу посреди дороги и начал править к обочине.

— Гони! — рявкнул сотник, но было поздно: выскочивший из кустов бородатый мужик в какой-то рванине успел перехватить поводья. И сразу же на тракт высыпали трое его дружков.

— А ну слазьте! Живо! — заорал размахивавший топором главарь и подскочил к сотнику: — Быстрее, кому сказано!

Двое разбойников бежали бричку, и схватившийся было за плетль Фридрих заколебался, не зная, что предпринять. Темный сотник краем глаза приметил у одного из парней дубинку, а у второго вилы и приуныл. Лишиться зашитого в подклад куртки золота он себе позволить просто-напросто не мог.

— Чего вы хотите? — спросил возница и невольно отодвинулся от зубьев нацеленных ему в грудь вилок.

— Деньги и лошадь! Портки тоже скидывайте, портки у вас добрые. И ты! — Главарь махнул топором в сторону сидевшего в бричке человека в плаще. — Да, ты! Ну-ка, откинь капюшон! Живо, кому сказано! А не то...

— Ты глядь, баба! — заржал бугай, за поводья удерживавший лошадь.

— Бабу тоже оставляйте! — осклабился главарь, и Густав со всего маху пнул его в лицо. Тут же стремительно соскочил с брички, ухватил оброненный заводилой топор и, крутанувшись на месте, с размаху всадил иззубренное лезвие в голову отпустившему поводья здоровяку.

А вот Фридрих сглупил. Вместо того чтобы стегануть лошадь, он протянул плетью парня с вилами и повалился с козел, получив от второго разбойника дубинкой по голове. Сидевшая в бричке девица истошно завизжала; Густав поднырнул под лошадь, ухватился за черенок и легко вырвал вилы из рук растерявшегося разбойника. А потом и вовсе насадил его на ржавые зубья.

— Берегись! — завопила вдруг девушка, сотник шатнулся в сторону, но раскрутивший дубинку парень оказался быстрее.

Удар по ребрам едва не выбил из Густава дух, в боку что-то мерзко хрустнуло, а в глазах потемнело, и все же охнувший от боли сотник успел увернуться от второго замаха. Увернулся — и сразу ринулся на разбойника, торопливо перехватывающего дубинку. Вцепился ему в руку, начал выкручивать запястье, а когда отчаянно вырывавшийся парень все же обронил оружие, подтянул гаденыша к себе и свернул шею.

— Папа!

Соскочившая с брички девица с криком бросилась к потерявшему сознание Фридриху, Густав же первым делом вытащил из сапога отправленного к бесам разбойника нож и, выпрямившись, поморщился от боли в отбитом боку. Затем он подошел к валявшемуся на обочине главарю, спокойно перерезал тому глотку и лишь после этого обеспокоился состоянием хозяина брички.

— Живой?

— Не знаю, — начала подвывать девушка. — Не знаю! Не знаю!

Густав Сирлин ухватил ее за руку, аккуратно поставил на ноги и, не особо зверствуя, влепил легкую пощечину. Спокойно присел к Фридриху и сразу же нащупал пульс.

— Живой он. Живой.

— Слава Святым! — всхлипнула девушка, приложив ладонь к покрасневшей щеке.

— Звать-то тебя как?

— Эльза.

Густав присмотрелся к ссадине на виске Фридриха и нахмурился. На первый взгляд рана серьезной не казалась, но, когда дело касается головы, ничего нельзя сказать наверняка.

— И далеко, Эльза, до города?

— Нет, рукой подать.

— Поехали. — Темный сотник осторожно поднял Фридриха и, скривившись от резкой боли в отбитом боку, переложил его в бричку. — Придерживай родителя своего, я править буду.

— Хорошо.

— Но! Пошла! — прикрикнул Густав, и нервно прядавшая ушами из-за запаха крови лошадь побрела через лужу. — Пошла!

— Густав, вы сможете занести отца в дом? — забеспокоилась вдруг Эльза. — Мне одной не справиться.

— Хорошо, — кивнул сотник. — Лекари другие у вас в городе остались?

— Нет, — помотала головой девушка. — Костоправ и травница только.

— Костоправ — это, конечно, хорошо, да только твоему отцу нормальный лекарь нужен.

— Главное — его до дому довести, — всхлинула Эльза, но сразу же взяла себя в руки. — Я знакомых обойду, они помогут...

— Вот и замечательно, — тяжело вздохнул Густав и надолго замолчал, размышляя, какую байку он скормит дежурящим на въезде в Мерн солдатам. О чем о чем, а об этом следовало подумать заранее.

— Сворачивайте, — указала вдруг Эльза на неприметную проселочную дорогу, когда впереди замаячили переходящие в пригород фермы.

— Зачем еще? — насторожился темный сотник. Ехать по колдобинам ему не хотелось, да и проселок завести мог бес знает куда.

— Здесь ближе, — объяснила девушка, немного помолчала и добавила: — И на въезде не солдаты гарнизона, а ополченцы дежурят...

И в самом деле — разбитая тележными колесами дорога вскоре повернула к городу, а караульная будка и вовсе оказалась пуста. Чему Густав только порадовался — особой надежды на подорожную у него не было, а кошель с золотом вовсе не бездонный. До Драгарна путь не близкий, пригодится золотишко в дороге еще. Да и на новом месте деньги понадобятся.

— Слуг у вас нет? — уточнил сотник, когда остановил бричку у дома лекаря, ни в одном из окон которого не горел свет.

— Раньше были, а сейчас мы вдвоем живем, — объяснила девушка. — Собак тоже не держим, заходи.

Густав кивнул и отправился отпирать ворота. Возиться с Фридрихом ему не хотелось совершенно — левый бок так и горел огнем. Но не бросать же девушку с раненым отцом на улице? Мало ли чего ей в голову взбредет. Уж лучше помочь.

Тихонько помянув недобрым словом Святых, сотник вернулся к бричке, загнал ее во двор и с кряхтением поднял на руки так и не пришедшего в себя лекаря.

— Сюда, — позвала его Эльза.

— Иду. — Густав поднялся на крыльцо, прошел по темному коридору и, уложив Фридриха в кровать, оперся о стол, чтобы не упасть.

— Что с вами? — забеспокоилась девушка.

— Все в порядке. — Сотник вытер выступившие на лбу мелкие капельки пота и глубоко задышал, дожидаясь, пока пройдет головокружение.

Эльза зажгла свечи и всмотрелась в сотника.

— А лицо бледное, словно мел. Вас ранили?

— Со мной все в порядке. А тебе пора идти за костоправом.

— Но я не могу оставить отца одного!

— Сбегай к соседям.

Сотник перестал опираться на стол и тут же закатил глаза и охнул от пронзившей бок боли.

— Густав, оставайтесь, — предложила вдруг девушка. — Вас должен осмотреть лекар!

— Не стоит, — помотал головой сотник, потом осторожно прикоснулся к горевшим огнем ребрам и сдался: — Только не надо меня никому показывать, так отлежусь. Ты беги, я за ним присмотрю.

— Спасибо! — Обрадованная Эльза выскочила из комнаты, а Густав с криком опустился на стул, размышляя, не свалил ли он дурака, поддавшись на уговоры остаться.

С другой стороны, ему и в самом деле нужно было отлежаться. И симпатичное личико дочери лекаря никак не сказалось на его решении.

Ну... почти никак.

Глава 3 **ЭКЗОРЦИСТ. ПО ОСТЫВШИМ** **СЛЕДАМ К ОСТЫВШЕМУ...**

Месяц Святого Огюста Зодчего

Когда у человека много друзей — это замечательно. Правда, зачастую в один не самый прекрасный момент выясняется, что далеко не все, кто считался таковыми, являются ими на самом деле. В лучшем случае — это просто приятели. В худшем... в худшем иной раз и вовсе пакостно выходит.

Другое дело — знакомые. Знакомые — это связи. Знакомые — это возможности. Да, они могут быть весьма назойливыми, но кто из нас без греха? Я и сам, чего уж там, не самый приятный в общении человек. А куда деваться? Работа такая...

Немного поразмыслив, первым делом я решил навестить в «Рванный парус» — средней паршивости забегаловку, в задней комнате которой владельцами заведения устраивались карточные игры с очень и очень приличными ставками. Заправлявший там толстяк по прозвищу Ленивец обладал просто феноменальной способностью ловить шулеров за руку, но иногда — крайне редко и лишь когда на кон ставились целые состояния — закрывал на эти шалости глаза. Конечно же не просто так закрывал, случайным людям за его столом ничего не светило.

Впрочем, о нечестной игре знали лишь те, кто участвовал в этом весьма доходном дельце, а потому репутация Ленивца продолжала оставаться незапятнанной. Болтуны же обычно имели обыкновение отпраиваться через люк в одной из комнат «Рваного паруса» напрямик в канал. С солидным грузом на ногах, разумеется.

— Знаю я этот гадюшник, — кивнул Пьер, когда услышал, куда именно нужно нас с Джеком доставить. — Здесь недалеко...

— На соседней улице практически, — подтвердил Пратт.
— Доводилось бывать? — заинтересовался я.
— Не мне. Одному товарищу, которому по рангу этого делать не полагалось.

— И?

— В итоге товарищ оказался нам вовсе не товарищ, — пожал плечами Джек. — Из окна выпал.

— Сам?

— Сам, конечно, — хохотнул Пьер. — Вешаться он наотрез отказался...

— Вот что, Джек, — нахмурился я. — Ты меня на улице подожди тогда.

— А что такое? — выбрался из пролетки рыжий пройдоха, когда Пьер остановился неподалеку от «Рваного паруса».

— Если тебя примут за шпика, со мной точно никто разговаривать не станет.

— Издеваешься? — потербил серьгу в ухе Пратт. — Это я-то на шпика похож?

— Больше, конечно, на сутенера...

— Ты бы попрिдержал язык!

— Ладно, пошли, — сдался я. — Но там — молчи. Понял?

— Договорились.

Скучавший на входе вышибала на нас даже не глянул. Да оно и немудрено — время, по меркам местных завсегдатаев, было детское, и заведение пустовало. Остается надеяться, что Ленивец уже на рабочем месте. Не ждать же его тут до ночи...

— Чего изволите? — оживился при нашем появлении протиравший грязным полотенцем посуду за стойкой бара какой-то молоденький парнишка.

— Стаканчик бренди, — заказал усевшийся на высокий стул Джек.

— И Ленивца позови, — распорядился я.

— Кого-кого? — сделал вид, будто ничего не понял, парень.

— Сначала наливаешь стакан бренди, — оперся я на стойку, — потом идешь и говоришь Ленивцу, что его желает видеть Себастьян Март. Укладываешься в пять минут — и продолжаешь радоваться жизни. Не укладываешься — и твоим коллегам придется бежать за лекарем. Или коронером. Смотря насколько задержишься. Все ясно?

Наполнившего Джеку стакан бармена будто ветром сдуло.

— Ты как это сделал? — откинул крышку карманных часов Пратт.

— Что?

— Напугал мальчонку до полусмерти. Он даже вышибалу не догадался кликнуть.

— Думаешь, вышибала побежал бы для него за лекарем? Очень сомневаюсь.

— Смешно, ага. — Попробовавший бренди Джек скривился и глянул на выскочившего из задней комнаты паренька: — Четыре минуты.

— Проходите, — указал на распахнутую дверь тот.

— Хороший мальчик, — усмехнулся я и остановил рыжего пройдоху: — Здесь жди.

— Точно?

— Угу.

Я сунул ему шляпу с плащом и направился в заднюю комнату.

Ленивец — высокий, но сильно раздавшийся вширь мужчина средних лет — сидел за обтянутым зеленым бархатом столом и вертел в руке вытащенную из валявшейся перед ним колоды карту. Больше в комнате никого не было. Две распахнутые настежь двери — и мы. Ну да лишние уши сейчас ни к чему.

— С чем пожаловал? — без особой приязни поинтересовался толстяк.

— Поговорить.

Я уселся за стол, пригляделся и без особого удивления увидел, что в пухлых пальцах собеседника зажат *бес*.

— Говори, — поморщился Ленивец.

Все верно: особо радоваться моему визиту у него причин не было. И пусть с тех пор, как я выбил из него принадлежавшие Мешку Костей деньги, прошло уже немало времени, такое не забывается. С другой стороны, доложи я тогда Ошу, что Ленивец знал, в чей карман запустил руку, и для него все закончилось бы много-много печальней.

— У меня из-под носа увели одну вещь, очень надо ее вернуть. Сама по себе ценности она не имеет, но кое-кто должен был заплатить за организацию кражи немалые деньги.

— Ничего такого не слышал.

— Никто не трепался о хорошем заказе со стороны? — ничуть не расстроился я столь холодному приему.

— Треплются постоянно, большей частью привирают.

— Во-первых, заказ со стороны. Во-вторых, тот, кто провернул это дельце, набивать себе цену не будет. Трепать языком тоже. Отдаст долги, перестанет брать заказы, уйдет в тину. Загуляет. Или и вовсе пропадет. Что скажешь?

— Надо подумать, — нахмурился толстяк. — На меня ссылаться не будешь?

— Зачем? Мне даже исполнитель малоинтересен, все вопросы к заказчику.

— Насколько серьезное было дело?

— Дело было продуманное. Никаких мальчишков с кастетами и дубьем.

— Значит, молодежь в расчет не принимаем, — пожевал нижнюю губу Ленивец. — Остальных можно по пальцам пересчитать.

— Карп, Грым, Аг Шанге, Жиль Закиль, Валентин Лист, — начал перечислять я.

— Карп в «Ржавой кирке» очередной срок мотает. Грыма в том году под пирс отправили. Шанге с Виком Реей чего-то не поделил и от греха подальше в Арлон перебрался. Лист спился, никто ничего серьезного ему не предложит. Жиль — Жиль мог.

— Кто еще?

• Mop •

© by Tufail 2012

Допрос первый МОР

*Месяц Святого Себастьяна Косаря
Год 974 от Великого Собора*

1

День начинался — лучше не бывает.

Проснулся я отлично выспавшимся в самый разгар утра, когда часы на соседней башне отстучали десять раз. К тому же проснулся не один, а в обнимку с молоденькой девицей — и не абы какой гримзой, показавшейся раскрасавицей исключительно с пьяных глаз, но действительно симпатичной служаночкой. Да еще и выставленное вчера хозяином вино оказалось отменного качества, и в голове было ясно-ясно. Словно и не пил до полуночи.

И это обстоятельство радовало неизменно: через час идти на встречу, и если свежий запах перегара будет там более чем уместен, то похмельная маета лишь доставит кучу неудобств.

Решив прекращать уже отлеживать бока, я высвободил руку, разбуженная неловким движением служанка заворочалась и открыла глаза.

— Доброе утро, — прижалась ко мне девушка. — Как спалось?

— Просто замечательно, — улыбнулся я и спросил: — Хозяин не потеряет?

— Нет, все в порядке. А вы уже встаете?

— Дела.

— Жаль...

— Вечером.

Я откинул одеяло и невольно поежился: из-за оставленного открытым на ночь окна в комнате оказалось довольно прохладно. Мурашки по коже так и побежали. Осень, ничего не попишешь.

— Вы интересный. — Девушка провела кончиками пальцев по моему предплечью и соскользнула с кровати. — Первый раз у кушца татуировку вижу.

— Ошибка молодости, — не моргнув глазом, солгал я. — Когда с отцом на корабле ходил, матросы с панталыку сбили. Набрехали, будто иначе портовые девки любить не будут.

— Это какая-то молитва? — через голову надевая сброшенное вчера на пол платье, поинтересовалась служанка.

— Из откровений Мартина Мореплавателя, — вновь пришлось мне прибегнуть ко лжи. — Молитва об удаче для путешествующих морем.

Быть пойманным на вранье я нисколько не опасался. Предплечье расчертили староцерковные письма, и отличить одну цитату из Святого Писания от двух других было не под силу и куда более образованному согладатою.

Я и сам, хоть прочел немало книг из закрытых монастырских архивов, не в полной мере мог разобрать черневшие на коже мудреные закорючки. Но одно знал совершенно точно — изречения Николаса Слепца и Августины Травницы никакого отношения к морской удаче не имели.

Погибель бесам и исцеление тела, вот какой смысл — и не только смысл! — несли эти не слишком ровно наколотые слепым мастером слова. И лично для меня это было куда важнее попутного ветра и семи локтей под килем. *«Нательные знаки как защита от скверны».*

— Так вы, мастер Маагляр, из моряков? Тогда понятно, откуда такая прыть! — рассмеялась служанка и, выпростав из ворота русую косу, повернулась ко мне спиной. — Затяните.

Я помог ей справиться с платьем и, не отказав себе в удовольствии облапить ладную фигурку, легким шлепком чуть пониже спины подтолкнул девицу на выход:

- До вечера, красавица.
- Уж будьте уверены, мастер...
- Серж, просто Серж.
- Вы очень добры...

Лукаво подмигнув на прощанье, служанка выскользнула за дверь; я задвинул засов, поежился и поспешил натянуть ночную рубашку. И только потом отдернул плотную штору, открыв комнату солнечному свету и свежему воздуху, а заодно уличному гомону вкупе с целым букетом не самых приятных запахов.

Ну да это Лем, что с него взять! Даже в ранге столицы Протектората он всегда оставался жуткой дырой, а после грядущего раздела спорной провинции и официально станет самым обычным заштатным городишком, одним из многих в Стильге. К тому же еще и пограничным.

Впрочем, сейчас Лем мало походил на забытое всеми Святыми захолустье — прибытие высоких гостей хоть на несколько дней, но вдохнуло в него новую жизнь. Да иначе и быть не могло: кроме судьбы служившей яблоком раздора провинции на повестке дня стоял вопрос о разделе Тироша, и, помимо делегаций Стильга и Драгарна, городок своим присутствием почтили доверенные лица властителей всех сопредельных государств. А вместе с ними — толпы охранников, шпики, торговцы и просто жуликоватые любители половить рыбку в мутной воде.

На моих глазах катившие телегу тяжеловозы едва не стоптали зазевавшегося прохожего, и шествовавший за возом стражник немед-

ленно воспылал желанием наподдать разязве древком тяжелой алебарды. Но резкий порыв ветра крайне своевременно для ротозея откинул край дерюги, и позабывший обо всем на свете служивый кинулся укрывать трясащиеся в телеге мертвые тела.

Я успел заметить самое меньшее две пары босых пяток и усмехнулся: опять, видно, поножовщина в самый неподходящий момент приключилась, вот местные шишки и приказали разобраться с этим делом по-тихому, ни в коем разе не беспокоя съехавшуюся в город почтенную публику.

Ну да и Святые с ними! Я отошел от окна к висевшему на стене зеркалу, привычно провел пальцами по задней стороне, выскывая печать-благословение ордена Изгоняющих, и только после этого сдернул закрывавшее стекло полотенце. Придирчиво оглядел растрепавшуюся после бурной ночи черную шевелюру, нездоровую кожу лица, набухшие мешки под глазами и припухший нос, задумчиво потер слишком уж светлую щетину на подбородке и полез в несессер за помазком и бритвой.

Прошу любить и жаловать — мастер Серж Маагларь, собственной персоной.

Прибывший с делегацией Марны купец, который слишком прижмист, чтобы, как все нормальные люди, пользоваться услугами цирюльника, зато всегда готов сделать предложение, от которого вы не сможете отказать.

Но это еще впереди, да.

Наскоро побрившись, я привел в надлежащее состояние лицо, хлебнул остававшегося в кувшине вина и, прополоскав рот, сплюнул в ночной горшок. Сменил ночную рубашку на исподнее, с трудом влез в штаны и заправил в них сорочку. Теперь еще сюртук, без него никак...

Отвратительно скроенный искусным портным синий сюртук был слишком узким в плечах, заставлял сутулиться и выпячивал живот, но, оглядев себя в зеркале, я остался полностью доволен увиденным.

Вылитый марнийский купец-сквальга, и никак иначе.

Шейный платок, гольфы, остроносые туфли и украшенный фазанным пером берет прекрасно дополнили наряд, а простая трость со стальным набалдашником позволяла не только соответствовать последним веяниям моды, но и удерживать уличных попрошайек на безопасном расстоянии от звеневшего монетами кошель.

Заперев дверь, я покинул гостиницу и привычной дорогой зашагал к городской ратуше, не забывая поглядывать по сторонам. От меня ведь не убудет, а малая толика внимательности способна иной раз убедить от весьма и весьма серьезных неприятностей...

Взять вот, к примеру, невесть откуда прибудившегося нищего. Обыватель твердо уверен, что убогие и калечные бродят по городу как Святые на душу положат, да только это совсем не так. У попрошайек своя жесткая иерархия, и любому зашедшему на чужую территорию

побирушке неминуемо придется вскорости уносить ноги. И пусть этот конкретный горемыка занял не самое проходное место — да, глухое тут место, чего там, — проигнорировать его неожиданное появление было бы слишком опрометчиво...

— Подайте защитнику отечества, потерявшему здоровье на Лемском поле! — ухватив цепкими заскорузлыми пальцами мою штанину, загундосил колченогий мужик, кутавшийся в какую-то рванину. — Подайте, господин хороший, на пропитание ветерану славной армии Стильга!

А еще обыватель в массе своей редко замечает то, что происходит у него за спиной, и потому удар дубинкой или наполненным песком мешочком обычно повергает разиню в неописуемое изумление. Буквально до положения риз.

— Подайте!.. — вновь затянул калека, и, резко подавшись вперед, я коротким ударом сверху вниз расквасил ему нос.

Мужичонку опрокинуло на дерюгу; я для верности приложил его по печени острым носком модной туфли и без промедления ткнул за спину лежавшей на сгибе левого локтя тростью. Набегавший сзади громила со всего маху наткнулся на железный оконечник, сишло охнув, сложился пополам и немедленно поймал челюстью взметнувшийся навстречу набалдашник. Сыпанули обломки гнилых зубов, бугай захлебнулся стоном и прилег отдохнуть рядом с подельником.

Третий жулик выхватил нож. Иззубренный и местами поржавевший, но при этом способный отправить оппонента на встречу со Святыми ничуть не хуже остро заточенного шедевра какого-нибудь известного оружейника.

Нехорошо...

Тростью по руке — хруст раздробленных костяшек, будто бальзам на душу! — потом резко по колену и уже с оттягом по левой ключице.

Оболтус повалился на мостовую, но присутствия духа не потерял и сгоряча принялся нашаривать рукоять оброненного в грязь ножа; пришлось наступить ему на пальцы и протянуть тростью по ребрам.

— Ай! — взвыл тщетно пытавшийся выдернуть зажатую подошвой ладонь жулик. — Не надо! Хватит!

— Кто вас послал? — замахаясь, спросил я.

— Никто!

— Кто вас послал? — Одновременно с вопросом трость шибанула парню по левому боку и, судя по звуку, перебила сразу два или три ребра. — Говори!

— Никто! — закашлялся бедолага. — Просто кошель приметили... Просто...

Легонько приласкав затылок обалдую набалдашником, я отправил жулика в забытье, спокойно одернул сюртук и продолжил свой путь.

Совсем гольтыба местная обнаглела — город полон стражников, а они почтенных гостей средь бела дня грабить надумали!

Нехорошо...

На собрание в ратуше я в итоге опоздал. Уже взбегая по стертым ступеням облицованного мрамором крыльца, увидел подпрыгивавшего от нетерпения главу торговой делегации Марны и помахал ему рукой.

— Ну что же вы, мастер Маагляр?! Ну как же так?! — проводя меня через оцепивших вход стражников, начал выговаривать обильно потевший толстяк с колыхавшимся в такт шагам вторым подбородком. — Его сиятельство ожидаете с минуты на минуту, а вас все нет и нет! Я тут как уж на сковороде верчусь! Как же так?!

— Спокойствие, мастер Нарль, только спокойствие, — натянуто улыбаясь, попросил я, минуя брата-экзорциста.

Наряженный в длинный плащ, широкополую шляпу, полумаску и остроносые сапоги — все черной кожи, усеянной серебряными колокольчиками, — монах ордена Изгоняющих не обратил на меня никакого внимания, подпиравший рядом с ним стену «серый сюртук» тоже придирается не стал, а вот стоявшие дальше гвардейцы Драгарна потребовали сдать трость.

Ну и сдал, конечно. Почему не сдать?

— Идемте, мастер Маагляр, — заторопился толстяк. — Встреча состоится в кабинете бургомистра.

Статс-секретарь интендантской коллегии Драгарна кавалер Карл Альгре дождался нас в кресле градоначальника, несколько не смущаясь висевшего над ним портрета монарха сопредельного — и традиционно не слишком дружественного — государства. Его величество Грегор Четвертый наблюдал со стены завитые усики, аккуратные локоны и напудренные щеки горбоносого красавца с явным неудовольствием; я же к увиденному остался совершенно равнодушен. Глаза с хитринкой, волевой подбородок, острые скулы, вид решительный и мужественный — это ерунда. Главное, что у человека внутри. А внутри у кавалера Альгре зудела жажда наживы. Мне было об этом известно доподлинно.

Глаза — зеркало души, да. Но есть и другие, куда более надежные источники информации.

— Приносим свои извинения за опоздание, ваше сиятельство, — немедленно поклонился приложивший руку к сердцу мастер Нарль. — Произошла небольшая накладка...

— Не берите в голову, — махнул белоснежной манжетой статс-секретарь. — Право слово, не стоит так волноваться. В любом случае, нет никакой возможности согласовать интересующие вас сделки.

— Но кожаные изделия Марны по праву считаются лучшими во всех Святых Землях! — воскликнул до глубины души пораженный этим пренеприятнейшим известием мастер Нарль, и я поспешил ухватить его под локоть.

— Видите ли, ваше сиятельство, — улыбка далась мне нелегко, но это была честная, открытая и немного печальная улыбка, а не вымученная гримаса пытающегося втюхать лежалый товар коммивояжера, — мы просто не можем вернуться на родину с такими известиями.

Боюсь, в этом случае нам придется самолично заняться изготовлением столь нужных вашей армии изделий.

— О? — в удивлении приподнял бровь кавалер Альгре.

— Марна переживает непростые времена. Война будит в людях не лучшие чувства, и наши тюрьмы сейчас переполнены еретиками, грабителями, ворами, а порой и теми, кто не столь быстро, как должно было, поддержал нового монарха...

— Боюсь, я немного не понимаю... — отставил бокал с вином статс-секретарь. — Вы хотите сказать...

— Все предлагаемые вашему вниманию товары изготавливаются на тюремных мануфактурах. И, если сделка сорвется, в казне скоро не останется денег на пропитание этих несчастных.

— Благотворительность — не мой конек! — надменно вскинул подбородок кавалер Альгре.

— Именно поэтому мы готовы делать отчисления в размере десятой части стоимости армейских закупок в, скажем так, резервный фонд для укрепления партнерских отношений...

— Вы предлагаете взятку? — приподнял бровь изрядно удивленный такой прямотой Альгре.

— Как можно?! — обмер мастер Нарль.

— Взятку? Какое мерзкое слово, — поморщился я. — Взятки предлагают за что-то однозначно незаконное, а наши товары действительно лучшие. Полагаю, стоит рассматривать эти перечисления как некий страховой взнос. Наш поверенный в Норвейме...

— Это детали, — отмахнулся кавалер. — Скажите-ка лучше, любезный, какой в этом деле интерес лично у вас. Наполнение казны, еда для заключенных — это все понятно. Но вам-то что с того, мастер Магларь? — неожиданно остро глянул мне в глаза статс-секретарь. — А?

— В случае успешного завершения переговоров, — немного даже смутившись, ответил я, — мне было обещано несколько десятин земли неподалеку от Сарина. Имение — дрянь, но оно дает право на титул...

— Это меняет дело! — расплылся в улыбке кавалер Альгре, почувшый родственную душу. — Господа, чего же вы стоите? Присаживайтесь, присаживайтесь!

— Так вы согласны? — вытерев платком вспотевшее лицо, уточнил мастер Нарль.

— Разумеется, ведь ваши товары отменного качества! Надо только обсудить кое-какие детали... — рассмеялся статс-секретарь, и тут на башне ратуши ударил колокол.

И как ударил! Звук врезался в основание черепа, подобно залитой свинцом дубинке, и на какой-то миг у меня перед глазами все поплыло. Стиснув ладонями виски, я дождался, когда затихнут начавшие ворочаться в глубине души призрачные тени, и с облегчением перевел дух. А звон никак не утихал, и вскоре к нему начали присоединять свои голоса колокола по всему городу.

Что за бесовщина? С войны такого не было...

— Не понимаю... — пробормотал мастер Нарль и ошарашенно уставился на распахнувшего дверь драгарнского гвардейца.

— Ваше сиятельство, приказано доставить вас в замок, — прямо с порога отрапортовал служивый.

— Что стряслось?! — вскочил на ноги едва не облившийся от неожиданности вином кавалер Альгре.

— Мор.

2

Ратушу я покинул в растрепанных чувствах. И было отчего: выезд из Лема перекрыли всем, невзирая на чины и звания, а первые заболевшие хоть и появились лишь сегодняшней ночью, но число умерших от непонятной заразы уже перевалило за две сотни. Люди покрывались язвами и сгнивали заживо в считанные часы, и никто даже предположить не мог, что именно послужило причиной этой напасти.

Ну почти никто.

Слишком уж стремительное распространение болезни вызвало у меня нешуточные опасения, а потому я остановил первую попавшуюся телегу с мертвецами, попросту перехватив поводья запряженной в нее коняги.

— Чего еще?! — завопил возница, из-за своей набитой целебными травами маски походивший на какую-то чудную птицу. — Проваливай, а то стражу кликну!

— Остынь! — Я кинул ему серебряную монетку в полмарки и отдернул закрывавшую тела дерюгу. — Постой пока, спешить-то уже некуда.

— Как некуда? — всплеснул руками возница, деньгу, разумеется, спрятав. — Люди мрут как мухи, а возить кому? Мне!

— И Святые с ними, — поморщился я, разглядывая страшные язвы. Кожа и плоть мертвецов оказались прободаны местами до костей, и ни чумой, ни холерой вызвавшая мор болезнь оказаться не могла. Да и быстро, бесовски быстро все происходит.

— А вы, стал-быть, медик, ваша милость? — оценив мой интерес, спросил возница.

— В каком-то роде.

— И что делать?

— Молиться, — на полном серьезе ответил я и зашагал прочь. — Молиться и верить...

И никак иначе — все тела несли на себе отпечаток потустороннего, и без порождений Бездны дело точно не обошлось. Вот только никогда еще одержимость не проявлялась подобным образом! Да и бесы способны овладевать лишь уже источенными грехом душами.

Нет, мор вызвали намеренно — кто-то в своих неведомых целях усилил заразу скверной. И этот кто-то нечеловечески ловок, раз на него до сих пор не объявили охоту экзорцисты из местной миссии ордена Изгоняющих.

А значит — помоги всем нам Святой Себастьян Косарь!

Задумавшись, я не сразу обратил внимание на идущего навстречу высокого светловолосого священника, который слишком уж пристально разглядывал скромного торговца из Марны в моем лице. А когда тот затынул изгоняющий бесов псалом — «*Полный сборник молитв Николаса Слепца*», — спастись бегством стало уже слишком поздно.

Да и куда бежать? Затеряться в толпе нечего и надеяться — ни одной живой души вокруг! Лишь я да этот слишком уж пронизательный святоша! И откуда только его нечистые принесли?!

— Не надо, святой отец! Вы не так все поняли! — собирая в кулак всю свою волю, взмолился я, и тут в меня призрачным молотом врезалась яростная молитва.

Вера священника оказалась сильна. Невыносимая тяжесть обрушилась на плечи и заставила бухнуться на колени, вместо крови по венам потек жидкий огонь, а не дать святому слову развеять заточенных в глубине души отродий Бездны и вовсе получилось ценой невероятных усилий.

— Эх, святой отец... — поднимаясь с колен, страдальчески поморщился я, потом встретился с тяжело отдувавшимся священником взглядом, и ругательства замерли у меня на языке.

Не зря один недоброй памяти экзекутор в свое время сказал, что глаза — это зеркало души. Заколотый в Сарине адепт ордена Пламенной длани был абсолютно прав: глаза и в самом деле могут слишком многое поведать о человеке внимательному наблюдателю.

Особенно если в их бездонных глубинах кружатся обрывки душ загубленных ради власти и личного могущества бесноватых.

Не священник приложил меня молитвой, а брат-экзекутор!

Здесь, в Леме, — экзекутор!

Прибудь он с официальным визитом, об этом бы давно судачил весь город, а значит, полуночник находится в городе на нелегальном положении. И...

...и тут он развернулся и побежал!

Глаза — мать их! — зеркало души, и в меня брат-экзекутор в свою очередь заглянул столь же легко! А заглянув и разглядев легион бесов, немедленно бросился наутек. И немудрено: душа человеческая неспособна выдержать ярость даже двух нечистых, и лишь выродки из выродков — Жнецы — могут совладать с подобной напастью. Не они одержимы, но наоборот.

Превозмогая расходящуюся по всему телу ломоту, я распахнул двери запрятанной в самой глубине души темницы, выхватил из свившихся в клубок порождений Бездны первую попавшуюся бесовскую сущность и заставил ее перетечь в руку. Скрипнул зубами из-за разьедавшей сознание боли, но все же собрался с силами и, словно веригами, обвинил нечистого жгутами скверны. А затем глубоко вдохнул и метнул исчадие Пустоты вдогонку лжесвященнику.

Будто гарпун.

Да так оно в итоге и вышло — наполненная злобой и отчаянием тварь в один миг пронзила саму суть перепуганного человека, и обрат-

ный рывок вместе с бесом выдрал душу беглеца, просто сочившуюся потусторонней силой отправленных экзекутором на костер одержимых.

А вот тело продолжило свой бег — тело не осознало, что оно уже мертво. Никаких ран, никаких увечий — и все же в нем не осталось ни капли жизни. Шагов через двадцать ноги мертвеца подкосились, он рухнул на мостовую и судорожно задергался в изначально обреченной на неудачу попытке спастись.

Не без труда скрутив трофейную силу в безумно колючий клубок, я запрятал скверну под сердце и без всякой спешки направился к подергивавшему ногами экзекутору. Когда подошел, по серой рясе уже растеклось резко вонявшее мочой пятно, но сердце до сих пор колотилось, разгоняя по телу кровь. Осуждающе покачав головой, я ногой спихнул экзекутора в канаву с нечистотами — вот вам и еще одна жертва заразы, — и поспешил прочь.

Табор циркачей, комедиантов и прочих промышлявших уличными представлениями фигляров облюбовал для своей стоянки небольшой пустырь на окраине Лема. Место было выбрано неспроста: одной стороной пустошь примыкала к крепостной стене, другой — терялась в заросшем густым бурьяном овраге, а обитатели соседствовавших с пристанищем бродячих артистов трущоб не торопились кликать стражников, заслышав ругань, крики и шум нередких в творческой среде потасовок.

Не обращая внимания на удивленные взгляды, я спокойно прошествовал мимо группы апатично-похмельных трюкачей, подошел к расписанному всякими таинственными знаками фургону и прищелкнул пальцами, привлекая внимание сидевшего на чурбаке широкоплечего коротышки:

— Альб!

— Ну? — Широко известный в цирковых кругах как гениальный метатель ножей и талантливый жонглер парень прекратил доводить до совершенства зажатый в руке клинок, завернул его в кожаный обрешок и уставился на меня. — Чего?

— Зови Гуго и Берту, — распорядился я и, с трудом задрав обтянутую узкой штаниной ногу, влез в фургон.

Одернул за собой полог, запалил масляный фонарь и с неописуемым облегчением скинул на пыльный пол опостылевший за последние дни сюртук. Следом отправились брюки, туфли и сорочка, так что, когда внутрь проскользнула Берта, на мне оставалось лишь исподнее.

— Хотел меня видеть? — с непонятной улыбкой поинтересовалась высокая черноволосая девушка с резкими, но ужасно привлекательными чертами лица. В провокационных разрезах ее длинной юбки бесстыдно мелькали стройные ноги, а завязанная спереди на узел мужская рубаха не столько скрывала, сколько подчеркивала великолепную грудь.

— Ты мне нужна. — Отперев сундук, я взял замотанное в тряпку зеркало, повесил его на специальный крюк и придержал, когда тяжелая рама закачалась, слегка продавив обтягивавший фургон тент.

— Ну наконец-то, Себастьян, ты признал это!

Качнув бедрами, Берта подступила вплотную, прижалась грудью, и я почувствовал, как в меня уперлись ее напрягшиеся... напрягшиеся, хм...

— Хватит! — потребовал я и отвернулся к зеркалу.

Отвечать на заигрывания циркачки было себе дороже. Если прозванные «черными вдовами» пахартские паучихи пожирали самцов исключительно после спаривания, то Берте даже не требовалось доводить дело до физиологической близости. Попавшие в любовные силки мужики совершенно сходили с ума от одного взгляда ее зеленых глазниц.

Ну и к чему мне такие проблемы?

— Но почему? — продолжая свою игру, потребовала ответа Берта. — Не отрицай, я ведь тебе нравлюсь!

— Не имею обыкновения спать с тем, с кем работаю.

— Ну и продолжай не спать с Гуго и Альбом, а для меня сделай исключение.

— Довольно! Живо тащи расческу и ножницы! — Морщась, я вытащил из ноздрей менявшие форму носа распорки, потом языком вытолкнул изо рта на ладонь придававшие лицу одутловатый вид кожные подушечки и поторопил циркачку: — Быстрее, женщина!

— Как скажешь, о деспотичный ты наш, — вздохнула Берта и наконец оставила меня в покое.

Стиснув зубы, я оторвал приклеенные под глаза мешочки из воска и какой-то вязкой дряни, затем пришла очередь язвочек и гнойничков, а для избавления кожи от нездорового оттенка пришлось воспользоваться смоченной в полынной настойке тряпицей.

— Таким ты мне нравишься гораздо больше, — ехидно улыбнулась Берта и спросила: — Как стричь?

— Покороче, — попросил я и опустил на пододвинутый к зеркалу табурет.

— Твои желания — закон, о повелитель девичьих грез, — проворковала девушка, зашла мне за спину и, не преминув на миг прижаться упругой грудью, занялась стрижкой.

А вскоре пожаловали и остальные циркачи. Альб молча уселся на сундук и обхватил колени своими несуразно длинными руками; Гуго — изящный седовласый фронт в отлично скроенном, но уже изрядно поношенном костюме — неодобрительно поцокал языком и прошелся вокруг меня.

— Так понимаю, у нас действительно проблемы... — раздраженно пробормотал подвизавшийся на ниве балаганных фокусов шеголь, давно уже лелеявший несбыточную мечту получить перевод с разъездной работы на какую-нибудь синекуру в столице.

— Не все так плохо, — морщась из-за щекотавших шею обрезков волос, ответил я.

— Правда?

— Да. Все много-много хуже.

— Мор? — сразу догадался Гуго. — Думаешь, это настолько серьезно?

— Именно, — вздохнул я.

— И что в нем такого? Подумаешь, заболел кто-то! — фыркнул Альб, который отвечал в труппе за силовое решение проблем. Наши проблемы имели обыкновение ходить вооруженными до зубов, но коротышка по праву считался мастером поножовщины, и проколов у него на сегодняшний день не случилось ни разу. А вот шевелить мозгами он по обыкновению не любил.

— Слишком быстро зараза распространяется, — передернул плечами Гуго.

— Мор — не простая зараза. — Я поднялся с табурета, стоило Берте закончить стрижку и худо-бедно стряхнуть обрезки волос с моих плеч и спины. — Мор вызван чернокнижником. В мертвых телах присутствовали отголоски скверны.

— Бесов праздник! — охнул седой фокусник. — Сами розысками займемся или в надзорную коллегия сообщим?

— Кто — мне и без надзорной коллегии известно. Неизвестно лишь, как им это удалось повернуть, — ответил я и зажмурился, смачивая короткий ежик черных волос остро пахнущей хвоей жидкостью. — В Леме орудуют братья-эзекуторы.

— Чушь! — вскинулся Альб. — Не может такого быть!

— Не буду спорить — чушь, — согласился я. — Но по дороге сюда мне пришлось одного из них упокоить.

— Не верю! — продолжил упорствовать жонглер. Оно и понятно: крайне неразумно обвинять в распространении болезни едва ли не самый могущественный монашеский орден, долгие века сжигавший бесноватых по всей полуночи Святых Земель. И не только там...

— Как будто твое мнение имеет какое-то значение! — презрительно скривилась Берта, принеся мне таз с чуть теплой водой.

— Но зачем эзекуторам понадобилось насыпать на город мор? — задумчиво потер гладковыбритый подбородок Гуго. — Неужели Норвейм желает сорвать мирные переговоры Драгарна и Стильга? Какой им в этом резон?

— Не знаю, да и не важно это пока, — отмахнулся я, вытирая голову почерневшим из-за оставшейся на нем краски для волос полотенцем. — Берта, попробуй спрашивать людей о высоких светловолосых монахах или священниках с полуночным акцентом. Альб, поговори с местными, не шляется ли поблизости кто-нибудь подозрительный. Идите!

— Так понимаю, для меня ты приберег самое неприятное задание? — вздохнул Гуго.

— В гостиницу мне возвращаться нельзя. Возьми одежду, подбери подходящий труп с изуродованным лицом и организуй опознание.

Серж Маагларь должен умереть. И заberi зеркало из номера — на нем благословение братьев-экзорцистов.

Неблагословенное зеркало — врата в Пустоту. Ты смотришь на свое отражение, а оттуда на тебя смотрит Бездна. Для обычного человека пустяк, для меня — хуже не придумаешь. *«Зеркала как греховные очи Бездны»*.

— А переговоры?

— Его сиятельство уже заглотнул наживку, с остальным справится мастер Нарль.

Кавалер Альгре сам накинул петлю себе на шею, и, когда со временем из Марны по армейским закупкам начнутся поставки некачественных товаров, отказаться от якобы столь выгодного сотрудничества он уже не сможет. А значит, будет на коротком поводке.

— Слава Святым! — с облегчением перевел дух Гуго. — Слава Стильгу!

— Поторопись.

Фокусник выбрался из фургона; я непроизвольно прикоснулся кончиками пальцев к раме зеркала, уловил присутствие оставленного экзорцистом благословения и глянул на свое отражение.

Ну, здравствуй, Себастьян Март, мелкий чин Тайной службы Стильга.

Неплохо выглядишь. Поправился разве только, и...

...и тут мне в грудь вонзился проткнувший тент длинный узкий клинок! Гибкая полоска холодной стали, скользнув меж ребер, пробила сердце и согнулась, а в следующий миг ее одним рывком выдернули обратно.

Какое-то мгновение я стоял, пытаюсь остановить хлеставшую из раны кровь, а потом со всех сторон навалилась темнота, колени подогнулись, и голова совершенно деревянно стукнулась о доски настила.

Ну да — я умер. Окончательно и вроде как даже бесповоротно.

3

Умер — и оказался посреди заполненной серостью беспредельной Пустоты. Я ничего не видел, не слышал и не ощущал — и вместе с тем доподлинно знал, что вырвавшиеся на свободу бесы, подобно скрытым водной гладью акулам, начинают нарезать круги вокруг моей защитной души.

Стремительный рывок — и самое шустрое из порождений Бездны вцепилось в столь желанную добычу, но лишь затем, чтобы немедленно сгореть в объявшем его святом огне. Остальные бесы, спасаясь от неминуемой гибели, сами забились в наиболее глухие закутки моей души, а исцеленное сердце вновь начало разгонять по жилам кровь.

Какое-то время я беззвучно глотал воздух открытым ртом, после попытался подняться, но руки тут же подогнулись, и лицо уткнулось в лужу натекашей на пол крови. Пару минут полежал так, потом пере-

валился на спину и осторожно прикоснулся к зарубцевавшемуся шраму под левым соском.

Лихо меня. Нет, действительно лихо.

И сам бы лучше не исполнил.

Остается только вопрос: кто? Альб или Берта?

На чужих грешить не стоит: никто не знал о моей привычке касаться зеркала, прежде чем в него посмотреть. И где именно зеркало висит — тоже.

А так — дернулся тент, и лети, душа, в Свет.

Ну ничего, разберусь. Только Гуго дождусь для начала — он-то при всем желании обежать фургон и столь ювелирно пырнуть меня клинком никак не успевал.

Выжженные на руке святые письма, которые и развеяли самого шустрого беса, заодно исцелив рану крупными его скверны, ныли просто невыносимо, долетавший до пустыря колокольный звон колол похуже вражеского копья, и меня вновь начало мутить.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я зачерпнул из таза мыльной воды и оттер с торса и лица только-только подсохшую кровь. Потом, достав из сундука короткие широкие штаны, синюю рубаху и расшитую затейливыми узорами кожаную жилетку, оделся и с кряхтением натянул на ноги тяжелые пехотные ботинки с железными набойками на носках. Перевел дух, прикрыл короткий ежик рыжих волос куцей кепчонкой и с залитой свинцом дубовой дубинкой в руках уселся на табурет.

Подождем. Подождем — да.

Первым, на мое счастье, явился Гуго. Насвистывая мотивчик из популярной в этом сезоне оперы Антонио Лири, фокусник забрался в фургон и с изумлением уставился на залитый кровью пол.

— Себастьян, ты кого-то убил? — заозирался он по сторонам. — А где тело? В сундуке?

— Нет, — скривился я и перевернул таз. Окрасившаяся в розовый цвет вода утекла сквозь щели, и кровавое пятно перестало бросаться в глаза. — Скорее это меня убили. И вполне успешно, только не до конца.

— Ты в порядке? — всполошился фокусник.

— Теперь — да.

— Кто это был?

— Не знаю, — покачал я головой и указал на неприметную прореху в тенте. — Ударили с улицы.

— Но почему именно сейчас? — наморщил лоб Гуго и вдруг охнул: — Кто-то из нас работает на Норвейм?

— Ничего другого мне на ум не приходит.

— Альб или Берта? Или меня ты тоже подозреваешь?

— Ты бы не успел фургон обежать.

— Хоть в чем-то повезло.

— И не говори. Остается только выяснить, кто именно скривился.

— Где ты стоял? — спросил Гуго и потянул меня к зеркалу. — Только встань на то самое место! Это важно!

Выполнять распоряжение не хотелось просто жутко — теперь никакая молитва не спасет! — но я пересилил себя и подошел к зеркалу. Подспудно ожидая повторения смертельного удара, протянул руку к деревянной рамке, сдвинулся немного в сторону и кивнул:

— Здесь.

— Куда был нанесен удар?

Я нехотя задрал рубаху и показал белую отметину шрама с левой стороны груди.

— О, Святые! — воскликнул пораженный фокусник. — Точно в сердце!

— Хотелось бы выразить восхищение такой точностью лично...

— Так, били снизу вверх и немного наискось, с правой руки, — задумался Гуго и поспешил к закрывавшему вход пологу. — Подожди!

Чувствуя давящую на плечи усталость, я присел на табурет и хлопал увесистой дубинкой по ладони. А ведь так замечательно день начинался! Так замечательно...

Вернувшийся в фургон Гуго с отсутствующим видом уселся на сундук и печально вздохнул:

— Я бы предпочел, чтобы предателем оказалась эта стерва...

— Альб?

— Он.

— Откуда такая уверенность?

— К борту придвинут бочонок. Крышка протерта.

— Неудивительно, — фыркнул я. — Даже Берте не дотянуться с земли.

— Она высокая, ей несподручно бить с бочонка снизу вверх, — пояснил фокусник. — При ее росте удар вышел бы скорее горизонтальным. И знаешь, она бы непременно зашла оценить результат. А вот Альб в этом отношении излишне самоуверен. Вечно его контролировать приходится.

— Зови выродка. — Поднявшись с табурета, я спрятался за вешалку со сценическими нарядами и предложил: — Скажи, что обнаружил мое тело, все осмотрел и нужна его помощь.

— Сделаю, — вздохнул Гуго и, задув фонарь, выбрался наружу.

Вскоре послышались голоса, потом полог дрогнул, и внутрь проскользнула невысокая, коренастая фигура жонглера. Непривычный к темноте Альб на какой-то миг замешкался, не веря собственным глазам — где труп?! — и подарил мне великолепную возможность примериться и садануть его дубинкой, не опасаясь из-за спешки перестараться и проломить череп.

Парень рухнул как подкошенный; немедленно подскочивший к жонглеру Гуго кандалами из реквизита приковал его правое запястье к левой лодыжке, а потом мы повыкидывали из сундука пыльное барахло и сгрузили туда предателя, предварительно отыскав все запрятанные в его одежде ножи.

— Что дальше? — тяжело отдуваясь, спросил фокусник. — Сообщим Изгоняющим?

— Нет, этот сучонок сейчас запоет.

— Сомневаюсь. А потрошить его здесь нельзя.

— Уж поверь, он нам сам все расскажет. — И я парой хлестких пощечин привел Альба в чувство. — Ведь расскажешь?

— Гори в Бездне! — заорал жонглер и тут же захрипел из-за слегка сдавивших шею пальцев. — Отпусти...

— Посмотри мне в глаза, — потребовал я, но парень крепко зажмурился и, насколько позволяли стенки, попытался отвернуться. — Гуго, запястье.

Фокусник потянул на себя левую руку жонглера, и со всего маху захлопнувшаяся крышка перебила предплечье с явственно прозвучавшим хрустом. А вот последовавший за ним вопль оказался каким-то очень уж приглушенным и вряд ли привлек внимание ко всякому привычных циркачей. Спокойно открыв сундук, я ухватил корчившегося Альба за волосы и уставился ему в глаза. Тот попытался отвести взгляд, но не смог.

Теперь его сознание разрывала боль, куда более пронзительная, чем от перебитой кости. Заточенные во мне бесы силились вырваться на волю, и жалкая душонка предателя казалась им сейчас самым восхитительным прибежищем для своих измученных сущностей. Они упоенно рвали и тягали ее, а потом я мотнул головой, заставляя нечистых успокоиться, и потребовал:

— Говори!

— Экзекуторы в доходном доме в переулке Виноградарей! — прорыдал совершенно убитый касанием потустороннего Альб. — В мансарде!

— Сколько их?

— Четверо. Всего их было четверо!

Я захлопнул крышку и повернулся к Гуго:

— Не задохнется он там?

— Нет, специально дырки просверлены, — успокоил меня фокусник и поежился. — Страшный вы человек, господин Март.

— Да уж не без этого, — поморщился я из-за столь сомнительного комплимента. — Гони сюда Берту, надо навестить господ экзекуторов.

— Одни пойдем?

— Да. Беги.

Сам я нашел в куче сваленного у заднего борта барахла потертый кожаный саквояж, вынул из него сверток провощенной бумаги и, откинув крышку сундука, осторожно сыпанул в перекошенное от боли и страха лицо жонглера щепоть перемолотых в труху трав. Альб чихнул, потом глаза у него закатились, и он провалился в забытие.

Вот и замечательно.

Отложив сверток, я навесил на сундук массивный замок, и тут в фургон забралась Берта.

— Что-то случилось? — встревоженно поинтересовалась она. — Гуго ничего толком не объяснил!

— Переоденься во что-нибудь попримочней, — попросил я. — Появилась работа по твоему профилю.

— Пойдем вдвоем? — Развязав узел рубахи, девушка стянула ее и кинула на вешалку, потом позволила соскользнуть с бедер юбке и без капли смущения осталась в чем мать родила.

— Нет, Гуго с нами.

— А где Альб?

— Он не сможет присоединиться, — демонстративно отвернувшись от белевшей в темноте женской фигуры, ответил я. Из-за пережитого накатила нервная дрожь, нестерпимо захотелось завалить в койку первую попавшуюся красотку, и вид обнаженной циркачки вызвал прилив крови туда, куда ей приливать сейчас совершенно не стоило.

Фыркнувшая Берта вошла в обтягивавшее тело подобно второй коже черное трико и, ради соблюдения приличий, накинула сверху просторный балахон, от которого при необходимости могла избавиться чуть ли не одним движением руки. Легкие сапожки на тонкой подошве, кожаные перчатки и стянувшая волосы косынка тоже нареканий не вызывали, и если на девушку и будут оборачиваться на улице, то лишь из-за ее врожденной грации и красоты.

— Понадобится оружие? — уточнила Берта, заметив, как я убрал в котомку залитую свинцом дубинку, пару ножей и шило — трехгранный клинок закаленной стали в две трети локтя длиной.

— У меня для тебя кое-что другое припасено. — И я отдал ей сверток. — Надо будет высыпать в дымоход.

— Легко.

— Только сама не надышись.

— Да уж не первый раз замужем...

4

Найти доходный дом в переулке Виноградарей проблем не составило. Хотя спросить дорогу и оказалось совершенно не у кого — Лем будто вымер, и навстречу попадались лишь забытые трупам телеги с мрачными и неразговорчивыми возницами. И если в приличных районах многие горожане толпились у моленных домов, то на окраине не было и этого. Обитатели трущоб либо гниющими телами валялись в канавах, либо заливали страх дешевым пойлом. А те, кому решимости не хватило даже на визит в ближайший кабак, отсиживались за запертыми дверями в надежде, что беда пройдет стороной.

— Дети почти не болеют, — сообщил мне Гуго и сильнее натянул на голову обтрепанную шляпу с позолоченной пряжкой на тулье. — Зато отребье с городского дна через одного слегло. Многие даже поговаривать начали, что это кара за грехи людские.

— Чушь, — фыркнул я. — Приятней всего каяться в чужих грехах.

— Поверить не могу, что это экзекуторы натворили, — поежилась притихшая Берта.

— Разберемся, — пообещал я, поднимаясь на крыльцо доходного дома.

И хоть гости с полуночи, не желая привлечь внимания местных стражей порядка, выбрали один из тех гадюшников, где никто никогда ничего не знает, не видит и не помнит, пара зуботычин и несколько серебряных марок мигом исправили эту ситуацию.

— Они в мансарде, окна на улицу выходят, — облизнув рассаженную о чью-то слишком угловатую скулу костяшку, сообщил Гуго де-вушке. — Пойдем, покажу нужную трубу. — И уже мне: — Себастьян, только не геройствуй в одиночку.

— Само собой.

За Берту я несколько не волновался. Выросшая в семье акробатов девушка хоть и не подходила фактурой для полетов под куполом цирка, но взбиралась по отвесным стенам и сновала по крышам на удивление ловко.

Поднявшись по скрипучей лестнице на третий этаж, я у нужной двери замедлил шаг, уловил запах благовоний и поспешил по коридору дальше. Не стоит торопиться — все надо проверить без сучка без задоринки. Трое экзекуторов — это серьезно. У меня и с одним лишь благодаря нешуточному везению так легко справиться получилось.

Присев на корточки в темном углу, я дождался запыхавшегося Гуго и вытащил из котомки нож с узким, слегка изогнутым клинком.

— Готово?

— Да. Вьюшка открыта была, дым шел.

— Тогда пошли.

— Не подействует на нас твое зелье?

— Маску надень.

Я замотал лицо сложенной вдвое полосой черной материи, просунул в щель клинок и без труда приподнял щеколду. Осторожно открыл дверь и проскользнул в комнату. А там — замер, едва переступив порог.

— Вот ведь! — прошептал у меня за спиной Гуго.

Я затащил его в номер и поспешил запереть дверь.

Действительно — «вот ведь»! Таково уж было наше везение, что экзекуторов мы застали в самом разгаре смены личин. Двое светловолосых парней наряжались в униформу «серых сюртуков» — служащих дворцовой охраны Стильга, — а на кровати рядом с чернявым задохликом лежал полный кожаный наряд брата-экзорциста, ему, без всякого сомнения, великоватый.

— Не похож этот на уроженца Норвейма! — засомневался Гуго, указав на темноволосого парня.

— Они в Руге через одного такие.

Я проверил всех троих и с облегчением перевел дух — спят. И проснутся никак не раньше чем через десять — двенадцать часов.

— Ты только посмотри! — разволновался фокусник, схватив со стола исписанные убористым почерком бумаги. — Это план residen-

ции генерал-губернатора, расписание смены караулов и пароли на эту декаду!

— И никаких следов чернокнижника, — с отрешенным видом огляделся я по сторонам.

Совершенно никаких. Комната как комната. Ни тебе нарисованных кровью пентаклей, ни человеческих жертвоприношений. И все трое экзекуторов здесь.

Ничего не понимаю.

— Их осведомитель должен иметь доступ к секретной информации! — изучив записи, заявил Гуго и уставился на меня. — Но если они планировали обычное убийство, зачем переполошили всех этим мором?

— Не знаю. Возможно, мор не их рук дело, — нахмурился я и взвесил в руке найденный среди бумаг жетон служащего дворцовой охранки. — Настоящий!

— Не может быть!

— Точно тебе говорю. И, раз экзекутор крутился неподалеку от ратуши, зуб даю, их агент кто-то из «серых шуртуков», дежуривших там сегодня. Или... или кто-то из свиты герцога Гастре.

— Что будем делать? — спросил Гуго, пряча записи в потайной карман камзола.

— Вязать будем. Что еще?

И мы начали вязать. «Ласточкой». Так, чтобы малейшая попытка освободиться приводила к затягиванию петли на шее. Только бы спросонья теперь не удавились. Ну да это уже не наши заботы.

Наскоро покидав брэнчавшее серебряными колокольцами одеяние экзорциста в обнаруженный под кроватью баул, я дождался, когда Гуго выпотрошит найденные в комнате кошель, и набросил шнурок на шеколду. Выпустил фокусника в коридор и, удерживая запор в поднятом состоянии, ступил следом.

— Идем! — поторопил меня Гуго.

— Сейчас! — Выдернув шнурок, я убедился, что освобожденная шеколда упала и заперла дверь, и поспешил за подручным. — Ходу!

На улице к нам присоединилась успевшая спуститься с крыши и накинуть поверх трико балахон Берта, и я начал отдавать распоряжения:

— Гуго, найди связного в миссии Изгоняющих, пусть заберут наших гостей с полуночи. Берта, возвращайся в фургон и не спускай глаз с Альба.

— А что с ним не так?

— Он в сундуке, — усмехнулся фокусник. — Работал на этих гадов.

— Никогда мне эта обезьяна не нравилась, — презрительно поморщилась девушка.

— Позже попробуем его разговорить.

— А сам ты куда? — забеспокоился Гуго.

— Надо предупредить охранку.

— Не боишься нарваться на предателя?

— Нет.

Я махнул своим подельникам и поспешил обратиться с улицы в темный переулок. Надежный контакт среди «серых сюртуков» у меня имелся, а одеяние брата-экзорциста даст возможность пообщаться с нужным человеком, не привлекая излишнего внимания к своей скромной персоне. Так что в этом отношении проблем не предвиделось ни малейших...

Вот только проблемы нашли меня сами. Неожиданно из какого-то закутка навстречу вынырнули две плечистые фигуры, и, поскольку на обычных уличных грабителей мрачные бугаи нисколько не походили, я со всей силы шибанул плечом ближайшую дверь, легко выломал хлипкий засов и со всех ног бросился бежать по коридору. Не встретив ни единого человека, промчался через кухню, выскочил в пустой зал таверны и выругался, заметив двух мордovorотов, подпиравших входную дверь.

— В своей непредсказуемости, господин Март, вы становитесь ужасно предсказуемым, — спокойно произнес сидевший за угловым столом худощавый мужчина, чье лицо скрывала надвинутая на лоб широкополая шляпа. — Парадокс.

Кроме зубоскала и его подручных, больше в таверне никого не оказалось, но и пятеро на одного — не самый удачный расклад. К тому же неугодного человека гораздо проще зарезать в подворотне, чем устраивать из этого целое представление.

И поэтому я спокойно прошествовал к угловому столу, бросил баул под ноги и уселся напротив таинственного незнакомца, в голос которого слышался слабый намек на акцент, свойственный выходцам из континентальной части Ланса.

— В самом деле?

— Как видите. — Мой собеседник снял шляпу и оказался представительной внешности господином средних лет, с острым прямым носом, аккуратно подстриженной бородкой и пронзительными глазами опытного шпика. Слишком пронзительными даже для опытного шпика. — У меня есть к вам вопрос.

— С чего мне отвечать на вопросы «рыбьей крови»? — припомнил я презрительное прозвище уроженцев континентальных провинций Ланса.

— Справедливо. — В ответ на оскорбление на лице франта не дрогнул ни один мускул, он лишь дотронулся до рубиновой серьги в левом ухе и скривил в улыбке тонкие бескровные губы. — Поэтому предлагаю сделку: вы отвечаете на мой вопрос, а я помогу остановить мор.

— Не думаю, что мне понадобится ваша помощь.

— Норвейские выродки собирались устранить канцлера Драгарна, и только. К мору они непричастны.

— Зачем им эта смерть?

— Канцлер выступает за совместный с Лансом раздел государств Пакта, а Норвейму, напротив, выгодна эскалация конфликта.

— Хотят под шумок отвоевать Руг?

— Именно, — кивнул ланский шпик. — Но речь сейчас не о том. Важно то, что в Драгарне хватает горячих голов, ратующих за продолжение военных действий и полный захват всей территории Пакта. Именно они и приказали ликвидировать канцлера, не считаясь с сопутствующими жертвами.

— Даже с такими?

— Слишком высоки ставки. Главное для них — избежать малейших подозрений в причастности к произошедшему. Что же касается смертей... Гибель канцлера развяжет армейским сорвиголовам руки, а остальное для них значения не имеет. Наоборот, меньше вопросов возникнет. Это как прятать сорванный лист в лесу. Очень умно, вы не находите?

— И чего вы хотите?

— Ответьте на один вопрос и узнаете, где можно найти исполнителей.

— Предпочитаете решать проблемы чужими руками?

— Не без этого.

— Спрашивайте.

— Нам известно, что вы были там, где были, и сделали то, что сделали. — Мой собеседник выложил на стол сверток, развернул его и продемонстрировал изогнутый нож с обугленным лезвием-когтем. — И кто вас сопровождал, нам тоже известно. Но мы не знаем, — шпик стрельнул взглядом в сторону стоявших у входа мордovorотов и понизил голос, — куда потом делся некий Ричард Йорк...

Я задумчиво повертел в руках клинок, надавил, и тот с тихим хрустом обломился у самой рукояти. Желая выиграть время, вытер ладонь о штанину и лишь тогда спросил:

— Зачем вам это?

Зачем? Да нет, зачем — понятно. Интерес пославших франта людей вызван родословной пропавшего рыцаря. Вероятно, кто-то прознал о том, что официально считавшийся умершим в детстве первенец ланского монарха Эдварда Первого последние годы жил, скрываясь под личиной капитана Гвардии Довласа.

Вопрос, что с этим знанием собираются делать. С какой целью кто-то решил разворошить прошлое?

— Одни хотят его возвысить, — пожал плечами шпик, — другие, наоборот, опасаются его возвышения. Внутренняя политика, ничего интересного.

— И те, и другие могут отправляться в Бездну.

— Зря вы так, господин Март!

— Это ответ на ваш вопрос, — оборвал я собеседника. — И другого ответа у меня не будет.

— Хотите сказать...

— Он ушел туда сам и за шиворот утащил с собой вашего драгоценного Жнеца.

В семь лет Ричард Йорк умер, но остался жить из-за темных чар и любви к великой герцогине Довласа. И когда его госпожу убили заго-

ворщики, рыцарь без колебаний пожертвовал собой, дабы спасти нас всех. Спасти нас всех — и отомстить.

— Ясно. — Шпик без спешки поднялся из-за стола и водрузил на голову шляпу. — Вам нужна заброшенная часовня у закатного моста.

— Благодарствую. — Мне не удалось удержаться от смешка.

Задумчивый господин прошел к входной двери, там развернулся и вновь потеревил серьгу.

— Не советую в будущем посещать мою родину. Четвертование — не та вещь, которая придется вам по вкусу, — заявил он на прощанье и вышел на улицу.

— И в мыслях не было, — мрачно буркнул я.

Четвертование! Ну надо же! А ведь услугу им оказал! Не устрани мы духовного лидера ереси Единения, пришлось бы Ланс огнем и мечом в лоно Церкви возвращать. А они — четвертование!

Рыбья кровь!

5

К заброшенной часовенке я подошел, уже облачившись в кожаное одеяние брата-экзорциста. Звон серебряных колокольчиков на плаще и шляпе неминуемо должен был заранее предупредить злоумышленников о моем приближении, но на это и делался расчет.

Ждете Изгоняющего? Будет вам Изгоняющий. Все будет...

Наверное, только из-за одеяния меня и не подстрелили на подходе. А стоило войти в заброшенное здание, как тут же послышался глумливый голос:

— Посмотрите только, кто к нам пожаловал!

Подкидывавший и ловивший кинжал живчик в коричневом камзоле, бриджах и высоких сапогах радостно заулыбался при моем появлении, а вот прятавшийся за балюстрадой на втором этаже арбалетчик остался предельно собранным и серьезным.

— Здесь творятся дурные дела, — туманно ответил я, во все глаза уставившись на высокое, чуть ли не в рост человека зеркало у дальней стены, перед которым горело несколько толстенных, заплывших причудливыми наростами воска черных свечей. Оттуда веяло чем-то до боли знакомым, вот только никак не получалось разобрать чем. — Чувствую присутствие Бездны!

— Да неужели? — Из соседнего помещения вышел смуглый горбоносый мужчина в просторном одеянии, с непонятной склянкой в руке. — Тогда ваш долг — выжечь скверну огнем своей веры!

Я наполнил легкие воздухом, собираясь на одном дыхании проговорить подходящую к случаю молитву, и вдруг понял, что потустороннее не в людях. Скверна окутывала их, делала сильнее, быстрее и решительнее, но не гнездилась в душах. Она была, и в то же самое время ее не было.

— Ну что же вы, святой отец? — рассмеялся гварь и провел свободной рукой по странному ожерелью, собранному чуть ли не из человеческих костяшек и зубов. — Жгите!

— Как вы делаете это? — спросил я, больше рассчитывая потянуть время, чем получить какой-то конкретный ответ.

— Бесноватые, господин экзорцист, это все бесноватые. При правильном обращении они чрезвычайно полезны, — заявил чернокнижник — а чернокнижник ли? — и поднял руку с заполненной прозрачным раствором бутылочкой, в которой плавало самое настоящее человеческое око. — Вот этот глаз, к примеру, принадлежит спутавшемуся с порождениями Бездны гениальному живописцу. Прямо сейчас он рисует ваш портрет, поэтому проявите уважение — покажите лицо. И заодно извольте объяснить, как вам удалось отыскать это место!

— Разве потеря глаза не должна была сказаться на чувстве перспективы? — Я кинул стянутую с головы шляпу под ноги, а вот снимать полумаску не стал.

Вместо этого, потянувшись к свившейся под сердцем в колючий ледяной клубок скверне, заставил ее растечься по телу и сразу ощутил связь нанизанных на золотую цепочку зубов, обломков костей и кусочков иссушенной плоти с заточенными в Драгарне бесноватыми. По уходящим прямиком в Бездну нитям потустороннего из брошенных в казематы одержимых беспрестанно выкачивались крупницы силы, которые накапливались в страшном украшении, наделяя при этом его владельца просто поразительными способностями. И что хуже всего — проклятое ожерелье позволяло чернокнижнику не пятнать следами потустороннего собственную душу! И потому выжигающие из людей скверну молитвы сейчас ничем помочь не могли. *«Ритуалы изгнания младших бесов», глава «Слуги Бездны и методы обуздания оных».*

— Этот художник настолько гениален, что рисует свои полотна вслепую. Нам понадобились оба его глаза, — ответил гварь. — Вашу маску!

Поигрывавший кинжалом хлыщ шагнул ко мне и с неприятной ухмылкой поинтересовался:

— Помочь? Это мы быстро...

— Стой! — крикнул почуявший вдруг неладное гварь, и я резким прыжком сорвался с места.

Потусторонняя сила будто подтолкнула в спину, позади впустую клацнул по камням арбалетный болт, а мгновение спустя выхваченный из широкого рукава плаща нож вонзился меж ребер только начавшего замахиваться кинжалом торопыги.

Изо рта смертельно раненного человека вырвался сдавленный сип, и я отшвырнул обмякшее тело под ноги чернокнижнику. Без толку — тот легко перемахнул через подельника и в прыжке выбросил вперед крепко сжатый кулак. Унизанные костяными перстнями пальцы обожгли ледяным касанием скверны, и, хоть кожаное одеяние убергло от грозившего поработить волю заклинания, неожиданный удар все же опрокинул меня на пол.

Даже не пытаясь подняться на ноги, я перекатился в сторону, и подхвативший второй арбалет стрелок вновь допустил промах. А вот чернокнижник в один миг оказался рядом и навалился сверху. Но поздно — кончики моих пальцев уже скользнули по холодной глади зеркала.

Бездна невидимым тараном вломила в сознание, заточенные в душе бесы рванули навстречу родной стихии, стремясь перехватить контроль над телом, и в голове немедленно зазвучали чьи-то призрачные голоса.

«Расслабься, успокойся, и все будет хорошо. Только расслабься и дай нам помочь тебе! Мы подарим могущество, о котором ты и не мечтал! Сокрушим всех врагов, наделим властью...»

Крутившаяся в голове молитва пламенной волной смысла наваждение, а потом провалившаяся в зазеркалье рука стиснула нити скверны, тянувшиеся от ожерелья чернокнижника в Бездну, и заставила — пусть и на один лишь краткий миг! — польхнуть их огнем моей веры.

Навалившийся сзади главарь неожиданно всхлипнул, его пальцы судорожно сжались и, цапнув ногтями скулу, сорвали у меня с лица полумаску. Рывком за ворот хламиды я стащил с себя чернокнижника, упершись левым предплечьем в гортань, прижал его к полу и всадил в живот вытащенное из-под плаща шило. И сразу, даже не выдернув из раны трехгранный клинок, откатился в сторону.

Вовремя! Едва не зацепивший бедро болт прошил полу плаща и с лязгом срикошетил от каменной кладки!

Вскочив на ноги, я под предательский звон колокольчиков метнулся в соседнее помещение и, на ходу стягивая кожаное одеяние, спрятался за угол. А когда слышал топот сбежавшего со второго этажа арбалетчика, зашвырнул скомоканный плащ в темень ухודившей куда-то вниз лестницы. Серебро весело звякнуло о каменные ступени уже в подвале, и уловивший далекий перезвон стрелок смело ворвался в дверь.

И в тот же миг растянулся на полу, споткнувшись о выставленную ногу! Ни встать, ни дотянуться до отлетевшего при падении оружия он уже не сумел — с силой опустившийся на висок каблук ботинка заставил его череп треснуть, будто гнилой орех.

Удостоверившись в смерти несчастного ублюдка, я вернулся к скорчившемуся у злополучного зеркала чернокнижнику и, пихнув в грудь подошвой, опрокинул его на спину. Спокойно выдернул загнанное в живот шило и, подавшись вперед, уверенным движением воткнул клинок в глазницу. Ощутил, как пронзившее мозг острие скользнуло по затылочной кости, и только тогда извлек оружие из уже мертвого тела.

Вот так! Никаких раненых, никаких пленных. Мне и одного смертного приговора с лихвой хватит. Так и так не дали бы делу ход — нам на текущем этапе мир с Драгарном как воздух необходим.

Тут, потирая располосованное ногтями лицо, я заметил валяющуюся на полу бутылочку с вперившимся в меня глазом слепого художника и в сердцах пнул сорванную в пылу борьбы полумаску. Вот ведь незадача!

С тяжелым вздохом поднял стекляшку и, легонько потряхивая ее, отправился в подвал, откуда явственно тянуло отголосками скверны. Осторожно спустился по осклизлым ступеням, сошел с лестницы и невольно подался обратно, разглядев в тусклом свете стоявшего на каменной плите фонаря распятого на засыпном земляном полу человека. Точнее — существо, человеком некогда бывшее.

В полумраке изъеденная глубокими язвами и кишевшая червями плоть показалась просто омерзительной, от резкой вони заслезились глаза и начал подкатывать к горлу комок тошноты. А потом я с ужасом осознал, что несчастный до сих пор находится на грани жизни и смерти. Пойманный в ловушку проклятой души бес не давал телу умереть, и благодаря этому чары, наложенные на пронзившие руки и ноги костяные костыли, продолжали и продолжали отравлять горожан.

Вот он — источник мора.

Я поставил бутылочку с глазным яблоком к фонарю и, проведя носком ботинка по земляному полу одну непрерывную черту, заключил в круг и себя, и бесноватого. Вполголоса прочитал короткую молитву, заставившую в судорогах забиться одержимого порождением Бездны человека, потом собрался с решимостью и как-то очень уж легко вырвал нечистого из отравленной отчаянием жертвы.

Стиснул своей волей пытавшуюся вырваться на свободу тварь и подивился, какую прорву силы несла в себе потусторонняя сущность. Это отродье не чета бледным теням былых повелителей Пустоты, заключенным в моей душе!

Ключ к подлинному могуществу — вот что это такое! И ведь все-го-то лишь надо присовокупить беса к остальным нечистым! Просто выпить переполюнявившую его скверну, просто...

Я мечтательно улыбнулся, потом поднял бутылочку с плававшим в растворе оком и, подмигнув ему, зашвырнул нечистого — прощай, искуситель! — по уходящей в Бездну нити скверны. Глазное яблоко вздрогнуло и бесформенным комком слизи осело на дно стекляшки, стоило двум сошедшимся в схватке бесам в клочья разорвать своей яростью душу слепого живописца.

Личное могущество — это хорошо, но иногда надо что-то и для других делать.

Например, прервать мучения бесноватого художника, по случайному стечению обстоятельств занятого сейчас написанием моего портрета.

Зачем, ну зачем кому-то в Тайной службе Драгарна лицезреть мою физиономию?

Ни к чему это. Я не тщеславный, мне еще пожить охота.

Работа такая, ничего не попишешь.

*С моих слов записано верно,
Себастьян Март*

Материалы королевского трибунала по обвинению Себастьяна Марта в предательстве интересов Короны

Докладная записка

Себастьян Март, граф Сольгрев, кавалер орденов Святого Мартина второй степени и марнийского «Серебряного орла».

Родился в семье преуспевающего сапожника в Акрае в 948 году от Великого Собора. В семнадцать лет за убийство приговорен городским судом к десяти годам каторжных работ, вместо отбывания наказания завербовался в армию. Участвовал в войне с Драгарном (964 — 966 годов В. С.), за Лемскую битву пожалован памятный знак.

В 966 году В. С. принят в королевскую Тайную службу, зарекомендовал себя хорошо и вскоре был назначен командиром разъездной группы. В 971 году В. С., выполняя задание на территории Марны, подвергся воздействию потусторонней сущности, в силу чего приобрел способности заточать в своей душе бесов и скверну.

В течение следующего года выполнял обязанности консультанта при надзорной коллегии, впоследствии принял участие в экспедиции на остров Дивный, в результате которой были найдены так называемые «проклятые» наконецники.

За оборону Магрева по личной инициативе короля Марны Альберта Третьего награжден орденом «Серебряного орла». Кроме того, оперативная группа под руководством обвиняемого уничтожила четырех Высших, а также устранила духовного предводителя еретиков, что в немалой степени способствовало скорейшему заключению мирного договора и возвращению Ланса в лоно истинной веры.

После окончания боевых действий вышеуказанная группа ликвидировала заговор, целью которого была узурпация трона Довласа. Ставший возможным в результате этих действий брак Рауля Доминика Мора, графа Луринги, и великой герцогини Анны Кайраони-Грешлиан привел к существенному усилению влияния Стильга в данном регионе.

В рамках трибунала рассматриваются действия обвиняемого, совершенные им на государственной службе в период с 974 по 976 год от В. С.

Выдержка из протокола допроса

Обвинитель. — Признаете ли вы себя виновным в предъявленном обвинении?

Подсудимый. — Нет.

Обвинитель. — Признаете ли факт сотрудничества с разведкой Ланса?

Подсудимый. — Нет.

Обвинитель. — Однако, находясь в Леме, вы приняли помощь от агента иностранной разведки.

Подсудимый. — На тот момент я не располагал достоверной информацией о личности осведомителя.

З а щ и т н и к. — Получается, это не вы инициировали сотрудничество с разведкой Ланса, а они, руководствуясь собственными интересами, на безвозмездной основе передали вам сведения?

П о д с у д и м ы й. — Так и было.

О б в и н и т е л ь. — Вам не показалось это подозрительным?

П о д с у д и м ы й. — Показалось.

О б в и н и т е л ь. — И, несмотря на это, вы воспользовались этой информацией?

П о д с у д и м ы й. — Ситуация требовала принятия неотложных действий, и в ходе расследования полученные сведения полностью подтвердились.

О б в и н и т е л ь. — Почему вы не потрудились захватить черно-книжника живым?

П о д с у д и м ы й. — Это было неоправданно рискованно. Я не мог одновременно следить за пленным и устранять причину распространения заразы.

О б в и н и т е л ь. — Предлагаю считать заявление обвиняемого о предотвращении им покушения на участников мирной конференции, проходившей в 974 году В. С. в Леме, бездоказательным. А учитывая факт сотрудничества с агентом тайной службы Ланса и хладнокровное убийство духовного лица, предлагаю приговорить Себастьяна Марта к казни через повешение.

З а щ и т н и к. — Считаю обязанным напомнить, что обвиняемым была вскрыта разведывательная ячейка Святого сыска Норвейма, а вышеуказанное духовное лицо осуществляло на территории Стильга деятельность, не совместимую с монашеским статусом.

О с о б о е м н е н и е представителя ордена Изгоняющих. — Убийство обвиняемым брата-эзекутора относится исключительно к юрисдикции Церкви и не может быть рассмотрено в рамках настоящего процесса.

П р е с е д а т е л ь. — Заседание будет продолжено.

Допрос второй **ОЧАГ СКВЕРНЫ**

Месяц Святого Артура Странника
год 975 от Великого Собора

1

Большую часть жизни разъездной сотрудник Тайной службы проводит в дороге. Приходится, конечно, менять личины, вынюхивать, выпытывать, резать глотки, в конце концов, но в промежутках меж этими сколь увлекательными, столь и неприятными занятиями ты попросту тащишься из одной забытой Святыми дыры в другую.

И хорошо, если путешествовать удастся в скрипучей почтовой карете. Зачастую выпадает месить сапогами грязь или глотать пыль, попутно проклиная ливень, студёный ветер, нещадную жару и прочие погодные катаклизмы.

Была бы дорога — а что проклинать, найдется.

Но, даже когда удастся странствовать с комфортом — например, удобно развалившись на мягком сиденье в экипаже с отличными рессорами, — расслабляться не стоит. Пусть тяготы пути и отступают на второй план, от попутчика в этом случае можно ждать куда больших неприятностей, нежели от ватаги лихих людишек, вознамерившихся всего-навсего обчистить кошель или позаимствовать почти новый плащ.

Расслабляться не стоило — да. Но отказаться от бокала «Вельмского пламени» я просто-напросто не смог. Не все же дешевой бурдой в придорожных тавернах накачиваться. К тому же Малькольм Паре терпеть не мог пить в одиночестве, а портить настроение главе королевской Тайной службы Стильга с моей стороны было бы весьма неосмотрительно.

Да и букет, букет просто восхитительный! И это чудесное... как там его... А! Послевкусие! Недурственное вино, в общем.

— Примите мои поздравления, господин Март! Ваши зимние гастроли, — это слово Малькольм Паре произнес без всякой иронии, — были по достоинству оценены на самом высоком уровне. А за операцию в Леме его светлость лично передавал свою благодарность.

— Премного польщен, — ухмыльнулся я и отпил вина.

— Перестань, Себастьян, — досадливо поморщился развалившийся напротив меня глава Тайной службы, — расположение иных людей куда важнее очередной красивой вислолки на парадный мундир. Которого, к слову сказать, у тебя нет.

Я изобразил на лице смешанное с пониманием раскаяние и вслух выражать сомнения в долгой памяти канцлера на добрые дела не стал. Можно подумать, у герцога Гастре других дел нет, кроме как помнить о рядовом сотруднике Тайной службы.

Но Малькольм мигом раскусил эту нехитрую игру и пригрозил пальцем:

— Тебе ли жаловаться?! Помнится, не так давно монарх некоего сопредельного государства даровал кое-кому в собственность имение, дающее право на наследственное дворянство. Не так ли, ваше сиятельство?

— Себастьян Март, граф Сольгрев! — расплылся я в улыбке. — Звучит! Не напомните только, какой у имения годовой доход? Сорок шелегов? Или целых пятьдесят?

— Важен сам факт.

— С этим не поспоришь. — Я осушил бокал, убрал его на подставку и спросил: — Но вы ведь не из-за этого меня в попутчики затребовали?

Ничуть не походивший в своем дорожном одеянии на влиятельного вельможу Паре тяжело вздохнул, глянул на карманные часы и подтвердил:

— Не из-за этого.

— Проблемы? Есть нечто такое, о чем мне следует знать?

— Тирош, — с непонятым выражением лица произнес Малькольм. — Ты ведь слышан, сколь непростая сейчас ситуация в Тироше?

— Наслышан.

Узурпировавший трон дядя законной наследницы весьма неосмотрительно принял сторону еретиков, и одним из условий мирного договора стало разделение великого герцогства на части. Полуночные земли отошли Довласу, рассветные — Марне, а оставшиеся стали провинцией Стильга. Под управлением герцогини, но тем не менее — провинцией. И это обстоятельство не давало покоя как местным реваншистам, так и щедро ссужавшим им деньги недоброжелателям Короны.

— Его величество всецело поддерживает политику примирения, проводимую ее светлостью Вероникой, но зачастую этих усилий оказывается недостаточно...

— Будем содействовать?

— К сожалению, не все так просто, — вздохнул Паре. — Есть мнение, что сейчас не время раскачивать лодку. Мне настоятельно рекомендовали не предпринимать никаких мер даже по отношению к самым одиозным личностям.

— А какова позиция Ланье? — спросил я, зная, что глава надзорной коллегии обладал куда большей свободой действий и отчитывался лишь перед канцлером. — Его тоже попросили не раскачивать лодку?

— Ланье будет действовать только при наличии неоспоримых доказательств и не напрямую, а через королевский суд.

— Все так серьезно?

— Серьезней некуда, — нахмурился Малькольм. — Все вдруг стали слишком уж щепетильно относиться к правам тирошского дворянства. Только и разговоров о том, что нельзя допустить волнений. А по мне, так лучше выжечь лопнувший гнойник, чем загонять болезнь вглубь! Крамола — не чирей, если не трогать, только хуже станет.

— И кого конкретно нам придется выжечь? — вздохнул я.

— Нам — никого, — покачал головой Паре и отдернул закрывавшую оконце кареты занавеску. — В начале следующей декады состоится празднество по поводу именин ее светлости Вероники, поэтому арест любого мало-мальски известного аристократа вызовет нешуточный скандал.

— Но кое-кому на празднестве в Кланице лучше бы не появиться?

— Граф Жиль Валич потерял в сражении под Роневом обоих сыновей. Сейчас он привечает в своем имении помилованных дезертиров и, по моему глубокому убеждению, намеревается устроить в Кланице

беспорядки. А мученики, положившие свою жизнь на алтарь независимости Тироша, нужны нам меньше всего.

— Если он внезапно умрет, — поморщился я, — вам наверняка начнут задавать разные неприятные вопросы.

— Переживу как-нибудь, — расплылся в загадочной улыбке Малькольм и вдруг спросил: — Ты ведь слышал, какие ужасы творятся нынче в окрестностях Рживи? Кто-то, проводя ритуал изгнания бесов, загубил уже десяток человек.

— Разве это не дело рук экзекуторов?

— Не их почерк.

— Да? А разве в округе не участились случаи одержимости?

— Приходские священники хоть и сбились с ног, но к экзекуторам за помощью точно не обращались.

— Полагаете, Жиль Валич подходит на роль следующей жертвы?

— А почему, собственно, нет? — пожал плечами Паре. — Но учти: нам совершенно не нужны неожиданные осложнения. Поэтому для начала разыщи настоящих убийц и позаботься о том, чтобы они, будучи пойманными, не стали откровенничать с дознавателями.

— Ясно, — кивнул я. — Кто введет меня в курс дела?

— Все уже на месте. Валентин Дрозд собирает информацию в городе, а Гуго и Берта встретят тебя в «Жареном петухе» — это постоянный двор у переправы через Влану.

— Валентин — что делает?

Валентин Дрозд, шпагоглотатель и метатель ножей, приданный нам после безвременной кончины Альба, был конченным пройдохой, и доверять ему какое-либо расследование не стоило ни при каких обстоятельствах.

— Не беспокойся, патент дознавателя надзорной коллегии фальшивый. В случае провала бумаги просто растворятся в воздухе. Как и Дрозд. И ты вместе с ним, уж не обессудь.

— А Ланье в курсе, что мы в качестве прикрытия используем его ведомство?

— Кто знает, о чем господин Ланье в курсе, а о чем нет? — улыбнулся Малькольм и протянул мне замшевый мешочек. — Взгляни лучше на это.

Я развязал тесемку и вытряхнул на ладонь перстень с рельефным оттиском символа Изначального Света.

— Бесов праздник! — только и выдохнул я.

— Не сквернословь, — ничуть не удивился подобной реакции Малькольм. — Официалу ордена Изгоняющих не подобает вести себя столь непотребным образом.

— И за что мне такая честь?

Пусть официалы — светские лица, привлекавшиеся монахами для расследования преступлений против ордена и веры, — и не обладали властью самостоятельно вершить правосудие, но получить серебряный перстень простому шпику не светило ни при каких обстоятельствах.

— Из-за той истории с зеркалами его преосвященство проникся к тебе истинной симпатией, — улыбнулся Паре.

— Странное выражение благодарности, — пробурчал я и поежился, припомнив оборотней, воровавших чужие отражения.

Жуткие были типы. Неудивительно, что перепуганные вельможи все как один кинулись спрашивать у монашеской братии благословения для своих домашних зеркал, и доходы ордена в один миг подскочили едва ли не вдвое. А поскольку хрупкому стеклу свойственно биться, золотой поток хоть и обмелеет, но окончательно не иссякнет никогда.

— Не назвал бы это благодарностью, — возразил Малькольм и кинул мне на колени свиток, перевитый синей лентой с сургучной печатью на конце. — Приказ о твоём утверждении. Учти — должность проходит по всем церковным реестрам.

Вот радость-то! Вместо одного хозяина два стало! Но деваться некуда, от такой чести не отказываются.

Ладно, как изрек кто-то из проповедников, «кому больше дано, с тех больше и спрашивают». Прорвемся.

— От ордена в Рживи кто-нибудь будет? — уточнил я и вытащил из-под сиденья потрепанную дорожную сумку. Убрал в потайное отделение свиток и выглянул в окошко. Вдоль дороги уже протянулась серо-синяя лента реки. Подъезжаем.

— Разобраться в ситуации прислали брата-экзорциста. Недавний выпускник, ничего пока еще собой не представляет.

— Мне с ним сотрудничать?

— Не дай ему натворить глупостей.

— Хорошо.

— И учти — это не просьба, а приказ. У меня на этого паренька определенные виды.

— Ясно.

— Празднование состоится через пять дней. Я сейчас еду в Кляницю, там и буду ждать вестей. Не подведи.

— Уж постараюсь.

— И вот еще что... — Малькольм Паре вытащил из саквояжа несколько обгорелых листков и протянул мне. — Держи.

— Это еще что?

— Небольшая премия. Думаю, тебе будет интересно ознакомиться. Только после спалить не забудь.

— Непременно.

— Ну все, беги. Удачи.

Кучер придержал перед мостом лошадей, и я прямо на ходу выпрыгнул из кареты в дорожную грязь. Сунул хрупкие листочки во внутренний карман, закинул на плечо лямку сумки и зашагал вдоль берега по раскисшей после дождей тропинке.

Ознакомлюсь, почему не ознакомиться? И сжечь не забуду, уж будьте уверены. За некоторую писанину и самого на костер отправить могут, мне ли не знать...

• Осквернитель •

Часть первая ТЕМНОЕ ПЛАМЯ

*Месяц Святого Фредерика Копьеносца
Год 989-й от Великого Собора*

1

Меня зовут Себастьян Март, и последний раз я убил человека двенадцать лет, три месяца и семь дней назад.

Полагаете, гордиться здесь особо нечем?

Кому как, уважаемые, кому как...

Добропорядочному обывателю — нечем, но я еще в ранней юности связался с дурной компанией и неминуемо сгнил бы на каторге, не одумайся вовремя и кандалам арестанта не предпочти кирасу пехотинца. После — не лучше; после были годы работы на королевскую Тайную службу и возвращение на городское дно, только уже не безызвестным жуликом, а главой собственной шайки.

Удивительная карьера для мальчишки, рожденного в семье потомственных сапожников; для того, чья жизнь заранее расписана от начала и до самого конца.

Ведь если не стряется никаких глобальных потрясений, не прибежит к рукам случившаяся вдруг война, не унесет мор, не зарежут в темной подворотне лиходеи, твой удел до самой смерти тачать сапоги и шить туфли. И отдать Святым душу в собственной постели в окружении многочисленных родных и близких.

Если не сопьешься, разумеется. Выражение «пьет как сапожник» вовсе не на пустом месте родилось.

Быть может, именно эта предопределенность и оттолкнула меня от семьи?

Первый раз я попытался перехитрить собственную судьбу, когда вместо монастырской школы начал день-деньской пропадать в компании малолетних оболтусов на узеньких улочках припортовой округи. И сгинуть бы юному Себастьяну с ножом меж ребер в какой-нибудь темной подворотне, кабы не розги святых отцов да тумачи родного папаша. Впрочем, окончательно и бесповоротно наставить меня на путь истинный не сумели ни учителя, ни семья: уже в тринадцать лет я начал работать на господина Оша — скупщика краденого и ростовщика, за свою деловую хватку прозванного Мешком Костей.

Четыре года я собирал слухи, вел счета, выбивал долги и пристраивал к делу нужных людей и в итоге стал правой рукой старого хрыча,

но, когда меня самого прихватили на горячем, он пальцем не пошевелил, чтобы добиться освобождения погоревшего подручного. Наоборот — попытался утопить еще глубже. При таком раскладе на каторге было не продержаться и декады; единственным способом избежать заточки в бок стала вербовка в королевский пехотный полк.

Глупость несусветная, и судьба-злодейка тихонько посмеивалась в кулачок, подсчитывая шансы восемнадцатилетнего юнца уцелеть в боине, деликатно именовавшейся в официальных кругах Закатной кампанией. И посмеивалась неспроста: после битвы на Лемском поле наша сотня превратилась в полторы дюжины калек. Удивительное дело — мне тогда повезло отделаться парой царапин.

И повезло вдвойне, когда столь поразительную удачливость отметил вербовщик королевской Тайной службы. Надо ли говорить, что на его предложение поработать в интересах Короны я согласился без колебаний и раздумий? Возвращаться обратно на передовую не было ни малейшего желанья.

И понеслось! Разъезды и переезды. Служка и вербовка. И убийства конечно же — куда без них?

За пару лет я исколесил Святые Земли вдоль и поперек, везде и всюду оставляя за собой трупы и нераскрытые преступления. Самому тоже доставалось не раз и не два, но как-то выкручивался, уходил, запутывал следы, зализывал раны...

А потом в далеком Лансе к власти пришли последователи культа Единения, и случилась большая война. Еретики всерьез вознамерились распространить свое влияние на все Святые Земли и в этом стремлении едва не преуспели.

И немудрено — ведь помогали им сами бесы.

Таинственный Жнец вселял нечистых в тела людей, чьи души от рождения обладали связью с потусторонним, и ни экзорцисты ордена Изгоняющих, ни экзекуторы Пламенной длани оказались не способны противостоять темной волшебке Высших.

Я столкнулся с подобной тварью за год до войны, столкнулся — и, полагая, будто имею дело с обычным бесноватым, решил проблему привычным для себя образом, с помощью заточки.

И тогда вырвавшийся из брэнного тела бес проник в мою душу!

Обитатель Бездны рассчитывал полностью подавить волю человека, но вместо этого сам попал в плен. Мне удалось запереть нечистого в своей душе; там он и пребывает до сих пор. И пребывает не один, а в компании собратьев по несчастью — подобный трюк затем приходилось проворачивать не раз и не два.

Но, как бы то ни было, в войну с Лансом мы вступили, не зная о противнике ровным счетом ничего. По крупницам собирали информацию, хватались за любую ниточку и в итоге сорвали банк — отыскали оружие, способное не просто уничтожить тела Высших, но дотла выжигать саму их суть. Обитатели одного затерянного в Старом море островка, прозванного впоследствии Дивным, наполняли клинки столь жгучей тьмой, что ее призрачный пламень заставлял бесов

вспыхивать и сгорать ничуть не хуже, чем случайная искра воспламеняет пересушенное на солнце сено.

Проклятые наконечники были овеществленным злом, но надо ли говорить, что мы без колебаний пустили их в ход?

Для начала проредили ряды Высших, потом добрались и до Жнеца.

Нас было шестеро. Ваш покорный слуга. Жулик и мошеник Якоб Ланц. Угодивший в жернова войны обычный паренек Карл Вадер. Генеральный лучник Эдвард Рох. Перебежчик и потомственный черно-книжник Густав Сирлин. А еще — капитан Гвардии великого герцогства Довлас Ричард Йорк, жизнь в котором долгие годы поддерживали лишь *скверна* да любовь к своей госпоже.

Именно Ричард Йорк спас нас всех, сгинул в Бездне, но — спас.

И все постепенно вернулось на круги своя. Постепенно, понемногу, но вернулось. И я вновь начал колесить по Святым Землям, только теперь уже в чине начальника разъездной группы. Точнее — трупшы, сплошь состоявшей из циркачей бродячего балагана.

Первое время нам сопутствовала удача, и разорившийся антрепренер Себастьян Март, акробатка и танцовщица Берта, старый фокусник Гуго и развлекавший публику трюками с огнем и ножами Валентин Дрозд несколько лет выходили сухими из воды. После к трупше прикрепили Марка Бонифация Тарнье, и только-только окончивший семинарию экзорцист по уши влюбился в Берту, но проблемой это не стало.

Просто не успело ею стать.

Нас переиграли. И ладно бы ночная гвардия Драгарна, нет — в спину ударил уцелевший при разгроме еретиков Высший. Трупша сгинула, спасти удалось лишь Берту, да и ту отравил Тьмой чересчур любвеобильный чернокнижник, когда пытался заполучить в коллекцию ее лицо.

Карьера моя, разумеется, отправилась псу под хвост, более того — в итоге мы с Бертой оказались разменной монетой в хитрой дворцовой интриге, которую затеял глава Тайной службы Малькольм Паре. К счастью, ему удалось переиграть высокопоставленных вельмож, наладивших поставки дурмана с острова Дивный, и вместо виселицы мы получили шанс начать новую жизнь.

Берту приставили нянькой к отпрыску сгинувшего Ричарда Йорка; мне предложили пойти по стопам прежнего работодателя — Мешка Костей. Себастьян Март исчез, на смену ему явился Себастьян Шило, главарь шайки, через которую на сегодняшний день проходит большая часть контрабандных поставок пахартского опиума.

При этом я не забываю тайную службу, а тайная служба не забывает меня.

Покровительство оказывается в обмен на информацию и золото, и сотрудничество это в полной мере устраивает обе стороны. Все довольно, только вот в душе моей гнездятся бесы, я не переносу колокольного звона и боюсь зеркал, из которых в мир людской украдкой заглядывает сама Бездна. И пусть пока удается удерживать нечистых на

коротком поводке, но с каждым годом это требует все больших и больших усилий.

Именно поэтому я больше не убиваю людей, именно поэтому давно отринул скверну, именно поэтому каждую декаду прихожу сюда и выворачиваю душу наизнанку.

Просто не хочу потерять самого себя.

Так помогите мне в этом, Святые! Дайте сил и уберегите от ошибок!

Я поднялся с колен и оглядел полутемное помещение молельного дома; ряды скамей, светильники с потушенными уже свечами, на стенах — образа Святых. Тишина, спокойствие, умиротворенность.

Благодать, что рассеивает скверну и помогает держать бесов в узде.

— Себастьян... — подступил невысокий и сутулый священник, в плохо подогнутом к его нескладной фигуре одеянии.

— Благословите, святой отец, — склонил я перед ним голову.

Тот легонько прикоснулся к моей макушке, прошептал слова короткой молитвы, и вдоль позвоночника ровно металлической щеткой провели, а в груди защемило, и накатило неуловимое ощущение счастья, слегка приправленного малой толикой печали.

— Да хранят тебя Святые, Себастьян, — произнес священник, отнимая руку.

— Благодарю, отче, — произнес я, чувствуя, как отпускают тревоги и заботы.

Вот ведь! Вроде и никаких причин для беспокойства нет, а скрутило всего, будто перед непогодой. И не суставы крутит — нутро.

С чего, почему — непонятно.

— Себастьян! — тронул меня за плечо священник.

— Да? — встрепенулся я, стряхивая задумчивость.

— Сегодня мы проводим всенощную службу во здравие герцога Гастре, не желаете присоединиться?

Я покачал головой:

— К сожалению, отче, меня ждут в другом месте.

— Не беда, — мягко улыбнулся священник. — Приходите чаще, вам всегда здесь рады.

— Обязательно, — пообещал я, хоть прекрасно знал, что в следующий раз появлюсь тут через декаду, и ни днем раньше.

Попрощавшись со священником, я распахнул тяжеленную дубовую дверь, шагнул под сыпавшее мокрым снегом небо, и тотчас из темноты выступил невысокий жилистый паренек.

— Плащ, мастер? — уточнил телохранитель, расправляя приготовленное для меня теплое одеяние.

— Не стоит, Ори, — покачал я головой и забрал у него лишь трость с массивным серебряным набалдашником. — Не холодно.

Зимы в Стильге по обыкновению своему мягкие, не стала исключением и эта. И пусть слякоть, промозглый ветер с моря и вечная морось опостытели хуже горькой редьки, но лучше уж так, чем лютые морозы полуночных земель.

Мы вышли за ограду молельного дома, и слонявшийся там бугай с ломаным носом и приплюснутыми ушами бывалого кулачного бойца немедленно юркнул в ближайшую подворотню. Тотчас послышалось лошадиное всхрапывание, мягко зацокали по мостовой подкованные копыта, и на улицу вывернула запорошенная снегом карета.

Крепыш придержал лошадей и пробасил:

— Порядок, мастер.

— В королевские термы, Гастон, — распорядился я и забрался на обтянутую кожей скамью. Ори захлопнул дверцу, после вскочил на запяжки, и, раскачиваясь на неровной брусчатке, карета тронулась в путь.

За оконцем проносились подсвеченные фонарями здания с островерхими крышами, изредка на фоне темно-серого неба мелькали колокольни молельных домов, а вот горожане на глаза попадались нечасто. Оно и немудрено — погода собачья, по бульварам и скверам уже особо не погуляешь. Зимой обыватели все больше по кабакам горячим вином согреваются.

А я вот в королевские термы еду.

Выстроены те были еще дедом нынешнего монарха и по праву считались гордостью столицы. Комплекс из нескольких монументальных строений включал в себя огромную помывочную для городской бедноты, гильдейские залы и отдельные кабинеты богатеев, а по большим праздникам туда наведывались и титулованные особы.

Особой популярностью термы по понятным причинам пользовались поздней осенью и зимой. В холодные ненастные вечера горожане сначала грели косточки на горячих камнях, а потом расползались по окрестным питейным заведениям и принимали там согревающее уже внутри.

Для такой погоды — лучше не придумаешь, но я ехал в термы совсем по другому поводу.

Тягучий гул главного колокола монастыря Святой Терезы прокатился над городом, когда карета уже вывернула на проспект Святого Огюста. Звякнуло оконце; звук пронзил, смял и враз вывернул наизнанку измученную душу.

Будь внутри хоть крупица скверны, — неминуемо разбил бы паралич, да я и так едва не сполз с сиденья на пол, стоило умчавшемуся прочь звону вернуться раскатистым эхом и нанести новый удар. Скрипнули зубы, ладонь до боли стиснула серебряную рукоять трости, рубаха на спине вмиг промокла от пота.

Тут, на мое счастье, карета выехала на мост через Эверь, но передышка долго не продлилась: как только серая гладь воды осталась позади, тишину опустившегося на Краю вечера разметала лихорадочная какофония.

Умер! Умер! Умер! — трезвонили колокола монастырей.

Умер! Умер! — подхватывали звонари молельных домов.

Умер! — басовито разносилось от монастыря Святой Терезы.

Умер не кто-нибудь, а герцог Гастре, королевский канцлер. Человек, руководивший государством последние три десятка лет. Скон-

чайся сейчас его величество Грегор Четвертый — и то треволений вышло бы меньше.

— Примите, Святые, душу его светлости, — прошептал я, кое-как отдышавшись.

После прикрыл глаза и усилием воли заставил успокоиться воровавшихся в глубине души бесов. А когда корчившиеся в судорогах нечистые наконец затихли, вытащил из нагрудного кармана камзола носовой платок и промокнул сочившуюся из ноздри кровь.

Уф! Пожалуй, так сильно меня с Лема не прихватывало. Помню, когда по поводу мора колокола заголосили, чуть сердце не остановилось, будто у нежити какой.

У нежити? Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

Понемногу в голове прояснилось, виски перестало ломить, пропали мельтешившие перед глазами точки, а там уже и карета остановилась.

Гастон без промедления распахнул дверцу, Ори протянул плащ. Я накинул на плечи теплое одеяние, зябко поежился и глянул в хмурое небо, с которого сыпалась то ли морось, то ли мелкий мокрый снег.

— Все в порядке? — забеспокоился Ори.

— В полном, — подтвердил я и, тяжело опираясь на трость, направился к королевским термам. Парни двинулись следом.

У центральных ворот по обыкновению толпились многочисленные нищие; не обратив внимания ни на их протянутые руки, ни на выставленные напоказ язвы и увечья, мы зашли за ограду и миновали сначала вход для простолюдинов, а потом и куда более богато украшенное крыльцо для знати. Обогнули длинный пристрой, из труб на крыше которого валили клубы дыма, и очутились у неприметной двери черного хода.

Я постучал рукоятку трости и обернулся к парням.

— Встречайте как обычно, — наказал им, слышав лязг засова.

— Сделаем, — кивнул Ори и принял от меня плащ, но с места не двинулся.

Хорошие ребята. Исполнительные. Явно ведь не терпится в близлежащую рюмочную для челяди завалиться, но нет — стоят под снегом, марку держат.

— Идите уже! — отпустил я охранников и шагнул к ребятам не столь габаритным и приметным, но ничуть не менее исполнительным.

Парень с фонарем для начала внимательно взгляделся в мое лицо и только потом приказал коллеге со связкой ключей на поясе:

— Проводи.

Тот запер входную дверь и обшарпанными коридорами повел меня вглубь служебных помещений. Вскоре я окончательно потерялся в лабиринте путаных переходов, а вот провожатый здесь прекрасно ориентировался и через пару минут блужданий уверенно свернул в неприметный закуток. Там он отыскал на связке нужный ключ, отпер дверь и посторонился, освобождая проход:

— Проходите.

Я переступил через порог; дверь немедленно захлопнулась, скрипнул замок.

Говорю же — исполнительные.

Опустившись на скамейку, я вытащил из-за голенища шило с трехгранным клинком вполлоктя длиной, стянул грязные сапоги и уже бо-сиком прошел к массивному шкафчику, сколоченному из потемневших от времени дубовых досок. Убрал на верхнюю полку заточку, туда же кинул перчатки, а камзол аккуратно расправил и повесил на плечики.

После отцепил от пояса чехол с коротким, загнутым наподобие звериного когтя ножом и не удержался, чтобы не обнажить его и не полюбоваться обоюдоострым клинком, черным и недобрым, словно осенняя полночь.

Традиционное пахартское оружие мне лет пять назад подарил тамошний деловой партнер, и нож этот, как ни удивительно, показал себя в деле с самой лучшей стороны. Изогнутое лезвие не только пугало своей необычностью, но и позволяло контролировать глубину реза, а это бесовски важно, когда собираешься пустить кровь без риска отправить жертву к протцам.

Игрушка? Вот уж не сказал бы. При некоторой сноровке такой игрушкой ничего не стоило в мгновение ока разделить человека, будто сельдь; и к тому же моей вотчиной был пахартский квартал, и ритуальный клинок туземного божка смерти одним своим видом наводил на местных обитателей самый настоящий ужас.

Но любовался — и будет.

Чехол с клинком отправился к шилу; я стянул рубаху и брюки, из-бавился от исподнего и встал напротив ростового зеркала, с задней стороны, как знал доподлинно, помеченного печатью-благословением ордена Изгоняющих. Глянул на собственное отражение и лишь покачал головой.

Наружность худощавого господина средних лет с холодными глазами и соломенного оттенка волосами можно было бы счесть даже неприметной, кабы не впечатляющая коллекция шрамов, белыми рубцами расчертивших все тело.

Какая общая помывочная, о чем вы?

Я криво ухмыльнулся, обмотал вокруг бедер банное полотенце и толкнулся во внутреннее помещение. Слегка разбухшая дверь распахнулась с резким скрипом; двое сидевших за столом парней смерили меня подозрительными взглядами, но сразу успокоились и вернулись к прерванной игре в кости.

Ну да — без верхней одежды спутать меня с кем-то другим довольно проблематично.

Откинув перегородившую проход тяжелую занавесь, я распахнул следующую дверь и очутился в просторной комнате с накрытым столом. В одном из хрустальных бокалов на доньшке уже атели остатки вина, поэтому задерживаться там я не стал, привычной дорогой прошел мимо бассейна, от которого так и тянуло холодком ледяной воды, и шагнул в парную.

Горячий, насыщенный влагой воздух немедленно окутал со всех сторон, при малейшем движении он обжигал кожу, и по спине, плечам и груди заструились капельки воды.

Ух, хорошо!

Хорошо — да, но где же гостеприимный хозяин?

Господин заместитель главы дворцовой Охранки обнаружился в небольшой нише, где он полулежал на каменной плите, откинувшись спиной на облицованную мрамором стену.

Слегка погрубевший за последние годы, с ярко-рыжей шевелюрой и унизанными многочисленными перстнями пальцами Джек Пратт обыкновенно походил на преуспевающего жулика. Обыкновенно — но только не в термах.

Все его тело от пяток и до шеи покрывали затейливые татуировки, свободными от цветных наколок оставались только лицо и кисти рук. Цитаты из Святых писаний, символы веры, пентакли и совсем уж непонятные закорючки сплетались в единую картину и производили на неподготовленного зрителя впечатление просто неизгладимое. Да и мне от них, честно говоря, всякий раз становилось не по себе.

Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что столь вызывающая нательная роспись не была личной прихотью моего рыжего приятеля, а являлась вынужденной мерой, если не сказать служебной необходимостью.

В обязанности Пратта как заместителя главы Охранки входила защита от потустороннего воздействия дворцовой челяди и придворных, а скверна прилипчива донельзя — сам не заметишь, как в душе бесы гнездо совьют. Поэтому все татуировки Джека имели вполне утилитарное предназначение: одни защищали от гипноза, другие предохраняли от сглаза, третьи не давали навести порчу. *«Нательные знаки как защита от скверны».*

— Падай, рыжий! — поприветствовал меня Джек шлепком ладони по мраморной плите рядом с собой.

Я осторожно опустился на теплый камень и сообщил:

— Канцлер умер.

— Мне доложили, — кивнул Пратт и нервно потерев вислый ус.

Джек был одним из двух людей, кто доподлинно знал о моем сотрудничестве с Малькольмом Паре, потому я спросил у него напрямую:

— И что теперь будет?

— Похороны, вестимо, — отшутился рыжий пройдоха, поднялся на ноги и предложил: — Пойдем, помянем его светлость.

Выйдя из парной, мы окунулись в ледяную воду бассейна, наскоро обтерлись и расположились за столом. Там Джек разлил по рюмашкам крепленое красное вино, традиционное для закатных провинций Драгарна, пригубил сам, выжидающе посмотрел на меня.

Я отхлебнул рубинового напитка, и на языке будто цветок расцвел. Наслаждаясь богатым насыщенным вкусом, маленькими глотками допил вино и напомнил:

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Не ответил, — подтвердил старинный приятель и с задумчивым видом взял с тарелки тонюсенький ломтик сыра. Отправил его в рот, прожевал и вздохнул: — Не знаю, Себастьян, что теперь будет. Просто не знаю.

— Все так запущено?

Пратт неопределенно пожал плечами и вновь наполнил бокалы.

— Идем? — спросил он после.

Я потер неровный шрам, тянувшийся от левого запястья и до локтя, и поднялся из-за стола:

— Идем.

Мы вернулись в парную, уселись на разогретую мраморную плиту и какое-то время просто наслаждались накатившим со всех сторон теплом. Зная своего рыжего приятеля как облупленного, я разговор возобновлять не спешил и в итоге не прогадал: Пратт пригубил вино и вдруг с нескрываемой горечью произнес:

— Знаешь, герцог Гастре относился к придворным как к колоде карт. Тасовал их по своему усмотрению, и никто даже пискнуть не смел. — Джек сделал глоток и устало вытянул ноги. — А теперь на смену железному старику в канцлеры метят кронпринц Иоанн, которого готовили-готовили к вступлению на престол, да так и не подготовили, и его желчный дядюшка, полагающий, будто его плешивая макушка станет куда лучше смотреться с короной!

Я задумчиво кивнул, принимая услышанное к сведению.

Кузен его величества принц Августин никогда своих притязаний на трон особо не скрывал, но при жизни канцлера никаких активных действий в этом направлении не предпринимал, лишь изредка шокируя высший свет резкими, явно провокационными заявлениями. Официальный же наследник Грегора Четвертого — его племянник кронпринц Иоанн — полагал свою будущую коронацию делом решенным и участием в государственных делах предпочитал разгульную жизнь в фамильном охотничьем замке.

Поговаривали, правда, будто сбежал он туда вовсе не от политики, а от оставленной в столице супруги. Ладно хоть наследников перед этим настрогал...

— И они еще будут указывать мне, как надо работать! — продолжил распаляться Джек Пратт. — Они! Мне!

— Указывают, да? — про себя посмеиваясь, округлил я глаза.

— Да что с тобой разговаривать! — влет раскусил мою игру Джек, который до перехода в Охранку работал шпиком надзорной коллегии и видел людей насквозь. — Тебе, Себастьян, только бы позубоскалить, а у меня голова от них пухнет! Орут и приказывают! Приказывают и орут! И все — невпопад! — Пратт вздохнул и махнул рукой: — Ай, да что я распинаюсь, один бес, тебе не понять!

— На меня не покричишь, да, — подтвердил я, сделав очередной глоток вина.

Приятель задумчиво глянул на свой бокал, потом неопределенно хмыкнул и опрокинул в себя его содержимое.

— Тебе хорошо, — вздохнул он, поднялся с мраморной плиты и зашагал на выход.

Я — следом.

Вода в бассейне на этот раз обожгла холодом горного ручья, но я все же немного поплавал и даже окунулся с головой, прежде чем выбраться наружу. После прошел в комнату отдыха, а там Джек уже разлил нам по новой.

— За его светлость! — объявил он, залпом выпил вино и плеснул себе еще.

У меня в голове уже шумело, поэтому я торопиться не стал и лишь слегка пригубил ароматный напиток.

Хорош, зараза, но больно уж крепкий.

— А хуже всех герцог Арно! — продолжил Пратт разговор о наблевшем.

Я о внучатом племяннике его величества был немало наслышан, потому лишь приподнял брови, демонстрируя заинтересованность.

Джек потянулся всем телом, и украшавшие его тело татуировки поползли, подобно живым змеям, свиваясь в новый узор.

— Герцог Арно! — будто сплюнув, повторил Джек и вдруг резко вскинулся, даже расплескав вино. — Слышал о «Червонном клубе»? — спросил он, отряхивая руку.

— Доводилось, — подтвердил я.

В свое время это сборище бездельников и вертопрахов из высшего света наделало много шума, но, поскольку верховодил там старший сын кронпринца Иоанна, распоясавшимся юнцам сходили с рук все их пьяные выходки.

— А знаешь, почему их разогнали? — прищурился захмелевший Джек.

— Нет, — ответил я, сделал очередной глоток и облокотился на стол. — История об этом умалчивает.

— Ну, еще бы! — фыркнул Пратт, которого просто распирало от желания выговориться. — Всем посвященным было строго-настрого приказано держать язык за зубами! — Рыжий замолчал и с кислым видом оглядел заставленный закусками стол.

Я разлил остатки вина, убрал под лавку пустую бутылку и попросил:

— Ты продолжай, продолжай...

Джек прожевал ломтик сыра и вытер пальцы о полотенце.

— Они устроили оргию, — сообщил он и, предвосхищая неизбежный вопрос, добавил: — В тронном зале.

— Лихо, — усмехнулся я и переложил себе на тарелку уголок рыбного пирога.

— Это еще что! — фыркнул Джек и вдруг одернул меня: — Эй! Ты брюхо набивать сюда пришел? Открывай новую бутылку!

Я срезал сургуч и принялся вкручивать штопор в пробку.

— Так что там с герцогом? — спросил, прежде чем с приглушенным хлопком откупорить бутылку. — Выкладывай уже, не томи!

Пратт принял наполненный бокал и только тогда ухмыльнулся:

— Да ничего такого, просто герцог свою тогдашнюю страсть сношал не где-нибудь, а на троне.

— Ох ты! — Я аж вином поперхнулся и покачал головой: — Предупредить надо!

— Канцлер, когда об этом узнал, просто дар речи потерял, — продолжил Джек. — Ну, и вправил молокоосу мозги. — Рыжий помолчал и печально добавил: — Уж лучше б не трогал...

— Чего так? — удивился я, прекрасно понимая, каких усилий стоит замять подобного рода скандал.

— А того, что после этого нагоняя наш вьюноша решил поиграть в солдатиков и упросил папеньку выправить ему патент полковника королевских уланов. Для кронпринца, сам понимаешь, это как для нас на углу пирожок купить.

— Так понимаю, в уланах герцог надолго не задержался? — предположил я, накладывая себе на тарелку разных сыров.

— Пару лет перекаптался, а потом ему новая блажь в голову ударила. Теперь в рыцарей плаща и кинжала играет, — зло процедил Джек и резко черкнул себя ребром ладони поперек горла. — Вот где у меня его кадры!

— Подожди, подожди! — Я припомнил название не так давно созданной службы по охране королевской фамилии и спросил: — Ты о Пурпурной палате, что ли?

— О ней, — подтвердил Пратт. — Представляешь, им на землях дворцового комплекса свою территорию выделили, куда не только моим людям ходу нет, но и Охранке вообще! А ведь там и сам герцог пребывает, и папенька его, кронпринц, на время визитов в столицу останавливается! И как мне свою работу теперь выполнять, а?! Вот ты скажи — как?!

— Дела! — покачал я головой. — Слышал, у них даже тюрьма собственная?

— Да какая там тюрьма, — досадливо отмахнулся Джек. — Старую скотобойню на окраине перестроили, вот и вся тюрьма. Да пусть они в городе что угодно творят, только не на моей земле, понимаешь?!

— Понимаю.

— И мне ведь еще повезло! Наше третье управление этот сучий выкормыш полностью под себя подмял!

— Охранка теперь политикой не занимается, что ли?

— Давно уже! Пурпурная палата — это, по сути, наше третье управление и есть. Карла Готье помнишь?

Я покопался в памяти и отрицательно качнул головой:

— Нет, не пересекались.

— Он, как и я, заместителем был, теперь в начальники выбился. Любимчик герцога Арно, чтоб ты знал. Зазнался, сил никаких нет!

Терпеть их не могу; как увижу, трясоти начинается! Собственными руками передудшил бы всех!

— Давай выпьем, — предложил я, желая хоть немного остудить приятеля. — А потом в бассейн.

— Может, лучше девок вызовем? — загорелся Пратт.

— Да ну их! — отказался я. — Они у тебя дикие какие-то, опять ползут на стол голышом танцевать и всю посуду перебьют. Нормально сидим, не суетись.

Рыжий пройдоха посмотрел на меня с хитрым прищуром и ехидно выдал:

— Что — годы свое берут?

— На себя погляди! — отшутился я без всякой обиды на пустяковую в общем-то подначку. — Вон пузо какое отрастил!

— Не пузо, а животик, — парировал Джек и достал кисет. — Солидному господину в моем возрасте без животика никак.

— Ну-ну.

— Тебе самому пора уже животиком обзавестись, — продолжил глумиться рыжий, набивая трубку. — А то за последние десять лет совсем не изменился; тощий — будто пацан какой.

— У меня все в голову идет, — возразил я, постучав себя по виску полусогнутым пальцем.

— Помойка у тебя там, что ли? — развеселился заметно опьяневший Пратт и выдохнул в мою сторону струю пахучего дыма.

— Сейчас по шее получишь! — предупредил я, но со скамьи подниматься не стал, прекрасно осознавая, что на деле не сильно трезвее приятеля. Еще не хватало без всяких девок стол перевернуть.

— Так что насчет юных прелестниц? — вновь завел Джек свою шарманку.

— Хватит, солидный господин, завязывай. Сам же говоришь — не мальчик уже. Откуда столько прыти?

— Да загорелось чего-то, — признался Пратт и отложил резную трубку на пустую тарелку. — Это из тебя твои пассии все соки выжимают, а я живой человек.

— Какие еще пассии? — насторожился я.

— Как какие? — уставился на меня рыжий пройдоха. — К циркачке навываешься? Навываешься. А еще эта певичка фигуристая...

— Ну-ка стой! — Я подался вперед и хлопнул ладонью по столу. — Откуда знаешь?

— О чем? — захлопал Джек глазами, напуская на себя простодушный вид, но меня так легко было не провести.

Свои любовные дела никогда с ним не обсуждал. Так какого беса?

— Следил за мной? — потребовал я ответа.

— Побойся Святых!

— Тогда откуда знаешь?!

Джек замялся, потом нехотя произнес:

— Так получилось. Ну, ты понимаешь...

— Нет, не понимаю! — нахмурился я. — Как могло получиться такое? Давай колись!

— Остынь! — потребовал Пратт. — Делать мне больше нечего, как за твоей рыжей мордой следить! Просто свел один подопечный с неизвестной тебе Ингой Лафо тесное знакомство, вот и пришлось круг ее общения прошерстить. Так на тебя и вышли.

— И насколько тесное это знакомство? — уточнил я без какой-либо, впрочем, ревности. Прима королевской оперы Инга Лафо хоть и была моей давней знакомой, но мы просто иногда проводили вместе время, и не более того.

Джек лишь плечами пожал:

— Теснее не бывает.

— Твой подопечный, значит? — хмыкнул я. — Не просветишь — кто?

— И не думай даже! — отрезал Пратт. — Давай не будем смешивать личные отношения с работой, ага?

Я отпил вина и покачал головой.

— Крайне недальновидно с твоей стороны, — укорил Джека. — Вот столкнусь я с этим твоим подопечным у дверей Инги да отвешу ему сгоряча тумачков, а потом выяснится, что это был кронпринц Иоанн, и на меня всех собак навесят. И кому от этого лучше будет?

Рыжий пройдоха при этих словах закашлялся и поспешно приложился к стакану с вином.

— Ты чего? — удивился я.

— Ничего, — ответил Джек, отдышавшись. — Поперхнулся просто.

— Подожди-ка! — На меня будто наитие снизошло. — Это и в самом деле кронпринц Иоанн?!

— Я тебе ничего не говорил, — быстро произнес Пратт. — И поосторожней там, понял? Его охрана шуток не понимает. За ним теперь не мои люди ходят, герцог Арно к папеньке дуболомов из своей Пурпурной палаты приставил.

— Дела! — усмехнулся я и покачал головой, но сбить себя с толку не дал и дернул начавшего было подниматься из-за стола Джека обратно. — А ну постой, друг мой ситный!

— Чего еще? — обреченно вздохнул рыжий.

— Колись, о циркачке откуда знаешь? И не ври, что к ней тоже кто-то из твоих подопечных заходит, мне бы доложили. Все же следил, получается?

— Какая слежка? Окстись! — Пратт высвободил руку и легонько хлопнул меня по лбу. — Думаешь, братья-экзорцисты не люди и в термы не ходят?

Я недоуменно уставился на приятеля, но почти сразу в голове забрезжила догадка.

— Так ты отца Доминика сюда водишь?! — опешил я.

Джек скромно потупился, но надолго его не хватило, и он в голос заржал:

— Вожу, конечно! — И, отсмеявшись, уже совершенно спокойно произнес: — Ну, сам посуди, как мне еще отношения с куратором налаживать?

— Вот уж действительно чужая душа — потемки.

Каждого официала ордена Изгоняющих курировал кто-то из монашеской братии, со мной работал отец Доминик, и за все эти годы он и словом не обмолвился о своем близком знакомстве с Джеком Праттом. Впрочем, ничего удивительного: в термы я куратора не водил и вином крепленным не поил. А Джек в Охранке отвечал как раз за те области, в которых без консультаций экзорцистов никак не обойтись, вот и спелись.

Ну, и Святые с ними, главное, чтоб не спились.

— Продолжаем разговор, — зевнул Пратт, баюкая в руке стаканчик с вином. — Циркачка — это раз, певичка — это два.

— Во-первых, давно уже не циркачка, — счел я нужным заступиться за БERTУ, которая последние годы вела жизнь добропорядочной вдовы. — Во-вторых, не певичка, а прима королевской оперы...

— Пф-ф-ф! — фыркнул Джек. — Скажи лучше, как тебя на них двоих хватает, а?

— Нормально хватает, — уверил я его и закрыл тему: — А девок звать не будем. Точка.

— Ты нудный, Себастьян.

— Не начинай лучше, Джек. — Я допил вино, демонстративно потупил очи долу и со всем возможным смирением в голосе произнес: — Святые, куда катится этот мир? Второй человек в Охранке призывает меня к блюду с продажными девками! А ведь кому, как не ему, ежедневно и еженощно печься о благочестии подопечных?

— Не второй, а третий, — возразил Пратт. — И благодари Святых, что ты не мой подопечный. А куда катится этот мир — известно. Не слышал разве, что в тысячном году от Великого Собора конец света ожидается? Ибо родится, говорят, тот, кто прямо сквозь Бездну во Тьму... и все такое... — Джек икнул и спросил: — Еще по стаканчику и в парилку?

— Давай сначала в бассейне освежимся, — предложил я.

— Это дело, — согласился рыжий, но только поднялся из-за стола, как в дверь постучали.

Джек отставил стакан, с нескрываемым раздражением пробурчал:

— Велел же не беспокоить! — и нетвердой походкой отправился проверить, кто и по какому поводу осмелился нарушить его приказ.

— Надеюсь, это не девиц привезли? — крикнул я ему в спину.

Пратт только отмахнулся, открыл дверь, перекинулся с кем-то парой слов и вернулся к столу с запечатанным сургучной печатью посланием.

— Что там еще? — спросил я.

— Не видишь, что ли? Срочная депеша! — озадаченно пробормотал Джек и привычным движением сломал печать. Выгасил из конверта записку, начал читать, и по мере ознакомления с депешей его покрасневшее после парной лицо бледнело, постепенно равняясь цветом со свежевыпавшим, еще не успевшим измараться городской грязью снегом.

Под конец на него было просто больно смотреть.

— Эй, Джек! — всполошился я. — Ты чего?

Рыжий отмахнулся, нервным движением выплеснул из стакана вино и наполнил его водой. Выпил, налил еще, вновь выхлебал все до дна. После запалил листок от ближайшей свечи и вздохнул:

— Надо ехать. — Тут он глянул на меня, будто первый раз увидел, и неожиданно цепко ухватил за плечо. — Ты! Ты поедешь со мной!

— Ага, разбежался! — возмутился я, пытаюсь отцепить его руку. — Прямо без штанов побегу!

— Ты не понимаешь, Себастьян, — уже совершенно трезвым голосом произнес Джек. — Мне до зарезу нужно содействие официала ордена Изгоняющих!

Выбить Пратта из колеи могло лишь чрезвычайное происшествие, поэтому я опрометчиво давать никаких обещаний не стал и потребовал объяснений:

— Выкладывай, что стряслось!

Рыжий только головой помотал.

— Времени нет, — заявил он. — Нельзя терять ни минуты!

— Какого беса?.. — начал было я, но Джек просто вытолкнул меня за дверь.

— Быстрее! — и поспешил в раздевалку.

Выяснить отношения на виду у его подчиненных было последним делом, поэтому я молча пересек караульное помещение, прикрыл за нами дверь и лишь тогда надел на приятеля с расспросами:

— Ты что творишь вообще?

— Слушай, Себастьян, — Джек умоляюще сложил руки на груди, — очень тебя прошу: прикрой мою задницу. Дело пахнет жареным, а от тебя не убудет.

— Прикрою, не вопрос. Ты объясни толком, что происходит!

— Объясню по дороге! — Пратт распахнул шкафчик и принялся лихорадочно выгребать из него одежду. — Через полчаса встречаемся на обычном месте, я пока с отцом Домиником твое участие в расследовании согласую.

— В расследовании чего? — не на шутку разозлился я, но рыжий уже натянул сапоги и выскочил за дверь, на ходу застегивая рубаху.

Вот подлец!

Я отбросил полотенце, достал из шкафа исподнее и не удержался от крепкого словца:

— Бесов праздник!

В особо щекотливых случаях Джек и в самом деле не рисковал обращаться к излишне прямолинейным в вопросах морали и этики братьям-экзорцистам и просил о содействии меня, но никогда еще при этом заместитель главы Охранки не выглядел так, словно ему смазали скипидаром известное место.

Ох, непростое расследование намечается!

Однако деваться было некуда — зачем же еще нужны друзья? — и я в сопровождении все того же неразговорчивого провожатого поплелся на выход.

К этому времени на улице окончательно стемнело, стало промозгло и уныло. Студеный ветерок легко проник под камзол, я поежился,

поднял ворот и поспешил на поиски подручных. Тонкая ткань совершенно не защищала от холода, а сапоги так и скользили по обледенелым булыжникам, но долго блуждать по темным улочкам не пришлось: cedивший подогретое со специями вино Ори обнаружился на открытой веранде ближайшего питейного заведения.

При виде меня парень метнулся внутрь, выскочил обратно уже с плащом в руках и опрометью кинулся спасать патрона от неминуемой простуды.

Патрон заботу оценил.

Закутавшись в теплое одеяние, я благосклонно кивнул, подошел к выехавшей со двора карете и сообщил Гастону:

— В «Королевский ключник».

Ори распахнул дверцу и уточнил:

— Когда забирать?

Я ступил на подножку и задумался.

— Подъезжайте завтра сразу к Васкесу, — решил наконец и забрался внутрь, не дав телохранителю отговорить меня от нарушения введенных порядков.

Дожил! И шагу без охраны ступить не могу!

Стыдоба, да и только...

Гостиница «Королевский ключник» занимала угловое здание на пересечении двух узеньких улочек и не могла похвастаться ни богатым убранством номеров, ни особой респектабельностью постояльцев, зато помимо двух парадных и одного черного хода располагала еще и заездом для поставщиков провизии через обычно безлюдный переулок. С учетом же протянувшейся через дорогу к зданию напротив крытой галереи, на редкость запутанной планировки и постоянной толчеи в ресторации на первом этаже оторваться здесь от слежки было делом нехитрым. Особенно для тех, кто не действовал наобум, а подготовил пути отхода заранее.

Я — подготовил.

И потому, выбравшись из кареты, спокойно поднялся на третий этаж и отпер дверь снятого на чужое имя номера. Там сразу прошел в небольшую кладовку рядом с запасным выходом, распахнул узенькое оконце и привычно выбрался на карниз.

Быть замеченным случайным прохожим нисколько не опасался: до соседнего особняка в прямом смысле слова было рукой подать, и узенький, всего в пару локтей проход между домами давным-давно завалили всяким хламом до полной непроходимости.

Кое-как опустив за собой скрипучую раму, я переступил на балкончик соседнего здания и толкнул разбухшую от сырости дверь, но та даже не шелохнулась. Приналег плечом и едва не вывалился на площадку черного хода странноприимного дома при столичном монастыре Всех Святых.

Обычно здесь останавливались священники из загородных приходов и прибывавшие в город по служебным делам братья-экзорцисты, но и официалу ордена Изгоняющих в апартаментах не отказали.

Я этому обстоятельству был откровенно рад: и перебраться из соседней гостиницы пара пустяков, и кожаные плащи с серебряными бубенцами окрестным обитателям давно примелькались.

Идет экзорцист — и что с того? Дело обычное.

Здесь — обычное. А мне только того и надо.

Задвинув засов, я первым делом распахнул платяной шкаф и достал из него долгополое одеяние. Придирчиво оглядел усеянную серебряными заклепками потертую кожу, отложил плащ на заправленную кровать и разделся до исподнего. От холода выстуженной комнаты по коже немедленно побежали колючие мурашки, а начал одеваться — стало только хуже. Немного согрелся, лишь когда заправил за пояс черную рубаху, затянул ремень и прошелся из угла в угол, клацая по полу набойками высоких остроносых сапог.

Одна морока с этой кожей: летом жарко невыносимо, зимой зуб на зуб не попадает. Братья-экзорцисты будто нарочно себе такую одежду подобрали; у них в жизни ровно так же — либо черное, либо белое, никаких полутонов.

Накинув сверху тяжелый плащ, я привычно одну за другой застегнул крупные серебряные пуговицы, прикрыл низ лица полумаской и отошел к зеркалу с широкополой шляпой в руках. Нахлобучил ее на макушку, поправил и, глядя на собственное отражение, удовлетворенно кивнул.

Даже если кто знакомый встретится, один бес, ни за что не признает.

Себастьян Шило — экзорцист? Хорошая шутка!

Я тихонько рассмеялся, запер за собой дверь и под легкий перезвон нашитых на одежду колокольчиков начал спускаться по лестнице.

Цок-цок — стучат набойки. Диги-дон, диги-дон — вызывают серебряные колокольцы.

Цок-цок... диги-дон...

А на душе — тишина и спокойствие. Затихли бесы, забились в самые глухие уголки, пошевелиться боятся. И правильно делают: когда хозяин работает, ему лучше не мешать.

Впрочем, полагают ли они меня своим хозяином? Очень сомневаюсь. Как ни крути, но черви и яблоко — аналогия в нашем случае куда более уместная.

С невозмутимым видом миновав каморку зрителя, я покинул странноприимный дом и зашагал по замощенной неровными булыжниками улочке. С неба по-прежнему сыпалась морось, холодный ветер так и норовил забраться под плащ, но прежде чем успел озябнуть, сзади послышался перестук копыт, и нагонявшая меня карета замедлила ход.

Я распахнул дверцу и забрался внутрь.

— Ну как? — спросил у Джека, поудобней устраиваясь на мягком, обитом кожей сиденье.

— Порядок, — расплылся тот в самодовольной улыбке и протянул опечатанный сургучной печатью конверт. — Отец Доминик все устроил, ты привлечен к расследованию официальным образом.

— Может, скажешь тогда, к расследованию чего я привлечен?

Пратт явственно поскукчел и бросил конверт мне на колени.

— Не волнуйся, — вздохнул он, — работа как раз для тебя.

— Джек! — рывкнул я, начиная закипать. — Не тяни kota за хвост! Выкладывай уже, куда мы едем и что там стряслось!

Кричал зря — Пратт и не подумал запираться. Он откинулся на спинку и, глядя куда-то в сторону, произнес:

— Из хранилища казначейства похищены проклятые наконечники.

Я только охнул:

— Все?!

«Проклятыми наконечниками» именовались наполненные Извечной Тьмой клинки, которые ковали мастера одного забытого всеми Святыми островка в Старом море. Обитателей тамошних гор всех до единого следовало бы давным-давно отправить на костер, но помимо проклятого металла они добывали и другой — звонкий, желтый, благородный.

Золото.

Казначейские крючкотворы берегли островок как зеницу ока, а поскольку их хранилище по праву считалось одним из наиболее охраняемых мест в королевстве, орден Изгоняющих не возражал, чтобы проклятые наконечники хранились именно там.

И вот такое...

Ничего не понимаю!

— Сколько именно похищено, пока непонятно, — вздохнул Джек и пожаловался: — Парня моего сгубили...

— Подожди, — встрепенулся я, — а с чего это казначейство караулят «серые сюртуки»? У них же собственная охрана?

Пратт глянул на меня с искренним недоумением.

— С чего? — фыркнул он. — Да с того что казначейство расположено в закрытой части дворца, и в чью-то светлую голову пришла замечательная мысль выставить при специальном хранилище по человеку от Охранки, ордена Изгоняющих и Пурпурной палаты. Еще клерка казначейского, чтоб ему пусто было!

— Так понимаю, это был не налет? — уточнил я на всякий случай.

— Какой налет?! Как ты себе это представляешь? — скривился Джек. — Клерк все в одиночку провернул. Чернокнижником эта сволочь оказалась...

— Да ну?

— Точно тебе говорю. Прямо из хранилища сгинул. Парня моего убил и сгинул.

— Сгинул? Точно нигде там не спрячется?

— Собак запускали, от собак не спрячешься.

Тут карета остановилась, и в распахнувшуюся дверцу заглянул королевский гвардеец, за спиной которого маячила мрачная фигура брата-экзорциста.

— Ну? — нахмурился Джек Пратт.

— Проезжайте, — разрешил караульный, узнав заместителя главы Охранки в лицо.

Кучер взмахнул вожжами, и карета покатила по огороженному высоченной стеной дворцовому комплексу. Я отдернул занавеску — на

улице всюду скверы и фонтаны, но сейчас, ненастным зимним вечером, их вид наводил одну лишь тоску. Да и особняки многочисленных канцелярий выглядели на фоне изящных дворцов как-то совсем уж неуместно.

— Себастьян! — возмутился Джек, который принялся пересказывать подробности происшествия, но вдруг обнаружил, что меня они нисколько не интересуют.

— Да?

— Ты меня слушаешь?

— Слушаю.

— И что скажешь?

— Ничего.

На самом деле случившееся просто не укладывалось в голове.

До ежевечернего обхода все шло как обычно, тревогу забили, лишь когда вовремя не вернулись из хранилища казначейский клерк и сопровождавший его «серый сюртук». Заподозрив неладное, брат-эксорцист поднял тревогу, сотрудник же Пурпурной палаты вопреки уставу караульной службы подкрепления дожидаться не стал и отправился на розыски коллег в одиночку; он-то и обнаружил мертвого охранника. Больше в подвале никого не оказалось.

— Через Бездну ушел, больше некуда ему деться было, — уверенно заявил Джек Пратт.

— Раз дело ясное, меня зачем с собой потащил? — напрямую спросил я.

— Ясное-то оно ясное, — вздохнул рыжий, — но в том вся загвоздка. Как так получилось, что обычный клерк моего парня переиграл?

— Хочешь списать это на потустороннее воздействие?

Джек расплылся в широкой улыбке и важно расправил усы.

— Ты все схватываешь на лету, Себастьян, — с довольным смешком подтвердил он, но сразу помрачнел и добавил: — Только учти: черно-книжника надо отыскать, прежде чем высокое руководство окончательно озвереет и полетят головы. Поэтому не халтурь.

— Когда это я халтурил?

— Просто предупреждаю. Толку от монашеской братии в расследовании, сам понимаешь, будет немного, вся надежда на тебя. Знаешь, мне ведь даже особо отца Доминика уговаривать не пришлось; он, такое впечатление, сам тебя к этому делу привлечь хотел.

— В каждой бочке затычка, что ли?.. — поморщился я. — У меня вообще-то своих дел невпроворот.

— Знаем мы твои дела, — буркнул Пратт. — Беззаконие одно.

Тут карета вновь остановилась, и мы выбрались под сыпавшийся с неба сырой снег. При въезде на закрытую часть дворца проверка проводилась куда более серьезная, и, несмотря на сопровождение заместителя главы Охранки, мне пришлось стянуть с пальца перстень официала и позволить брату-эксорцисту переписать выбитый изнутри него номер.

Монах сделал отметку в журнале регистрации посетителей и решил нам проезжать, но Джек Пратт возвращаться в карету не стал.

— Идем! — позвал он меня за собой. — Здесь недалеко.

Я под звон серебряных колокольцев поспешил за ним и немного погодя спросил:

— Кто будет вести следствие?

— Полагаю, привлекут надзорную коллегия, — решил рыжий. — А что?

Я многозначительно хмыкнул и предупредил:

— Раз так, я дал обет безмолвия.

Надзорная коллегия мою основную деятельность опекала очень плотно, и может так случиться, что нам с этим следователем еще придется повстречаться при совсем других обстоятельствах. А ну как по глоссу опознает?

— Не проблема, — решил Джек, обдумав услышанное. Он остановился на краю площади и указал мне на оцепленное королевскими гвардейцами здание казначейства: — Все, пришли.

Я зажмурился и попытался ощутить присутствие потустороннего, но никаких признаков скверны уловить не смог, лишь замерцали перед внутренним взором нанесенные на стены святые письма.

— От надзорной коллегии, похоже, Ольтера прислали, — сообщил Пратт, заметив на крыльце высокого, крайне тучного господина в бесформенном плаще. — Знаешь такого, Себастьян?

Я знал. Старший дознаватель Ференц Ольтер в свое время изрядно попортил мне кровь, и когда пару лет назад въедливого толстяка забрали на повышение, все жулики за его столь удачно сложившуюся карьеру только порадовались.

— Третий человек в столичном аппарате надзорной коллегии, — поведал Джек и потянул меня за оцепление. — Идем!

Гвардейцы расступились, мы подошли к следственной группе, и худой, будто щепка, тип в теплом пальто и каракулевой шапке негодуяще повысил голос:

— Где вас бесы носят, господин Пратт?! Извольте объясниться!

— Полегче на поворотах, Карл, — гаденько улыбнулся Джек главе Пурпурной палаты. — Не стоит сквернословить в присутствии духовных особ! Или в Пурпурной палате правила хорошего тона не в чести?

— А в Охранке что-нибудь знают о пунктуальности?

— Господа! — поспешил поднять руку Ференц Ольтер, чрезвычайно полноту которого не скрывал даже свободного покроя плащ. — Предлагаю не тратить время на пустую пикировку!

— Всецело с вами согласен, — поддержал Пратт толстяка и предупредил: — Брат-экзорцист дал обет безмолвия, поэтому не удивляйтесь его молчанию.

Ольтер смерил меня хмурым взглядом и спросил:

— Могу увидеть ваши бумаги?

Я лишь качнул головой и передал запечатанный конверт не ему, а стоявшему здесь же собрату по ордену. Монах сломал печать, в неров-

ном свете фонаря прочитал предписание, сложил лист и спрятал его обратно в конверт.

— Господа, в моем присутствии больше нет необходимости, — объявил брат-эксорцист. — Да хранят вас Святые.

И под звон серебряных колокольцев он отправился восвояси.

Ференц Ольтер пожал пухлыми плечами и спросил:

— Желаете ознакомиться с протоколами предварительных допросов?

— Полагаю, стоит начать с осмотра места преступления, — предложил Джек.

— Тогда приступим.

Старший дознаватель первым поднялся на крыльцо, Пратт и Готье чуть ли не наперегонки поспешили следом, а вот я никуда торопиться не стал и пропустил вперед незнакомого чиновника королевского казначейства. На первом этаже наша процессия сразу свернула в глухой, без единого окна коридор, который периодически упирался в массивные бронированные двери, у каждой из них дежурило по четыре бойца, а лестницу и вовсе караулил десяток вооруженных до зубов охранников. Столько же крепких парней располагались этажом ниже.

Там шагавший во главе нашей процессии Ференц Ольтер замешкался и озадаченно уставился на сотрудника казначейства, не зная, куда двигаться дальше.

— Сюда! — позвал нас клерк в комнату, где в углу темнел провал узенькой винтовой лестницы.

Тучный дознаватель глянул вниз с нескрываемой досадой, но вслух высказывать своего недовольства не стал и, переваливаясь с ноги на ногу, принялся спускаться куда-то во тьму.

— Подождем, — предложил Джек Пратт, прислушиваясь к доносившемуся снизу тяжелому дыханию, и немногим тише добавил: — А ну как застрянет?

Карл Готье от неожиданности так и прыснул со смеху, я под кожаной полумаской тоже не удержался от усмешки, а вот чиновник даже не улыбнулся.

— При всем уважении, господин Пратт, — с каменным выражением лица произнес он, — с учетом сложившейся ситуации подобные высказывания не кажутся уместными...

Глава Пурпурной палаты враз опомнился, откашлялся и зло глянул на рыжего пройдоху.

— Тебя, Джек, только могила исправит, — нравоучительно выдал он и начал спускаться по винтовой лестнице вслед за толстяком.

Пратт с недоброй ухмылкой пожал плечами и цепко глянул на казначейского:

— Что вы можете сказать о пропавшем клерке?

— Ничего, — односложно ответил чиновник и объяснился: — Я служу в ревизионном департаменте и лично с ним знаком не был. Но, по отзывам коллег, он ничем особенным не отличался. По крайней мере никаких странностей за ним не замечали.

— Так оно обычно и бывает, — вздохнул Джек и указал мне на темный провал: — Прошу вас, отче...

Лестница оказалась не только узкой, но и на редкость крутой, спуститься по ней в одеянии экзорциста оказалось занятием не из простых. Да еще каблуки скользили на стертых ступенях, и приходилось постоянно держаться за канат.

Пару раз я едва не скатился вниз, но не скатился, и потому на каменный пол ступил преисполненный чувства собственного достоинства. В отличие от Ференца, который шумно отдувался и вытирал льянным платочком вспотевшее лицо.

Внизу оказалось многолюдно. Казначейская охрана, «серые сюртуки» и отмеченные пурпурными повязками подчиненные Готье настороженно переглядывались, явно прикидывая, кого из них высокое начальство назначит козлом отпущения, а вот шпики надзорной коллегии, напротив, азартно переминались с ноги на ногу, горя желанием поскорее доложить о предварительных результатах расследования. И только братья-экзорцисты своей бесстрастностью напоминали двух скачущих посреди огорода пугал.

Впрочем, невозмутимость их была чистой воды блефом; уж они-то как никто другой должны были осознавать масштабы разразившейся катастрофы. Я к происшествию никакого отношения не имел, и то по спине колючие мурашки забегали.

Сколько наконецников умыкнул чернокнижник? Две дюжины, три?

Бесов праздник! Да ими столько бед натворить можно, что просто волосы на загривке дыбом встают! Одно случайное прикосновение к проклятому клинку способно сжечь душу неподготовленного человека дотла, а чего сумеет добиться человек подготовленный, и вовсе подумать страшно...

— Святой отец! — окликнул меня немного отдышавшийся Ференц Ольтер. — Вы с нами?

Я сделал знак обождать и прошелся по караульному помещению, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Но — ничего. Ни малейшего присутствия скверны здесь не чувствовалось.

Да и откуда? Отблески факелов поблескивали на часто-часто вбитых меж каменной кладки серебряных символах Изначального Света, и пусть те выполнены были не столь тщательно, как мой перстень официала, но в таких количествах от потустороннего воздействия защищали ничуть не хуже.

Я вернулся к следственной группе, и старший дознаватель попросил ревизора:

— Начинайте, пожалуй.

Чиновник казначейства откашлялся и указал на следующую дверь:

— Все случилось там...

— По порядку, пожалуйста! — перебил его Ференц.

— Инцидент произошел во время смены караула, — собравшись с мыслями, поведал ревизор. — В соответствии с регламентом наш со-

трудник в сопровождении одного из охранников отправился проверить сохранность печатей и через какое-то время...

Тут он сбился и принялся тереть в руках снятые перчатки, но на помощь ему пришел Готье.

— Через четверть часа моему человеку показалось странным столь долгое отсутствие коллег, — пояснил глава Пурпурной палаты, — и он отправился выяснить причину их задержки.

— Он осознал, что нарушает устав караульной службы? — прищурился Джек Пратт.

Карл Готье поджал губы и надменно заявил:

— Его объяснения приложены к протоколам дознания.

— А просто заглянуть внутрь он не мог? — удивился Ференц Ольтер.

— Сейчас вы сами все увидите, — вздохнул ревизор и повернулся ко мне: — Вы закончили, святой отец?

Я утвердительно кивнул, и тень от моей шляпы заметалась по каменной кладке, будто призрачное порождение Бездны. Чиновник явственно вздрогнул, но сразу взял себя в руки и, навалившись всем весом, распахнул массивную дверь.

А за ней не хранилище, за ней — уходящий во тьму коридор!

— Да здесь целый лабиринт! — удивился старший дознаватель, пройдя внутрь и заметив многочисленные боковые ответвления.

— Так и есть, — подтвердил чиновник. — Наконечники хранятся в самом дальнем зале.

Он взял фонарь и повел нас в хранилище. Пол явственно уходил под уклон, но влага на каменных стенах не блестела, и лишь холодный затхлый воздух не давал забыть о том, что находимся мы глубоко под землей.

— Что еще здесь хранится? — поинтересовался Ференц.

— Много всего, — уклончиво ответил чиновник и указал на неповрежденные печати ближайшей двери. — Взломано лишь хранилище наконечников.

— Вы уверены?

— Мы проведем полную ревизию, — уверил его казначейский, — как только вы предоставите нам такую возможность.

— Между прочим, это ваш человек оказался чернокнижником! — вспыхнул Пратт.

— Это еще не доказано! — парировал ревизор, которому подобный упрек был что острый нож под сердце.

— Господа, не сорьтесь! — призвал их к порядку Готье, и его бескровные губы расплылись в невеселой улыбке. — Оставим окончательные выводы следствию.

— Оставьте, да, — шумно выдохнул Ференц Ольтер, видимо, давно отвыкший от столь продолжительных пеших прогулок. — Сколько нам еще идти?

— Почти на месте, — уверил его наш провозатый.

И действительно, уже через несколько поворотов мы очутились перед распахнутой железной дверью, за которой терялось в темноте

просторное помещение. Я придержал клерка, и тот с удивлением обернулся.

— Мне сказали, там совершенно безопасно! — пояснил он.

— Полагаю, святой отец желает осмотреть место преступления в одиночестве, — предположил Джек Пратт.

Ференц Ольтер против непредвиденной задержки возражать не стал, а вот Карлу Готье эта идея по вкусу не пришлась. Он демонстративно поморщился и всплеснул руками:

— Так заходите, святой отец! Заходите уже! Не будем терять время!

Я забрал у ревизора фонарь, поднял его над головой в попытке разогнать сгустившиеся за порогом тени и прислушался, не заворочаются ли в душе нечистые. Но бесы молчали.

Бесы молчали, и все же мне было не по себе.

Ничего серьезного, просто из открытой двери тянуло смертью.

А еще — Тьмой. Жгучим таким холодком, от которого даже не мурашки по спине, а наждаком по коже.

Кровь, тьма, смерть, тени — кто бы из ордена Изгоняющих ни проверял место преступления, внимания на это он почему-то не обратил. А стоило бы. Того и гляди, ворота в Бездну распахнутся. *«Ритуалы изгнания младших бесов», том первый, глава «Тени, как двери в потусторонний мир».*

Отступив от двери, я достал из кармана сшитые суровой нитью листки и карандаш, изложил свои соображения и передал вырванную бумажку ревизору.

— И что мне с этим делать? — удивился тот.

— Отнесите братьям-экзорцистам в караулку, — распорядился Джек.

Чиновник нехотя отправился выполнять приказ, я тяжело вздохнул и шагнул в хранилище. А там — будто невидимым пламенем опалило.

Злым, жгучим, лютым. И вместе с тем — едва-едва ощутимым.

Затухающим.

Взяв себя в руки, я присмотрелся к распростертому на полу мертвецу с белым, словно вылепленным из воска, лицом. На его сером сюртуке темнело несколько бурых отметин ножевых ран, но самого орудия убийства нигде видно не было.

Задерживаться у покойника я не стал и сразу перешел к пятну только-только подсохшей крови, черневшему посреди пересечения неровно намалеванных полос пентакля. Перешел и немедленно уловил, как сквозит от него скверной.

Чернокнижник и в самом деле ускользнул отсюда через Бездну!

Но как он умудрился обойти защиту?

Подняв фонарь повыше, я прошелся вдоль стены и сразу углядел кровавые отметины на ближайших символах Изначального Света.

Осквернил предварительно, выходит...

— Позвольте? — не вытерпел тут Ференц Ольтер.

Я жестом разрешил дознавателю пройти в хранилище, а сам перешел к вмурованным в дальнюю стену сейфам. Часть стальных дверей оказалась распахнута, и, судя по отсутствию внешних повреждений, их не взламывали, а открыли ключами. Точно не отмычками: за такое короткое время справиться с хитрыми запорами было не под силу и дюжине взломщиков.

Неужто простой клерк имел доступ к ключам? А если нет — каким образом умудрился изготовить дубликаты?

Хотя у меня ли об этом голова болеть должна? Это ведь, по большому счету, Джека заботы. Даже сказал бы — проблемы.

И, сдается мне, проблемы большие. Очень большие.

— Здесь и в самом деле безопасно, святой отец? — непонятно зачем уточнил Карл Готье, прежде чем шагнуть в хранилище.

Я в ответ неопределенно повертел в воздухе затянутой в кожаную перчатку ладонью, и главу Пурпурной палаты явственно передернуло. Но он сразу справился с неожиданным приступом неуверенности и подошел к Ференцу Ольтеру.

— Ну и что скажете, господин дознаватель?

— Ключи, — задумчиво пробормотал толстяк и повернулся к вернувшемуся из караулки ревизору. — У пропавшего клерка был доступ к ключам от сейфов?

— Ни в коем случае, — уверенно ответил чиновник. — Более того, к ним нет доступа ни у кого в казначействе.

— Даже так?

— Перевозкой наконечников занимаются братья ордена Изгоняющих, — пояснил ревизор. — Они принимают груз на Дивном, осуществляют его экспедицию и помещают в сейфы. Ключи остаются у них, мы лишь контролируем хранилище.

— Очень интересно, — пожевал пухлыми губами толстяк. — Чем обусловлен такой порядок?

— Наконечники с Дивного обладают одной нехорошей особенностью, — усмехнулся Джек Пратт. — Прикоснетесь — и они выжгут вам душу.

— Как же тогда их забрал клерк? — прищурился старший дознаватель.

— Он чернокнижник! У него и так в душе Тьма! — всплеснул руками Готье. — Чего ему бояться?!

Ференц несколько раз задумчиво кивнул и вдруг спросил:

— А почему тогда изъяна не почувствовал его исповедник?

Глава Пурпурной палаты в ответ только плечами пожал.

— Вот у него и спросите! — посоветовал он.

— Непременно спрошу, — подтвердил дознаватель и сделал пометку в книжице с кожаным переплетом. — Не извольте сомневаться. — Толстяк почесал щеку кончиком грифельной палочки и поинтересовался: — Уже есть информация, сколько точно наконечников пропало?

— Тринадцать, — сообщил клерк казначейства.

— Всего тринадцать? — Ференц Ольтер с удивлением оглядел распахнутые дверцы. — Кто же тогда открыл остальные сейфы?

— Часть из них были пустые, — пояснил чиновник. — Злоумышленник явно не располагал точной информацией, какие ячейки заполнены, а какие нет.

— Остальные наконечники до сих пор здесь? — заинтересовался Готье.

— Нет, нет! Что вы! — нервно поежился клерк. — Их забрали на временное хранение экзорцисты, и не беспокойтесь — дабы избежать путаницы, они заперли после себя дверцы ячеек.

— Ясно, — кивнул толстяк, явно пытаясь отыскать в действиях чернокнижника некую хитрую систему.

А по мне, так никакой системы не было. Одна распахнутая дверца здесь, две — там. И так везде. Ладно бы еще похититель всегда угадывал, но нет — вскрыто больше трех десятков сейфов, а наконечников похищено всего тринадцать. Как пить дать, действовал наугад.

Впрочем, не важно. Не забывая себе голову всякой ерундой, я перешел к мертвецу и присмотрелся к истыканной ножом груди. Насколько удалось различить, удары были нанесены уверенной рукой, и все — точно в цель, никаких защитных ран. Но смущало даже не это, смущало отсутствие крови. Слишком чистеньким был для столь серьезных увечий серый сюртук. Пусть даже первый укол и пришелся прямоком в сердце, несколько кровавых отметин с монету величиной — этого явно недостаточно.

Я выпрямился и взмахом руки подозвал Джека.

— Позволь... — Пратт опустился на корточки и какое-то время внимательно изучал мертвеца. Затем он ухватил голову покойника и легко подвигал ее из стороны в сторону. Озадаченно глянул на меня, просунул ладонь под затылок и с тяжелым вздохом поднялся на ноги.

— Проломлен череп, сломана шея, — сообщил Джек, вытирая руки. — Полагаю, ножом его уже добивали.

Я кивнул, принимая сказанное к сведению, и сначала указал на смазанную линию пентакля, после на кровавую отметину на сапоге мертвеца.

Джек присмотрелся и подозвал к нам казначейского.

— Тело двигали? — строго спросил он.

— Мы — нет, — ответил ревизор и предположил: — Возможно, сотрудник Пурпурной палаты, обнаруживший убитого...

— Он ни к чему не прикасался, — уверенно заявил Карл Готье.

Мысленно сделав еще одну заметку, я снял перчатку и прикоснулся к холодному запястью мертвеца. Сосредоточился, но не уловил ничего из ряда вон.

Никакого намека на Тьму в душе, а что до легкого налета скверны, так кто из нас без греха? Пропустил пару исповедей, и не более того.

Распрявившись, я в ответ на вопросительный взгляд Джека отрицательно покачал головой и отошел к двери.

— Святой отец, вы уже закончили? — сразу встрепенулся Готье. — Господа, дело ясное, предлагаю безотлагательно заняться розысками злоумышленника!

— Этим и без нас есть кому заняться, — проворчал Ференц Ольтер.

— Нельзя терять ни минуты!

— Похвальное рвение, — с плохо скрываемым сарказмом пробормотал дознаватель и уточнил: — Могу я рассчитывать, что квартиру подозреваемого не станут обыскивать в отсутствие сотрудников надзорной коллегии?

— Подозреваемого? — Глава Пурпурной палаты поджал губы и спросил: — У вас остались какие-то сомнения в его виновности?

— Не имею обыкновения спешить с выводами, — парировал толстяк. — Так что насчет обыска?

— Мои люди блокировали квартиру чернокнижника и оцепили его загородный дом, но им отдан недвусмысленный приказ ничего там не трогать до нашего прибытия.

— В нашем присутствии там нет никакой необходимости, — покачал головой Ференц. — Я пошлю кого-нибудь провести первичный осмотр, а нам предлагаю сосредоточиться на опросе непосредственных участников происшествия. — И он уставился на Готье: — Надеюсь, нет возражений?

— Нет, — холодно улыбнулся тот. — Какие могут быть возражения?

— Тогда идемте!

Мы вышли в коридор, и прибывшие по моему вызову братья-экзорцисты немедленно сменили нас в хранилище. Один монах раскурил кадило, остальные затянули молитву и принялись очищать от крови серебряные символы Изначального Света.

— Полагаете, в этом есть необходимость? — удивился Готье.

Я молча пожал плечами и последовал за тяжело отдувавшимся дознавателем. Своды подземелья давили буквально физически, и находиться под землей было уже просто неважноту. Впрочем, в караульном помещении лучше не стало: сосредоточиться на работе никак не получалось, руки дрожали, постоянно не хватало воздуха, а одежда под плотным кожаным одеянием пропиталась потом.

Мне б водички холодной, но куда там!

Проверив на наличие скверны всех караульных, я приткнулся в уголке и принялся составлять отчет, а когда наконец покончил с писаниной и поднялся на улицу, то сразу оттянул полумаску и подставил лицо дуновениям студеного ветерка.

Но толком перевести дух не дал Джек.

— Что скажешь? — потребовал он отчета, стоило только нам отойти от особняка казначейства.

Я задумчиво глянул на приятеля, взвесил все «за» и «против» и покачал головой.

— Ничего не скажу.

— Совсем? — прищурился рыжий прохиндей, сразу заподозрив неладное. — Ты в этом уверен, Себастьян?

— Отстань, а?

— Что значит «отстань»? — опешил Пратт. — Речь идет о моей карьере!

— Слушай, Джек, — оскалился я в ответ, — ты попросил тебя прикрыть, и я полночи торчал в склепе, от которого Тьмой разит, как от портовой помойки тухлой рыбой! У меня сейчас голова как барабан, не дави на меня! Хорошо?

— Просто скажи, — нахмурился приятель. — У меня проблемы?

— А сам как думаешь, Джек? Естественно, у тебя проблемы!

— По твоей части?

— Насчет меня не беспокойся, — уверил я приятеля, — все острые углы кое-как сгладил. Ты лучше ищи подходы к Ольтеру, он тот еще живоглот.

— Считаешь, это понадобится?

— Он только выглядит безобидным толстяком, на деле хватка у него волчья, а моральные принципы примерно как у пахартской гиены. Если посчитает нужным, утопит в дерьме и тебя, и Готье. А скорее утопит того из вас, кто меньше заплатит.

— Не надорвется?

— Ференц в фаворе у Ланье, — напомнил я. — Да ты и сам это знаешь не хуже меня.

Джек беззвучно выругался и спросил:

— На чем он может меня прижать?

— Ты едешь или нет? — задал я встречный вопрос.

— Придется остаться на заседание следственной группы, — сказал Пратт и попросил: — Выкладывай уже, Себастьян. Не темни.

Стылый воздух к этому времени порядком освежил голову, но я все же предложил:

— Пойдем пройдемся.

— Легко, — сразу согласился Джек. — Только распоряжусь насчет кареты.

На выходе с закрытой территории дворцового комплекса Джек отыскал кучера, велел ему следовать за нами и свернул на темную аллею, где меж аккуратно подстриженных кустов замерли присыпанные влажным снегом скамьи и мраморные чаши фонтанов. Карета неторопливо покатила следом в некотором отдалении.

— Ну и? — первым нарушил Пратт затянувшееся молчание.

— Совсем ты мышей не ловишь, — поморщился я.

— В смысле? — напрягся Джек.

— В хранилище вошли двое — ревизор и «серый сюртук». Больше с ними никого не было, так?

— Так.

— Твоему парню проломил череп и свернули шею, правильно?

— Правильно.

— Грудину искололи ему уже после смерти и раны особо не кровоточили?

— Все верно.

Я остановился и уставился на приятеля:

— Так скажи на милость, откуда взялась вся та кровь, которой намалевали пентакль?

Пратт на миг задумался и опрометчиво заявил:

— В этом нет никакого смысла!

— Так кажется только на первый взгляд, — возразил я. — А вот если предположить, что ревизор казначейства был всего лишь жертвой, то все встанет на свои места.

— Чушь! — взорвался Джек. — Невозможно покончить жизнь самоубийством, самому себе свернув шею!

— А кто, друг мой, — я ухватил его за серебряную пуговицу камзола и притянул к себе, — говорит о самоубийстве?

Пратт высвободился и нервно потеревил рыжий ус.

— Хмырь из Пурпурной палаты? — произнес он какое-то время спустя. — При таком раскладе он точно в деле!

— Несомненно, — подтвердил я, поскольку не видел иного объяснения случившемуся. — Твой парень распотрошил ревизора и намалевал кровью пентакль, потом вскрыл сейфы и отправил мертвеца с конечниками в Бездну.

— С чего бы ему так подставляться?

— Ты меня об этом спрашиваешь? Откуда я знаю, что ему посулили? Быть может, по плану его должны были просто связать?

— Тому всех доказательств — только невесть откуда взявшаяся кровь!

— Еще смазанная линия пентакля и отметина на сапоге мертвеца, — поправил я приятеля. — Поверь, Ференцу хватит и этой ниточки, чтобы раскрутить весь клубок.

— Если выяснится, что в преступлении замешан мой подчиненный... — Джек скривился, будто надкусил лимон, но сразу взял себя в руки. — Два момента, — заявил он, — лично мне остаются непонятными два момента.

— Излагай.

— Любое прикосновение к проклятому металлу грозит выжечь душу, но этого почему-то не произошло. Ты ведь не заметил ничего необычного, когда осматривал покойника, не так ли?

— Не заметил, — подтвердил я, соглашаясь с приведенным аргументом. — Что второе?

— Какой смысл выкидывать конечники в Бездну? Какой от них там прок?

Я обдумал этот довод, и по спине у меня пробежал холодок.

— Клерк был еще жив.

— Что? — удивился Джек.

— Он был жив, когда его отправили в Пустоту! Полагаю, переход через Бездну был пробит извне, и кто-то принял подранка с наконечниками на другом конце.

— А можно отследить, откуда именно был открыт переход?

— Не думаю, — покачал я головой, вовсе не желая лезть в потустороннее, — экзорцисты уже очистили помещение...

— Бесов праздник! — обреченно выдохнул Пратт. — Если ты прав и Ольтер докопается до истины, мне конец! Готье не пропадет, за него вступится герцог Арно, крайним назначат меня! Беса в душу, Себастьян, да меня со свистом из дворца вышибут!

— Ты уже большой мальчик, придумай что-нибудь.

— Катись отсюда!

Я оставил приятеля наедине с его тяжелыми раздумьями и забрался в карету.

Хоть вида и не подал, но на душе было беспокойно. У Джека и в самом деле серьезные проблемы; теперь вся надежда лишь на то, что пропажа отыщется, прежде чем толком раскрутится маховик системы правосудия.

Впрочем, рыжий тот еще проныра, выкрутится. У меня об этом голова болеть не должна. Мне бы выспаться...

2

— Защищайтесь!

Звон, лязг, в руке дрожит непривычно длинный клинок.

Вторая позиция, четвертая; шушат по земле подошвы сапог, паром вырывается изо рта разгоряченное дыхание.

Раз-два!

Полоска упругой стали метнулась было к лицу, но сразу ушла вниз; я в самый последний момент отразил удар эфесом и пошел по кругу, стараясь держаться подальше от щеголя с короткой бородкой и завитыми усиками, который синхронно поворачивался за мной, удерживая свою шпагу опущенной острием к земле.

Пробная атака — лязг! звон! — болью в натруженном запястье отдается парированный выпад. И сразу контратака!

Едва успев убраться из-под удара правую ногу, я разорвал дистанцию, хоть все мои инстинкты и кричали о том, что следует сцепиться и перевести схватку в партер. И точно — миг спустя затупленный кончик учебной шпаги больно ткнул в грудь.

Я поморщился и приложил ладонь к тренировочному колету, пошитому из толстой вываренной кожи.

— Что с вами, Себастьян? — поинтересовался ничуть не запыхавшийся мастер Васкес, на губах которого блуждала непонятная улыбка. — Вас сегодня просто не узнать!

— Пожалуй, достаточно, — вздохнул я, перехватил шпагу за клинок и протянул ее учителю фехтования рукоятью вперед.

Тот принял учебное оружие и, откинув со смуглого лица длинные локоны волос, склонил голову набок.

— Я уже говорил, что у вас интересная техника боя?

— Да неужели? — хмыкнул я, резонно подозревая, что инструктор говорит это каждому своему подопечному. Все же, в отличие от Драгарна, фехтование на шпагах в Стилге особой популярностью не пользовалось, и за денежных учеников стоило держаться руками и ногами.

Лично я никаких особых успехов в обращении со шпагой не демонстрировал, зато избавился от болей в спине и набрал утраченную за последние годы форму. Да и трость с клинком оказалась приобретенным вовсе не бесполезным. Пусть пока и не доводилось в ход пускать, но мало ли? Жизнь жулика — штука непредсказуемая.

— Именно интересная, — уверил меня Васкес.

— Это не мешает вам выигрывать девять поединков из десяти.

— Об этом я и хотел с вами поговорить. — Инструктор убрал шпаги на оружейную стойку и обернулся ко мне: — У вас есть все задатки фехтовальщика...

— Но?

— Рисунок ваших действий в поединке ставит меня в тупик. Такое впечатление — в руках у вас не шпага, а... — Васкес замолчал, не в силах подобрать аналогию. — Нож? Нет, нечто более длинное, но недостаточно длинное для полноценного фехтования...

— И что с того? — улыбнулся я.

— Это мешает. Вы должны принять шпагу, сделать ее своей частью...

— Мастер Васкес, вам платят не за то, чтобы вы лезли мне в голову, — холодно заявил я, стягивая колет. — Не надо делать из меня великого фехтовальщика, просто натаскайте и покажите пару трюков.

Инструктор вновь откинул с лица локоны вьющихся волос, pokrutil черный как смоль ус и вдруг расхохотался.

— К слову, об оплате моих трудов... — напомнил он.

Я прищелкнул пальцами, и сидевший на скамейке неприметный паренек вскочил на ноги и поспешил к нам, на ходу доставая кошель.

— Клаас, рассчитайся с мастером Васкесом, — попросил я, закинул на плечо мокрый от пота колет и зашагал с заднего двора гостиницы, ставшей временным пристанищем учителя фехтования.

За забором меня уже дожидалась карета, я приветственно махнул рукой поглядывавшему по сторонам Ори и забрался внутрь. Только закутался в плащ и развалился на сиденье, как напротив уселся рассчитавшийся с учителем фехтования Клаас Дега.

— Трогай! — крикнул он сидевшему на козлах Гастону, после прикрыл дверцу и переложил себе на колени свисавший с плеча планшет полкового писаря.

Где мой помощник раздобыл это потертое кожаное чудовище — оставалось только догадываться, но он не расставался с ним ни днем ни ночью.

СВЯТОЙ СЫСК

Повесть

*Месяц Святого Иоанна Грамотея
Год 975 от Великого Собора*

1

Связной не пришел ни в условленный час, ни на следующий день. И это было чрезвычайно... неуместно.

Срочная депеша перехватила меня на пути в Данциг, и вот уже второй день я куковал в Орне — заштатном городишке на полуденной границе Норвейма. Протирал штаны в таверне «Золотой карась», мысленно костерил недалекое начальство да успокаивал нервы когда вином, а когда и чем покрепче.

Ну а кто бы на моем месте не беспокоился? Едва ли приезжий с внешностью потрепанного морского волка и нильмарским акцентом мог долгое время избегать внимания осведомителей Святого сыска. Чем дольше проторчу здесь, тем вернее попаду в поле зрения своих норвеймских коллег, и вот это уже не просто неуместно, а прямо-таки смертельно опасно.

Плюнуть на все и отправиться дальше по первоначальному маршруту? Я огладил спускавшиеся на подбородок рыжие усы и покачал головой. Хорошо бы, но не выйдет. Приказ гласил прямо и недвусмысленно: сидеть в «Золотом карасе» и ждать связного, безымянного и безликого. Зеленый плащ с фибулой в виде золоченого листа плюща да коричневая шляпа с желтой лентой и фазаньим пером — вот и все приметы, которые соизволили мне сообщить. Пусть Орн городок и небольшой, но нечего и рассчитывать отыскать нужного человека по столь скудным приметам самостоятельно.

Будь при мне Гуго и Берта, имелась бы хоть какая-то возможность организовать розыск, но трупна циркачей застряла в Драгарне, и все, что сейчас оставалось, — это ждать у моря погоды и накачиваться дрянным вином. Как ни крути, трезвый моряк на берегу — личность подозрительней некуда, а привлекать внимание местных охранителей Себастьяну Марту, разъездному работнику королевской Тайной службы Стильга, точно не с руки...

Единственное, что радовало, — так это погода. Первый месяц лета на полуденных рубежах Норвейма оказался хмурым и дождливым, в такое время куда приятней сидеть в теплом углу, нежели месить сапогами дорожную грязь.

Я хлебнул вина, скривился от растекшейся во рту кислоты и мрачно посмотрел в окно. Свежий ветер трепал занавески и время от времени задувал внутрь неприятную морось, но мне и в голову не пришло пересесть. С этого места улочка просматривалась вплоть до самого перекрестка, и, если связной все же соизволит явиться на встречу, будет возможность отследить, не тащится ли за ним хвост.

Бесов праздник, как же это все не вовремя!

На улице вечерело, и в таверну, на втором этаже которой я снял комнату, начали стягиваться окрестные забулдыги. Кто-то пил нещадно разбавляемое хозяином пойло, кто-то резался в карты. То и дело по залу разлетался стук игральных костей, лягали ножи и вилки.

От доносившегося с кухни запаха стряпни сводило желудок, но я не торопился ни заказывать ужин, ни оплачивать вторую ночь — в душе еще тлела надежда на скорое появление связного. Правда, по мере того как смеркалось на улице, она неуклонно угасала. Похоже, эта необязательная сволочь сегодня уже не появится...

Мимо прошла служанка, кривая и не слишком миловидная, с заставленным тарелками подносом; я проводил девушку задумчивым взглядом, потом влил в себя остававшееся в кружке вино и махнул хозяйину.

— Чего изволите, мастер Тоци? — подобострастно поинтересовался тот, но подобострастие было лишь в голосе, маленькие серые глазки смотрели оценивающе остро, а в голове щелкали костяшки счетов.

— Еще кружку той мерзкой бурды, что ты выдаешь за вино! — потребовал я, затем поморщился и вздохнул. — И чего-нибудь пожрать.

— Увы, мастер Тоци, ваш кредит исчерпан, — объявил владелец заведения.

— Ах, мастер Хайнц! — закатил я глаза. — Ну к чему эти условности?!

Хозяин оказался непреклонен.

— Мастер Тоци, я не учу вас, как плавать по морям, а вам не стоит учить меня вести дела в таверне!

— Моряки ходят по морям, не плавают, — поправил я собеседника. — Известно, что по воде плавают...

— Нет денег? — поджал губы мастер Хайнц.

— Видит Святой Мартин, с вами не просто вести дела! — резко бросил я, но дальше терпение хозяина испытывать не стал и высыпал из тощего кошеля на стол зазвеневшие медью крейцеры и пфенниги. Разделив мелкие монеты на две неравные части, отодвинул от себя меньшую и выжидающе посмотрел на собеседника.

Мастер Хайнц ловко смахнул мелочь в ладонь, отправил ее в нагрудный карман фартука и окликнул разносчицу:

— Марта! Кружку вина и тарелку рагу мастеру Тоци!

Я придержал владельца заведения за рукав.

— Кувшин.

Мастер Хайнц пристально глянул на меня и кивнул.

— Рагу и кувшин вина мастеру Тоци!

Он вернулся за стойку, а худая словно сушеная рыба девица отправилась на кухню и вскоре вышла оттуда с моим заказом. Рагу консистенцией больше напоминало кашу, а вино и вовсе оказалось жуткой кислотной, от которой нестерпимо сводило скулы. У этого пошла было лишь одно несомненное достоинство: нещадно разбавленное водой, оно почти не пьянило.

Я быстро расправился с рагу, наполнил кружку и откинулся на спинку стула. Мелькнула мысль оплатить комнату, но вечер еще только начинался, поэтому решил события не торопить. Вдруг все же случится чудо, появится связной и придется срываться в ночь?

Но вместо связного в конце переулка показался отряд городской стражи. Полудюжину крепких дядек в обшитых металлическими пластинами куртках, с короткими мечами и дубинками сопровождали трое арбалетчиков местного гарнизона.

Я нахмурился, но с места не сдвинулся. Таверна «Золотой карась» в разряд воровских притонов не попадала, и стражам порядка делать здесь было нечего, да и шагали по дороге они слишком уж вальяжно и неторопливо, словно бы напоказ.

И все же вопреки моим ожиданиям стражники не прошли мимо, а прогрохотали тяжелыми ботинками по ступеням крыльца и распахнули входную дверь. И тут же через черный ход в зал заскочил дядька с нагрудным знаком десятника, а следом ворвались двое его дюжих подручных! С ними пожаловали плюгавый мужичонка с внешностью записного прохвоста и светловолосый верзила, вынужденный пригнуться, дабы не зацепить макушкой притолоку.

— Всем сидеть! — рыкнул десятник. — Кто дернется — словит болт! И руки! Руки на виду держать!

Вскинувшие оружие арбалетчики ясно дали понять, что не стоит возмущаться и качать права; я медленно отставил кружку в сторону и прижал ладони к столешнице. Вот же принесла нелегкая...

— Кухня, подсобка, подвал! — скомандовал десятник, и стражники разбежались по таверне.

Плюгавый мужичонка быстро обошел перепуганных посетителей и покачал головой, не найдя нужного человека. Тогда последовал новый приказ:

— Второй этаж!

Тройка дюжих парней взлетела на лестницу, в зале остались только арбалетчики да здоровяк, который наблюдал за происходящим с безучастным выражением лица.

Это что еще за гусь, забери его Бездна?! Представитель магистрата или кто похуже? Не простой стражник, точно: и одежда слишком добротная, и оружия на виду не держит.

Тем временем десятник подошел к стойке и со всех сил грохнул по ней кулаком. Владелец заведения так и присел.

— Где он, Хайнц?! — прорычал страж порядка.

— Кто? — просипел до смерти перепуганный хозяин.

— Твой непутевый братец, вот кто! Где Людвиг?!

— Я не знаю! — выпалил мастер Хайнц. — Его здесь нет! Мы в ссоре!

Плюгавый мужичонка подступил к хозяину таверны с другой стороны и проникновенно произнес:

— На этот раз он зарвался и точно станцует с пеньковой вдовой. Будешь запираяться, вздернут и тебя!

Хозяин таверны сначала побелел как полотно, затем пошел пунцовыми пятнами и вытер грязным полотенцем вспотевший лоб.

— Послушайте! — взмолился он. — Этот прохвост мне брат, но я с ним никаких дел не веду. Мы даже не разговариваем с тех пор, как мне отошла таверна! Кого угодно спросите! Горан, ну чего ты молчишь?! Скажи им!

Седовласый старикан кивнул, подтверждая слова содержателя таверны. Десятник поморщился и многозначительно пообещал:

— Спросим! Даже не сомневайся! И если брешешь, болтаться тебе в петле!

— И уж поверь, — добавил плюгавый, — веревку я подберу покрепче! Не оборвется!

— Видят Святые, я не лгу!

Начали возвращаться стражники. Никому из них не улыбнулась удача, и разочарованный десятник отправился к выходу. Плюгавый мужичонка двинулся было следом, но сразу обернулся и обратился к здоровяку:

— Мастер Вальдер?

— Мы немного задержимся, Гус, — заявил тот, и оживленно обсуждавшие происшествие завсегдаги враз примолкли.

Впрочем, покидать таверну никто не стал, не зная, как расценит поспешное бегство представитель Святого сыска.

Да, бесы меня заberi! На груди верзила посверкивал серебром знак с оком, вписанным в символ Изначального Света. Святой сыск! Вот же влип! В том, что ищейка заинтересуется рыжим морячком, сомнений не было ни малейших. И точно — мастер Вальдер двинулся напрямиком ко мне. О Бездна...

— Приезжий? — спросил верзила, встав напротив стола.

Плюгавый мужичок зашел со спины, и меж лопаток пробежал холодок, а затылок неприятно заломило, но я виду не подал и беспечно улыбнулся.

— Так и есть, святой отец.

Пшеничного оттенка брови верзила поползли вверх, он недоуменно нахмурился, но тут же понимающе улыбнулся и постучал пальцами по серебряному медальону на груди.

— О нет! Я не священник. Вовсе нет.

Стоявший у меня за спиной мужичок подался вперед и прошипел на ухо:

— Святой сыск!

Не знаю, какой эффект он рассчитывал этим произвести, я и глазом не повел. Хлебнул вина и хохотнул:

— Ну, на еретика я точно не похож!

Мастер Хайнц шумно слотнул и съежился, но ищеек мои слова нисколько не разозлили.

— Издалека приехал, надо полагать? — спокойно поинтересовался мастер Вальдер.

— Издалека, — подтвердил я и вновь отпил вина.

Верзила вытянул руку и потребовал:

— Подорожную!

Сжатая в кулак лапица собеседника легко могла сравняться размерами с головами иных моих знакомых, но я лишь откинулся на спинку стула и фыркнул.

— С какой это стати? У монахов подорожные про...

Договорить не сумел. Плюгавый мужичок вцепился в ворот и ощущаю меня встряхнул.

— Святой сыск, — прорычал он, — занимается не церковными делами, а врагами королевства! И проверяет всех, кого сочтет угрозой интересам короны!

— Полегче, любезный! — возмутился я и оглянулся на хозяина таверны. — Правда, что ли, мастер Хайнц?

Тот часто-часто закивал.

— Якорь вам в зад... — проворчал я, полез за пазуху и кинул на стол пачку потертых документов. — Смотрите, мне скрывать нечего!

На плюгавого моя покладистость впечатления не произвела, и он остался стоять за спиной. Мастер Вальдер уселся на стул и развязал перетянутую бумаги тесьму.

— Зергиус Тоци? — остро глянул он на меня, просмотрев подорожную. — Гражданин вольного города Нильмара?

— Он самый, — подтвердил я и оглянулся на плюгавого. — Может, хватит уже над душой стоять?

— Нет, — коротко ответил тот, обдав меня крепким чесночным духом.

— Бесов праздник! — выдохнул я и допил остатки вина.

Мастер Вальдер разложил перед собой документы, усмехнулся в пшеничные усы и спросил:

— Чем на жизнь зарабатываете, мастер Тоци?

— Людей режу, — ответил я чистую правду. — Режу и зашиваю.

Перед верзилой лежали справка университета Нильмары о прослушанном медицинском курсе и лицензия морской комиссии магистрата, позволяющая работать корабельным хирургом, поэтому ищейку такой мой ответ вполне удовлетворил.

— Нильмара и Драгарн, далее Стильг, Марна и Озерки, а теперь и Норвейм... — Верзила пролистал подорожные документы и кинул их на стол. — Далеко от морей забрались, мастер Тоци.

— Пришлось, — пожал я плечами, поймал вопросительный взгляд и снизошел до объяснений: — Капитан оказался вздорной сволочью, чтоб плешивого недомерка русалки утопили! Повздорили мы с ним, вот и выставил с корабля без рекомендаций. Пришлось в Руг двинуть. Там нынче бойня знатная идет — наш брат в большой цене.

— В наемники решили податься, мастер? И на какую сторону вербоваться собираетесь?

Я расхохотался, наполнил кружку вином, отпил.

— Да уж к еретикам точно не сунусь. Резать их — сколько угодно, но никак не штопать.

Пусть Ланс и вернулся в лоно истинной церкви, недавний разгул ереси Единения забудется еще не скоро. Мастер Вальдер кивнул, словно иного ответа от меня и не ожидал получить, собрал документы и отошел с ними к окну. Придирчиво изучил печати и чернила, затем спросил хозяина:

— А вы что, мастер Хайнц, скажете?

Хозяин таверны судорожно сглотнул и затараторил:

— Живет со вчерашнего дня, поначалу останавливаться не соби-
рался, но перебрал вина и на пристань не пошел, остался ночевать...

Верзила вернулся к столу.

— На пристань?

Я вздохнул.

— Не по нутру мне дорожную пыль глотать. По реке и быстрее, и дешевле выйдет. А что вино люблю — так могу себе позволить, пока серебро в карманах звенит.

Мастер Вальдер пригладил пышные усы и разрешил владельцу заведения продолжать. Тот наморщил лоб, пытаясь вспомнить, на чем остановился.

— Так это... наклюкался он, с лестницы сверзился и ногу ушиб. Охромел и клюку выпросил. Ну и пьет снова, как видите. Собирался сегодня уходить, да никак не соберется...

Ищейки взглянули на отставленную к стене палку, и мастер Вальдер спросил:

— Какую ногу отбил?

— Не отбил, а подвернул. Правую.

Плюгавый присел и задрал мне штанину. Намотанные на лодыжку лоскуты придавали ноге припухший вид, подручного сыскаря ничего не насторожило. Но тут на глаза ему попался саквояж.

— Эй! — возмутился я, когда потертую дорожную сумку выставили на стол. — Чего еще?!

— Сиди! — требовательно процедил мужичок, расстегнул ремень саквояжа и высыпал его содержимое на стол.

Звякнули сталью ржавые ножницы и стертые скальпели, лягнули о короткую железную пилу зловещего вида щипцы, откатилось в сторону шило с потемневшей дубовой рукоятью. Ну и прочий хирургический инструмент вывалился, а ничего иного в саквояже и не было.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАЛЕНДАРЬ

Время года	Месяц
Весна	Святого Мартина Мореплавателя Святого Артура Странника Святой Майи Милостивой
Лето	Святого Иоанна Грамотея Святой Юлианы Затворницы Святой Августины Травницы
Осень	Святого Себастьяна Косаря Святого Огюста Зодчего Святого Николаса Слепца
Зима	Святого Доминика Просветителя Святого Януария Чудотворца Святого Фредерика Копьеносца

ЦЕРКОВЬ

Нынешнее устройство Церкви было утверждено Великим Собором, в котором приняли участие все наиболее влиятельные священнослужители того времени. После многочисленных теологических споров, которые Собор, сформулировавший Символ Веры, разрешил окончательно, было объявлено начало нового летосчисления, где каждому месяцу соответствовал свой святой заступник. Были также приняты правила определения святости и выработана процедура причисления к лику Святых.

В Символе Веры отражены главные религиозные постулаты: противостояние Изначального Света и Извечной Тьмы и ожидание последней битвы, в которой единственными защитниками людей против армии бесов и потерянных душ выступят Святые.

По нынешнему устройству Церкви моленные дома и монастыри всех конкретных Святых находятся в подчинении настоятеля столичного монастыря Всех Святых страны, в которой они расположены.

Моленные дома и монастыри во имя конкретного Святого находятся в подчинении настоятеля монастыря, в котором хранятся мощи или представлена гробница данного Святого.

СВЯТЫЕ

Святой Мартин Мореплаватель. Известный путешественник, прославившийся открытием морского пути в Пахарту и исследованиями Полуденного архипелага. Однажды во время шторма, когда кораблю, на котором он путешествовал, грозила неминуемая гибель, пошел вперед по водной глади, аки посуху, и судно невозбранно прошло за ним меж прибрежных рифов. Был убит в стычке с пиратами Старого моря. Похоронили Мартина по морскому обычаю, но спустя малое время тело было прибито к берегу и оказалось нетленным. Гробница находится в Лагеме. Небесный покровитель моряков.

Святой Артур Странник. Был искусным проповедником и неутомимым миссионером. Принял мученический венец в землях Пахарты. Однако тело его по смерти не выказывало никаких признаков разложения, но напротив — благоухало и мироточило. Это чудо вразумило язычников, многие из которых обратились к истинной вере. Мощи Святого Артура вернул в родные места Мартин Мореплаватель. Похоронен в Карлене. Небесный покровитель странников и путешественников.

Святая Майя Милостивая. Наследная принцесса Драгарна, известная при жизни необычайным благонравием и милосердием. Покровительница приюта для сырых и убогих, открытого на ее пожертвования. Была убита в результате дворцового переворота. Тело принцессы не подверглось тлению, лишь из глаз текли кровавые слезы, а в день похорон над Лираном прошел кровавый дождь. И по смерти остается защитницей больных и скорбящих, врачую равно хвори телесные и душевные. Многие исцеляются, совершив паломничество к ее гробнице. Небесная покровительница лекарей.

Святой Иоанн Грамотей. Ученый книжник, ходивший по деревням и обучавший детей монастырской грамоте. Был известен необычайной кротостью нрава. Беседовал с птицами и зверями. Принял смерть на лесной дороге от рук разбойников, кои позднее раскаялись в содеянном и добровольно сдались правосудию. Перед их казнью Святой воочию явился судьям с просьбой о перезахоронении в родных местах и о помиловании убийц, «ибо не ведали, что творили». При открытии гроба обнаружилось, что тело Иоанна оказалось не тронуту порчею и тленом, поэтому его гробница в Магреве стала местом паломничества. Небесный покровитель учащихся и учителей.

Святая Юлиана Затворница. Девица благородного происхождения, добровольно взявшая на себя обет затворничества. Более полувека прожила она в пещере и еще при жизни прославилась как ясновидица. Последние годы паломники текли к Юлиане нескончаемой рекой, многие получили вразумление к исправлению несправедливой жизни и впоследствии прославились добрыми деяниями. За день до отхода в мир иной попрощалась с миром и назвала точный час своей смерти. Нетленные ее останки были похоронены в Вельме. Небесная покровительница ученых.

Святая Августина Травница. Деревенская знахарка, лечившая больных травами и наговорами. Изгоняла бесов наложением рук. Была оклеветана и сожжена на костре по ложному обвинению в чернокнижии, однако на следующий день ее кости замироточили, на кострище за одну ночь взошли цветы, а над самым местом казни вознеслась благоговещая радуга. Устрашенный, клеветник сознался в обмане. Урна с прахом Святой находится в монастыре в Руге, и прикосновение к ней способно изгнать из человека бесовскую силу. Небесная покровительница экзорцистов.

Святой Себастьян Косарь. До пятидесяти лет был обычным сельским жителем, молчуном и бирюком. Однажды услышал проповедь Артура Странника и загорелся огнем истинной веры. В те дни на село нашел мор, гибли без разбору стар и млад. Себастьян вышел на площадь и начал проповедовать и говорил без остановки три декады и три дня. Все, кто слушал его, остались здоровы, а болящие исцелились. И даже одержимые приходили в себя, поскольку бесы не могли выносить воль голоса Святого. С последним словом проповеди мор закончился и в дальних селениях, но сам Себастьян умер от истощения. Тело его по смерти выглядело так же, как при жизни, и не выказывало признаков тления. Был похоронен в Арлоне. Небесный покровитель сельского сословия.

Святой Огюст Зодчий. Архитектор, казненный по облыжному обвинению в государственной измене. Главный зодчий монастырского комплекса Святой Терезы, чудесным образом посмертно закончивший чертежи храма. Очевидцы неоднократно наблюдали его работающим в ночи, а поутру находили бумаги с указаниями по строительству. Была организована комиссия для проверки захоронения Огюста. По вскрытию могилы оказалось, что останки Огюста не подверглись разложению. В Акрае обустроили гробницу Святого, к коей притекают паломники, желающие успешного завершения сложных дел. Небесный покровитель ремесленников.

Святой Николас Слепец. Слепой проповедник, прославившийся своим даром изгонять бесов. Глядя на бесноватого пустыми глазами, он огнем истинной веры выжигал из душ одержимых тень самой тени и малейшее видимое зло. Нетленные мощи Святого покоятся в монастыре в Кииласе. Небесный покровитель экзекуторов.

Святой Доминик Просветитель. Создатель монастырской грамоты. Первые книги, написанные его рукой, давно обрели статус святыни. Известен случай, когда приступили к городу Онро враги в великом воинском множестве, и не было надежды на то, что крепость устоит. И тогда взяли рукопись Святого Доминика и обошли с ней посолонь все крепостные стены. И утром враг отступил и ушел искать иной добычи. Похоронен Святой Доминик в Ханциге. Небесный покровитель монашества.

Святой Януарий Чудотворец. Приходской священник, который стал первой жертвой страшной чумы 345 года до Великого Собора. Силой истинной веры он одолел болезнь, а затем, едва окрепнув, изле-

чил всех заболевших в своем приходе. Ходил от города к городу, творя чудеса и исцеляя болящих одним прикосновением. Умер от полного истощения сил в Нильмаре, где и был погребен. Гробница его стала местом паломничества, и к ней устремились те, кто страдал жестокими телесными недугами, получая от Святого полное выздоровление или послабление физических немощей: каждому по вере его. В день смерти Святого гробница мироточит. Собранное миро хранят как лекарство последней надежды для тяжко недужных венценосных особ. Небесный покровитель дворянского сословия.

Святой Фредерик Копьеносец. Командир портового гарнизона Оража-на-Рее, руководитель обороны города во время знаменитого пиратского набега 276 года до Великого Собора. Немногочисленный гарнизон не мог удержать город, и тогда Фредерик вышел за крепостные стены один. Вера укрепляла его, и потому он положил врагов бесчисленно. Однако численное преимущество было на их стороне, пираты навалились всею силой и затоптали Фредерика. А потом командир пиратов отрубил герою голову и насадил ее на пику. Сколь велико было всеобщее удивление, когда мертвая голова открыла очи и заговорила, суля пиратам скорую и страшную гибель! Нападавшие бежали без оглядки. Гробница Святого и по сей день находится в Ораже-на-Рее. Небесный покровитель воинов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ	7
ЖНЕЦ	281
МОР	543
ОСКВЕРНИТЕЛЬ	841
СВЯТОЙ СЫСК. <i>Повесть</i>	1139
Приложение	
<i>Календарь</i>	1189
<i>Церковь</i>	1189
<i>Святые</i>	1190